

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 4 (14)

2013

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилинский Я.И. (СПб, РГПУ им.Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.п.н., профессор Подгурецки Юзеф (Республика Польша, Опольский университет)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н., профессор Минниханов Р.Н. (Управление ГИБДД МВД по РТ)
д.пед.н., профессор В.Ф. Габдулхаков (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор А.Г. Безверхов (Самара, СГУ)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиулов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики, информатики
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.и.н., доцент Кабиров Д.Э., начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Корректоры Н.А. Климанова, О.Н. Хрусталева

©Казанский юридический институт МВД России. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikui@mail.ru)

Подписано в печать 12.12.2013 г. Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Галиуллина Р.Х.

Правовое регулирование охраны труда, расследования страховых случаев и несчастных случаев на производстве в системе органов внутренних дел 4

Исхаков Э.Р., Гринзовский А.М.

Система наказаний за нарушения правил санитарной охраны границ территории Российской империи в нормативно-правовых актах начала XIX столетия 11

Казьмина Е.А.

Электронная демократия в России: отдельные аспекты становления и развития 17

Микерин А.А.

К вопросу об эффективности конституционного регулирования в современной России . 22

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Ольков С.Г.

Матрица состояний согласованности точных, субъективных и объективных оценок в системе юридической ответственности. Вероятность нахождения системы судей в справедливом и несправедливом состоянии..... 26

Плаксина Т.А.

Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (ч.1 ст.312 УК РФ): оценка возможности и обоснованности частичной декриминализации ... 31

Варыгин А.Н., Ильянова О.И.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в структуре насильственной преступности 38

Костина Л.Н.

Некоторые психолого-криминологические особенности личности водителей, допускающих систематические нарушения правил дорожного движения 42

Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э.

Отечественная криминология: история, современное состояние, перспективы развития 47

Демидова-Петрова Е.В.

О преступности несовершеннолетних и ее особенностях 52

Сергеева А.А., Ракова М.Н.

Нелегальная миграция в системе трансграничных угроз: к вопросу о проблемах нормативного регулирования миграционных процессов 58

Полтарыгин Р.В., Сахапов И.Р.

Стимулирование антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел поощрением за отказ от взятки (опыт МВД по Республике Татарстан) 66

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА

Юнусов А.А., Мазина Н.Н.

Извещение заинтересованных лиц как гарантия широкой свободы обжалования в системе контрольно-проверочных производств 71

Хайдаров А.А., Мельник Э.П.

Особенности судебного следствия по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме 75

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Жуковская И.В.

Формирование дискурсивно-аналитических компетенций курсантов (слушателей) в аспекте междисциплинарной интеграции 78

Филькова А.Ю.

Географические и лексические особенности топонимов РФ 82

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Бабенко А.Н.

Криминологическая классификация регионов по уровню интенсивности преступности несовершеннолетних (украинский опыт исследования) 87

Бокий А.Н., Микитенко В.В.

Контроль и надзор за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка в Украине 92

Буткевич С.А.

Антилегализационное законодательство Украины: состояние и перспективы развития .. 100

Кибак И.А.

Методика изучения общественного мнения о законотворческой деятельности 108

Трибуна Молодым

Сидоренко Е.А.

Некоторые особенности субъектов совершения преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ 115

Толстов П.В.

Законодательство об уголовной ответственности за нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст.247 УК) в странах дальнего зарубежья 122

Научные обзоры и рецензии

Малков В.П.

Отзыв о диссертации П.В. Агапова «Основы противодействия организованной преступной деятельности», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук 128

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 140

Р.Х. Галиуллина,

кандидат исторических наук, доцент

(КЮИ МВД России)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ТРУДА,
РАССЛЕДОВАНИЯ СТРАХОВЫХ СЛУЧАЕВ И НЕСЧАСТНЫХ
СЛУЧАЕВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ
В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ¹**

¹ Предлагаемая статья основывается на результатах выполненной заказной работы - научно-методического пособия «Расследование и учет “несчастных случаев” в системе органов внутренних дел», выполненной ст. преподавателем кафедры гражданско-правовых дисциплин майором полиции Р.Х. Галиуллиной (основание - План научной деятельности КЮИ МВД России на 2012 г. (п.1.21. от 08.12.2011 г.)).

В статье проведена попытка реконструировать механизм правового регулирования охраны труда сотрудников органов внутренних дел. Автором был проанализирован комплекс нормативных актов гражданского, трудового и служебно-административного законодательства, выявлены особенности институтов «страховой случай», «несчастный случай», даны рекомендации по устранению коллизий служебно-административного и трудового права.

Ключевые слова: охрана труда, страховой случай, несчастный случай, служебная проверка, расследование несчастного случая на производстве, сотрудники органов внутренних дел.

The article is devoted to the reconstruction of mechanism of legal regulation of a labour protection of law enforcement officers. The author analyses a complex of normative acts of the civil, labour, service and administrative legislation, characteristics of institutes “insured accident”, “accident” are revealed, recommendations about elimination of collisions of service-administrative, and labour law are given revision.

Key words: a labour safety, insured accident, a service check, accident investigation on a factory, law enforcement officers.

Правовые основы охраны труда, расследования страховых случаев в системе органов внутренних дел и несчастных случаев на производстве заложены в Конституции РФ от 12 декабря 1993 года. [1] Кроме того, международные правовые стандарты, регламентирующие безопасность и гигиену труда, содержатся в конвенциях Международной организации труда (далее по тексту – МОТ): «Об инспекции труда в промышленности и торговле» (конвенция МОТ № 81)[2] и «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» (конвенция МОТ № 155).[3]

На любом производстве существует риск возникновения несчастного случая. В связи с этим приказом Минздравсоцразвития РФ от 18 декабря 2006 г. № 857 «Об утверждении классификации видов экономической деятельности по классам профессионального риска»[4] выделено 32 класса профессионального риска в экономической деятельности. Так, издание книг отнесено к первому

классу, а добыча каменного угля – к тридцать второму. Что касается деятельности сотрудников органов внутренних дел, то их деятельность относится ко второму классу профессионального риска.

Поскольку деятельность сотрудников органов внутренних дел отнесена к деятельности, связанной с риском, то в связи с наступлением страхового случая (а именно так называют несчастные случаи, произошедшие в системе органов внутренних дел), он подлежит расследованию (ст.52 ФЗ «О службе в органах внутренних дел»).

Приказ МВД РФ от 24 декабря 2008 № 1140 «Об утверждении Инструкции о порядке организации и проведения служебных проверок в органах, подразделениях и учреждениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте РФ 11 февраля 2009 № 13293) утвердил Инструкцию, которая определяет порядок организации рабо-

ты по проведению служебных проверок.[5]

Несчастный случай на производстве, как подчеркивает Т.С. Сокол, возникает при воздействии на работающего опасного производственного фактора в момент выполнения им трудовых обязанностей или заданий руководителя работ. Это же определение мы можем распространить и на сотрудников органов внутренних дел как лиц, исполняющих служебно-трудовые обязанности. В качестве примеров несчастных случаев Т.С. Сокол приводит падение с высоты, ушибы, вывихи, переломы, порезы, травматические ампутации различных частей тела, ожоги, обморожения, воздействие электрического тока и др.[6]

Использование понятия «несчастный случай» не практикуется в системе органов внутренних дел. В связи с причинением сотруднику органов внутренних дел вреда здоровью, жизни принято говорить о наступлении «страхового случая», поскольку жизнь и здоровье сотрудника подлежат обязательному государственному страхованию за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета на соответствующий год (п.1 ст.43 ФЗ «О полиции»[7]). Это же положение распространяет свое действие и на сотрудников органов внутренних дел, не являющихся сотрудниками полиции, в том числе и к сотрудникам внутренней службы (ст.56). Поэтому правовое регулирование охраны труда сотрудников органов внутренних дел, расследования страховых случаев и несчастных случаев носит смешанный характер: применяются нормы трудового, гражданского и служебно-административного законодательства.

Механизм правового регулирования представлен следующими нормативными актами:

- регулирующими служебно-трудовую деятельность сотрудников органов внутренних дел (Федеральные законы «О службе в органах внутренних дел» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, [8] «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ [7]);

- регулирующими вопросы обязательного государственного страхования военнослужащих, в той части, в которой это регулирование допускается в силу принципа аналогии закона (Федеральный закон «Об

обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников федеральных органов налоговой полиции: постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 855);[9]

- устанавливающими порядок наступления страхового случая (Федеральный закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27 ноября 1992 года [10]); несчастного случая (Трудовой кодекс РФ (далее по тексту – ТК РФ) от 30 декабря 2001 года [11]);

- устанавливающими правовые, экономические и организационные основы обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в Российской Федерации (Федеральные законы от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», [12] Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» [13]). Указанные законы определяют также порядок возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью работника при исполнении им обязанностей по трудовому договору (контракту);

- а также нормами части второй Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ) от 26 января 1996 года, [14] Уголовного кодекса РФ (далее по тексту – УК РФ) от 13 июня 1996 года, [15] Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ) от 30 декабря 2001 года, [16] Гражданского процессуального кодекса РФ (далее по тексту – ГПК РФ) от 14 ноября 2002 года. [17]

Помимо федеральных законов, в механизм правового регулирования входят также и подзаконные нормативные акты, уточняющие и дополняющие нормы федеральных законов. К примеру, постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 855 «О мерах по реализации Федерального закона «Об обязательном госу-

дарственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников федеральных органов налоговой полиции».[9] устанавливает особый порядок страхования жизни и здоровья военнослужащих, характер деятельности которых носит априори опасный для жизни и здоровья характер. Под действие этого закона следует относить и сотрудников органов внутренних дел, т.к. их характер деятельности также носит опасный и рисковый характер.

Важное значение в механизме правового регулирования расследования страховых случаев в системе органов внутренних дел имеют подзаконные акты, дополняющие и разъясняющие порядок применения федеральных законов, в частности, приказы МВД РФ:

- приказ МВД РФ от 16 декабря 1998 г. № 825 «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья в системе МВД России».[18]
- приказ МВД РФ от 19 июля 1999 г. № 526 «О назначении на должности руководителей органов внутренних дел по контракту» (зарегистрировано в Минюсте РФ 1 сентября 1999 г. № 1882);[19]
- приказ МВД РФ от 24 декабря 2008 г. № 1140 «Об утверждении Инструкции о порядке организации и проведения служебных проверок в органах, подразделениях и учреждениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации».[5]
- приказ МВД РФ от 19 января 2012 г. № 34 «О примерной форме контракта о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации».[20].

Практика показывает, что все чаще подразделения МВД РФ обращаются к подзаконным нормативным актам трудового законодательства и права социального обеспечения, которые регламентируют вопросы расследования несчастных случаев на производстве и порядок их учета. Это вполне объяснимо, т.к. именно в рамках трудового права и права социального обеспечения, а не служебно-административного права сложился процессуальный механизм

расследования и учета несчастных случаев на производстве, имеющих сходную правовую природу с наступлением страхового случая. В течение более чем десяти лет – с изданием приказа МВД РФ от 10 мая 2001 г. № 492 «Об улучшении работы по охране труда в системе МВД России»[21] – МВД РФ ориентирует начальников главных управлений, управлений МВД России, ГКБВ МВД России, КФКМ при МВД России, МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, а также руководителей подразделений по охране труда применять в части, не урегулированной служебно-административным законодательством, трудовое законодательство, в том числе и прежде всего, в отношении охраны труда, расследования и учета несчастных случаев на производстве. При проведении работы по охране труда подразделения МВД России осуществляют следующие мероприятия, в частности:

- разрабатывают сводные, перспективные и текущие планы по улучшению условий труда, осуществляют контроль за их выполнением;
- осуществляют контроль за соблюдением на находящихся в подчинении предприятиях, учреждениях и организациях требований и нормативных предписаний Конституции Российской Федерации, законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых актов МВД России, а также правил, положений и инструкций по охране труда;
- ведут оперативный учет групповых несчастных случаев и несчастных случаев со смертельным и тяжелым исходом, анализируют причины производственного травматизма на находящихся в подчинении предприятиях, учреждениях и организациях;
- готовят обзоры по охране труда;
- проводят проверки (обследования) состояния охраны труда на рабочих местах с привлечением сотрудников соответствующих подразделений МВД России;
- проводят работу по организации семинаров (совещаний) по вопросам охраны труда с сотрудниками подразделений по охране труда (специалистами по охране

труда); работы по распространению передового опыта по снижению уровня производственного травматизма, улучшению условий труда работающих;

- осуществляют контроль за своевременным и качественным расследованием несчастных случаев, происшедших на находящихся в подчинении предприятиях, организациях и учреждениях;

- направляют в подразделение центрального аппарата МВД России, отвечающее за анализ и координацию тылового обеспечения, сообщения о групповых несчастных случаях, несчастных случаях со смертельным исходом, происшедших на находящихся в подчинении предприятиях, организациях и учреждениях;

- представляют в установленные сроки в подразделение центрального аппарата МВД России, отвечающее за анализ и координацию тылового обеспечения, сводные отчеты по форме 7-травматизм «Сведения о травматизме на производстве и профессиональных заболеваниях», а также ежегодно до 30 марта за отчетный год информацию о состоянии и принимаемых мерах по улучшению условий и охраны труда на находящихся в подчинении предприятиях, учреждениях и организациях согласно прилагаемому Перечню характеристик;

- разрабатывают и осуществляют мероприятия по снижению производственного травматизма и профессиональных заболеваний, созданию здоровых и безопасных условий труда работающим;

- расследуют аварии, групповые несчастные случаи, несчастные случаи со смертельным исходом;

- готовят предложения по совершенствованию работы в области охраны труда и направляют их для рассмотрения руководству МВД России (п.п. 9.1-9.12 приказа).

Таким образом, подразделения органов внутренних дел в части вопросов процессуального регулирования охраны труда, расследования и учета несчастных случаев руководствуются нормами трудового законодательства и права социального обеспечения, а именно следующими подзаконными нормативными актами:

- приказом ФСС РФ от 24 августа 2000 г. № 157 «О создании в Фонде социального страхования Российской Федерации единой системы учета страховых случаев, их анализа и определения размера скидок и надбавок к страховым тарифам с учетом состояния охраны труда»;

- постановлением Минтруда от 24 октября 2002 г. № 73 «Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях»;

- приказом Роструда от 21 февраля 2005 г. № 21 «О порядке представления оперативных и аналитических сведений о групповых несчастных случаях с тяжелыми последствиями и иных чрезвычайных происшествиях и о состоянии и причинах производственного травматизма»;

- приказом от 21 февраля 2005 г. № 21 «О порядке представления оперативных и аналитических сведений о групповых несчастных случаях с тяжелыми последствиями и иных чрезвычайных происшествиях и о состоянии и причинах производственного травматизма»;

- приказом Минздравсоцразвития РФ от 24 февраля 2005 г. № 160 «Об определении степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве»;

- приказом Минздравсоцразвития РФ от 15 апреля 2005 г. № 275 «О формах документов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве»;

- приказом Минздравсоцразвития РФ от 18 декабря 2006 г. № 857 «Об утверждении классификации видов экономической деятельности по классам профессионального риска»;

- приказом Ростехрегулирования от 10 июля 2007 г. № 169-ст введен в действие «ГОСТ 12.0.230-2007. Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда. Общие требования»;

- приказом Минздравсоцразвития РФ от 26 апреля 2011 г. № 342н «Об утверждении порядка проведения аттестации рабочих мест по условиям труда»;

Таким образом, охрана труда, расследование и учет несчастных случаев на производстве – правовые институты, разработанные в рамках трудового права (глава 56. «Охрана труда»; глава 57 «Расследование и учет несчастных случаев на производстве»). Эти институты не являются специальными объектами правового регулирования служебно – административного права (Федеральных законов «О службе в органах внутренних дел», [8] «О полиции» [7]). Подзаконные нормативные акты (приказы МВД РФ) могут только дополнять и (или) уточнять нормы трудового права. Таким образом, руководители подразделений органов внутренних дел должны по вопросам охраны труда, наступления несчастных случаев на производстве должны руководствоваться в первую очередь нормами трудового права, и только на их основании нормами служебно-административного права – приказами МВД РФ, изданными на их основании инструкциями по охране труда – если таковые имеются. Такой порядок установлен и отсылочными нормами Федерального закона «О службе в органах внутренних дел». В частности, п.2 ст.2 гласит: «Правоотношения, связанные с прохождением в органах внутренних дел федеральной государственной гражданской службы, регулируются законодательством Российской Федерации о государственной гражданской службе, а трудовые отношения – трудовым законодательством»; а в п.2 ст.3 этого же закона – «в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации, указанными в части 1 настоящей статьи, к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, применяются нормы трудового законодательства».

Анализ приказа МВД РФ от 24 декабря 2008 г. № 1140 «Об утверждении Инструкции

о порядке организации и проведения служебных проверок в органах, подразделениях и учреждениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» показывает, что должностное лицо, уполномоченное проводить служебную проверку, обязано определить или исключить наличие субъективных причин, которые привели к проступку (происшествию), страховому случаю. Действия уполномоченного лица сводятся к установлению или исключению состава правонарушения самим сотрудником, в том числе жизнь и здоровье которого стали объектом наступления страхового случая. Думается, что служебный порядок расследования страхового случая не создает процессуальных возможностей составления объективной картины наступления страхового случая.

В Российской Федерации в отношении лиц, работающих по трудовому договору, действует единый порядок расследования и учета несчастных случаев на производстве. Следует подчеркнуть, что он регламентируется не ведомственными актами, а установлен федеральным законом – Трудовым кодексом (ст.227-231) и подзаконным нормативным актом – постановлением № 73 «Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях».[23] Представляется целесообразным процессуальные нормы служебно-административного законодательства при расследовании наступившего страхового случая, если он связан с выполнением профессиональных обязанностей пострадавшего сотрудника, привести в соответствие с процессуальными нормами трудового законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М.: Юрист, 1997. 31 с.
2. Об инспекции труда в промышленности и торговле: конвенция МОТ № 81 (1947 г.): ратифицирована Российской Федерацией в Международном бюро труда 2 апреля 1998 г. // Бюллетень Минтруда России. 1998. № 3.

3. О безопасности и гигиене труда и производственной среде: конвенция МОТ № 155 (1981 г.): ратифицирована Российской Федерацией в Международном бюро труда 2 апреля 1998 г. // Бюллетень Минтруда России. 1998. № 3.
4. Об утверждении классификации видов экономической деятельности по классам профессионального риска: приказ Минздравсоцразвития РФ от 18 декабря 2006 г. № 857 // Социальный мир. 2007. 31 марта.
5. Об утверждении Инструкции о порядке организации и проведения служебных проверок в органах, подразделениях и учреждениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД РФ от 24 декабря 2008 г. № 1140 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 14.
6. Сокол Т.С. Охрана труда: учебное пособие М.: Дизайн ПРО, 2005. С.175.
7. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст.900.
8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч.1). Ст.7020.
9. О мерах по реализации Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников федеральных органов налоговой полиции»: постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 855 // СЗ РФ. 1998. № 32. Ст.3900.
10. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 ноября 1992 года // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 2. Ст.56; СЗ РФ. 1998. № 1. Ст.4.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ// СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст.3.
12. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст.3803.
13. Об основах обязательного социального страхования: Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст.3686.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст.410.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст.2954.
16. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст.1.
17. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст.4532.
18. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья в системе МВД России: приказ МВД РФ от 16 декабря 1998 № 825 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1999. 15 февраля.
19. О назначении на должности руководителей органов внутренних дел по контракту: приказ МВД РФ от 19 июля 1999 г. № 526 (прекратил свое действие) // СПС «Консультант+».
20. О примерной форме контракта о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД РФ от 19 января 2012 г. № 34 // Российская газета. 2012. 10 февраля.
21. Текст приказа официально опубликован не был. См.: Об улучшении работы по охране труда в системе МВД России: приказ МВД РФ от 10 мая 2001 г. № 492 // ИПС «Гарант-профессионал».

22. О создании в Фонде социального страхования Российской Федерации единой системы учета страховых случаев, их анализа и определения размера скидок и надбавок к страховым тарифам с учетом состояния охраны труда: приказ ФСС РФ от 24 августа 2000 г. № 157. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29357/#p3
23. Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях: постановление Минтруда РФ от 24 октября 2002 г. № 73 // Российская газета. 2002. 18 декабря.
24. О порядке представления оперативных и аналитических сведений о групповых несчастных случаях с тяжелыми последствиями и иных чрезвычайных происшествиях и о состоянии и причинах производственного травматизма: приказ Роструда от 21 февраля 2005 г. № 21 // ИПС «Консультант +».
25. Об определении степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве: приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 февраля 2005 г. № 160 // Российская газета. 2005. 14 апреля.
26. О формах документов, необходимых для расследования несчастных случаев на производстве: приказ Минздравсоцразвития РФ от 15 апреля 2005 г. № 275 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. 30 мая.
27. Система стандартов безопасности труда. Системы управления охраной труда. Общие требования. ГОСТ 12.0.230-2007: приказ Ростехрегулирования от 10 июля 2007 г. № 169-ст // Библиотека инженера по охране труда. № 1. 2008.
28. Об утверждении порядка проведения аттестации рабочих мест по условиям труда: приказ Минздравсоцразвития РФ от 26 апреля 2011 г. № 342н // Российская газета. 2011. 24 июня.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Комлев Ю.Ю.

Теории девиантного поведения: учебное пособие. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2013. – 302 с.

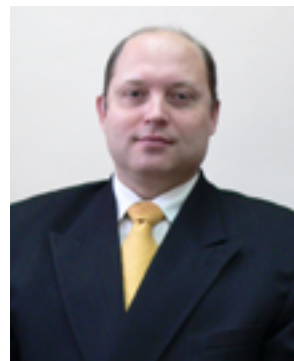
ISBN 978-5-901593- 35-6

В книге излагаются основы и история формирования антропобиологических, психологических и социологических теорий девиантного поведения. Содержатся основные положения и принципы теорий, оценивается их адекватность при объяснении девиантного и криминального поведения. Широко использована как отечественная, так и иностранная, европейская и североамериканская литература. Учебное пособие рассчитано на юристов, социологов, психологов и студентов. Работа может быть полезна в качестве учебного пособия по курсу «Социология девиантного поведения», при изучении криминологии, социологии, психологии.

Э.Р. Исхаков,

доктор медицинских наук, профессор
(Уфимский юридический институт
МВД России)

А.М. Гринзовский,

кандидат медицинских наук, доцент
(Национальный медицинский университет
им. А.А. Богомольца Министерства
здравоохранения Украины)

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ САНИТАРНОЙ ОХРАНЫ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ

В работе рассмотрена система наказания населения и персонала специализированных карантинных учреждений за несоблюдение карантинного законодательства Российской империи начала XIX столетия, направленного на обеспечение и реализацию принципов санитарной охраны территории как составляющей национальной системы профилактики возникновения и распространения инфекционных заболеваний.

Ключевые слова: медицинское право, санитарное законодательство, история медицины, история юриспруденции.

The article deals with the system of punishment of population and quarantine institutions' working personnel for violation of Russian Empire's quarantine legislation at the beginning of XIX century, aimed on ensuring and realizing of principles' of territory sanitary protection as a part of the national system of prevention of infectious diseases' appearing and spreading.

Key words: medical law, sanitary law, history of medicine, history of law.

Одной из серьезнейших проблем Российской империи начала XIX столетия было обеспечение санитарной охраны границ и предотвращение распространения эпидемий. Деятельность государственных и медицинских учреждений в период эпидемий в основном сосредотачивалась на карантинных медико-полицейских мероприятиях.

В конце XVIII века в Российской Империи действовал ряд нормативно-правовых актов, согласно которым организовывалась работа сложной системы карантинных и карантинных домов. Их особенностью было наличие противоречивых и неконкретных требований относительно лиц, прибывших из эпидемически опасных территорий, а также отсутствие в законодательном поле

четко структурированной ответственности за несоблюдение карантинных требований. Наличие в документах различных сроков и условий карантинной очистки товара и различных методик проведения дезинфекций снижало действенность и эффективность существующих противоэпидемических мероприятий.[2]

Новое нормативно-правовое поле, регламентирующее санитарную охрану территории Российской империи от заноса особо опасных инфекционных заболеваний, основывалось на принятом 7 июля 1800 года «Уставе пограничных и портовых карантинных».[7] В уставе, к разработке которого были привлечены известные специалисты - секретарь медицинской коллегии И. Виен,

врачи С. Андриевский и Н. Карпинский,[1] окончательно были закреплены организационно-методические основы деятельности карантинных учреждений. Отдельные черты их деятельности сохранились до сегодняшнего дня.

Особенностью «Устава пограничных и портовых карантинных» было наличие в структуре документа отдельных положений и статей, которые четко очерчивали процедуры досмотра людей и товара, методы, средства и режимы дезинфекции, устанавливали сроки, условия и особенности содержания людей и товаров в карантине, определяли возможные наказания за пренебрежение требованиями данного документа.

Расследование всех случаев нарушения карантинного законодательства возлагалось на карантинную контору, которая управляла всеми карантинными учреждениями или же, непосредственно, на руководителя карантинного учреждения.

Отдельно выдвигались требования к персоналу карантинных. Поскольку служба в карантине давала достойную плату, что обеспечивало хороший уровень жизни персонала, более ранний выход на пенсию и обязательное содержание семьи в случае гибели чинов и служащих Карантинной конторы, это делало её весьма привлекательной.

В то же время карантинная контора имела широкие административно-финансовые полномочия воздействия на персонал карантинных учреждений, который не соблюдал существующих требований или же оказывался небрежным, не справлялся со службой. Параграф 20 Карантинного устава провозглашал, что тех, кто небрежно выполняют свои обязанности, грубо обращаются с находящимися в карантине, исправлять сначала уговорами, выговорами, содержанием на хлебе и воде, а низших служащих — телесной казнью; но если все эти средства для исправления окажутся недостаточными — отказывать навсегда от службы в карантинных учреждениях. В случае когда деяния приводят к уголовному преступлению, виновный через Земское начальство направляется в суд.[7]

Аналогичное требование прописано и в

§ 50 Карантинного устава: «... когда замечен будет кто угодно из тех, кто работает в карантинном доме, в халатности к своей должности, склонности к недозволенным действиям и хитростям, которые могут вызвать общий вред или личный, такого сотрудника отлучать от должности, но однажды от карантина отлучен никогда к нему предназначенным быть не должен».[7. С.206-207]

Отдельно § 23 устава ставил вопрос по борьбе со взяточничеством в карантинных учреждениях: «...те же, что требуют мзды за труды свои и заботливость денег или других подобных вещей от пассажиров, при карантинном доме терпимыми быть не могут, а Карантинная контора должна применить все меры для выявления тех, кто нарушает это правило, пресечь законными средствами всякие неразрешенные намерения».[7. С.208.]

Учитывая существующую в государстве частную практику среди медиков, предусматривающую оплату их труда непосредственно пациентом, Карантинный устав предусматривал бесплатность медицинской помощи не только персоналу, который находится в службе при карантине, но и тем, кто выдерживает карантинный срок. Медицинские чины не могли требовать за свой труд никакого вознаграждения под угрозой исключения со службы.[7. С.209.]

С целью усиления борьбы со взяточничеством в карантинных учреждениях был принят профильный законодательный акт «О наказании карантинных чиновников, замеченных во взяточничестве», опубликованный 2 ноября 1809 года. В нем было предусмотрено, что все, замеченные в малейшей тяге к взяточничеству, и все участники такового будут отлучены от службы и переданы в суд по всей строгости законов.[4. С.1248.]

В карантинном законодательстве начала XIX столетия, помимо различных санкций и наказаний, предусмотрена была система поощрений персонала за плодотворную и добросовестную работу.

Существующая система поощрений предлагала денежное вознаграждение за выявленный товар, который скрывался от карантинной очистки. Работа без злоупотреблений и замечаний за десятилетний пери-

од также награждалась: «Инспектору и его товарищу, а также доктору или штаб-врачу по 3000 рублей, врачам и комиссарам при кварталах по 1500 рублей, а секретарю, переводчику и таможенному смотрителю по 1000 рублей».[3. С.614.]

Учитывая значительную опасность для здоровья персонала, Карантинный устав требовал от карантинного инспектора действенного контроля за персоналом при выполнении должностных обязанностей. Акцентировалось внимание на четком выполнении необходимых манипуляций персоналом, что предусматривало минимизацию риска для его здоровья. В отдельных случаях, чтобы они не подвергали себя и других излишней опасности, разрешалось применять труд преступников.

Спустя 18 лет в новом «Уставе о карантинах», который был принят 21 августа 1818 г., произошли значительные изменения по сравнению с «Уставом пограничных и портовых карантин» 1800 года. Устав о карантинах трансформировался из документа, который решал преимущественно организационно-распорядительные вопросы деятельности карантинных учреждений, в документ, который охватывал медико-профилактические и клинические вопросы инфекционных заболеваний, нормативно-методические, административно-финансовые и судебно-правоведческие вопросы применения карантинных мероприятий.

В отличие от рассмотренного «Устава пограничных и портовых карантин» 1800 г., в статьях «Устава о карантинах» 1818 года подробно изложены нормативно-методические основы оказания медицинской помощи, проведения карантинных, ограничительных и дезинфекционных мероприятий, приведены сроки изоляции и надзора с учетом эпидемиологической ситуации, разграничены полномочия персонала, в том числе, медицинского.

В новом уставе добавлены статьи, в которых широко и подробно изложены административно-хозяйственные и правовые основы деятельности карантинных учреждений, установлена правовая ответственность за несоблюдение требований этого правового акта.

Рассмотрим отдельные положения, касающиеся медицинских и организационных вопросов деятельности карантинных учреждений.

В уставе 1818 года остались медицинские приоритеты в деятельности карантинных учреждений, в то же время впервые детально изложены полномочия и ответственность не медицинского персонала, выполняющего работы по обеспечению охранно-лечебного режима для пациентов и проводящего дезинфекционные мероприятия в отношении имущества и личных вещей лиц, находящихся под карантинным надзором.

Учитывая огромные искушения персонала, который имел дело с состоятельными лицами и дорогостоящим товаром, в уставе 1818 года были добавлены новые статьи или же предложены соответствующие редакции, касающиеся процедуры выполнения карантинного очищения и ответственности персонала за качественное их выполнение и сохранность товара.

Впервые при проведении процедуры карантинного очищения дорогостоящих товаров была предусмотрена возможность присутствия их хозяев. Так же статьей 180 предписывалось повторное взвешивание или же другая адекватная проверка товара после его очищения с обязательной отметкой о результатах в сопроводительных документах. Статьей 183 пресекалось халатное исполнение своих обязанностей персоналом, производящим очищение. Данной статьей предусматривалась ответственность карантинных чиновников за халатное исполнение своих обязанностей. Если, несмотря на все предпринятые меры, случится, что карантинные чиновники или посторонние люди нечаянно коснутся пассажиров или их вещей, во всех случаях предусмотрено подробное расследование. Если кто из карантинных чиновников или из хозяев товара, впущенных в квартал для его осмотра, имел даже непреднамеренное касание к любым неочищенным товарам или к людям, которые их очищают, он подлежал повторной полной карантинной очистке, а виновные, после подробного расследования, – взысканию, с наложением санкций,

соответствующих их вине согласно статьям 239-245.[8]

Учитывая широкие полномочия медицинского персонала и руководителя карантинного учреждения в продлении сроков очистки и установке взысканий за различные нарушения, в «Уставе о карантинах», в отличие от ранее действующего «Устава пограничных и портовых карантин», был введен запрет на обогащение персонала за счет использования служебного положения.

Строго запрещалось чиновникам и карантинным служащим не только требовать, но и принимать что-либо от купцов, пассажиров и других людей в награду за труды по должности, быть наследниками имущества завещателя, если он находился в карантине, принимать от них любые доверительные письма и т.п.[8]

В карантинном уставе 1818 года широко и подробно расписаны распространенные правонарушения и четко установлены соответствующие наказания. Встречаются финансовые (различные штрафы) и административные санкции в виде продления сроков пребывания в карантине и отстранения персонала от работы, ссылки, телесные наказания и т.д. Но страх перед распространением особо опасных инфекций и перед связанными с ними значительными потерями среди населения, обременительные убытки как для граждан, так и для государства в целом, привели к чрезвычайно широкому применению в «Уставе о карантинах» наказания в виде смертной казни.

Так, при изучении санкций, которые упоминаются в «Уставе о карантинах» 1818 года, мы установили, что применение смертной казни предусматривалось в следующих случаях:

- Если на судне находились инфекционные больные, во время пребывания плавательного средства в карантине допускалось применение смертной казни относительно тех членов экипажа и пассажиров, которые без разрешения покидали судно. Ежели кто-то это делал вплавь, допускалось по такому нарушителю стрелять без всякой пощады из вооруженных шлюпок (статья 114).

- При выявлении факта дачи ложных

показаний капитаном судна или же иными ответственными лицами относительно здоровья прибывших в карантинное учреждение, независимо от причин, согласно требованиям статьи 230 «Устава», они карались смертью.

- Смертная казнь предусмотрена была при выявлении подделки документов с целью сокращения сроков пребывания в карантине или вовсе избавления от карантинных процедур (статья 231).

- Для тех, кто, независимо от причин, в пределах карантинных учреждений без разрешения карантинного начальства, самовольно взойдет или сойдет с судна или же выйдет из помещений отделения карантинного дома, которое для него назначено (статья 232).

Наказывали смертью и тех, кто насильственно противился карантинному начальству или выделенным от него стражам (статья 233). Смертная казнь так же грозила тем, кто бегством прятался от надзора карантинного начальства. Убивать беглецов разрешалось карантинному чиновнику, карантинной страже и даже обывателям, если иначе остановить беглеца невозможно. Если же он успеет убежать, то после поимки, наказывался смертью (статья 234).

Это же наказание грозило и тем, кто, находясь под карантинным контролем, без разрешения карантинного начальства, тайно свезет, сбросит, вынесет, передаст с судна или с внутренней части карантина что-либо, под каким бы то ни было предлогом (статья 235).

При выявлении тайного провоза товара или же людей минуя карантин, виновники, согласно статье 236, наказывались смертью. Карантинная стража, которая выявила и не донесла о тайном провозе, согласно статье 238, также наказывалась смертью.

Согласно требованиям статьи 237, за нарушения карантинного устава предусмотрены были и финансовые наказания. Они устанавливались в случаях, когда выявлялось на судне больше товаров, чем отмечено в документах. Все излишки конфисковались и продавались с публичного торга в пользу персонала карантинного учреждения.

Таким образом, финансово стимулировался тщательный осмотр судна и добро-

совестный труд карантинных чиновников с целью выявления тех или иных излишков, а обязательность осмотра всего судна и товара – с целью выявления всех возможных причин и факторов заноса инфекционного заболевания экипажем, пассажирами и с товарами.

В следующих статьях Карантинного законодательства, в отличие от предыдущего Устава, было предусмотрено совместное применение как административных, так и финансовых санкций:

- Если во время стояния в карантинной гавани или на рейде, при переезде от одного места к другому или при съезде шлюпки с судна на берег, такое судно или шлюпка коснется других, даже непреднамеренно, то виновник в таком случае обязан возместить те потери, которые понесли последние вследствие продления сроков их пребывания в карантине (статья 239).

- Тот, кто, находясь в карантинном ведомстве, на судне или в карантинном доме, умышленно коснется любого человека или вещи, которые стоят под карантинным надзором, имея разные с ним карантинные сроки, подлежит, по усмотрению Карантинной конторы, наказанию или штрафу и вместе с тем несет ответственность за убытки, понесенные тем, кто в результате прикасания подлежит равному с ним карантинному сроку (статья 240).

В случаях невозможности оплатить штрафные санкции предусматривалось дополнительное недельное содержание в карантинных учреждениях за каждые 10 рублей штрафа.

Требования к тщательному выполнению предписаний карантинных чиновников всеми лицами, независимо от должностей и имущественного положения, изложены в статье 241. «Тот, кто под каким бы то ни было предлогом без разрешения карантинного начальства попытается пройти на судно, подлежащее карантинной очистке или во внутреннюю часть карантинного дома водой или сухим путем, несмотря на личность и звание, не только подлежит полному сроку карантинной очистки, а кроме того, в соответствии с причиной, которая

к тому его побуждала, суду и наказанию».[8]

Недопустимость таких случаев отмечалась в отдельном царском указе от 8 июля 1807 года «О невозможности делать в тех местах, где существуют карантины, ни малейшей отмены и ослабления указанных предостережений». Данный указ четко запрещает изменять карантинные требования без личного разрешения императора даже для высших должностных лиц государства: «...чтобы никогда и ни под каким видом не выпускались с карантинных без надлежащей очистки. Кстати, кому бы они ни принадлежали ... Подтвердить во все места, где существуют карантины, чтобы никто, под смертной казнью, не решился ни малейшей сделать отмены и послабления в существующих предостережениях».[5. С.1213.]

При установлении ответственности за правонарушения учитывались не только тяжесть преступления, но и социальное положение нарушителя карантинного устава по такому алгоритму – чем выше статус, тем весомее наказания. Это иллюстрируют следующие статьи карантинного устава 1818 года.

Статья 243: Карантинные чиновники, служители и стражи за умышленное соучастие в карантинных злоупотреблениях, которые подвергают опасности занесения заразы, наказываются как предатели; за важные упущения наказываются также уголовным порядком и подлежат строгим взысканиям. За меньшие же упущения карантинные чиновники на первый раз содержатся неделю под караулом на хлебе и воде, во второй раз - две недели и так далее. Если же такие упущения произойдут с ними более пяти раз в течение одного года или если они вообще замечены будут небрежными, то исключаются из службы.

Статья 244: Нижние карантинные служители за упущения этого последнего рода наказываются палками, на первый раз 50 ударами, на второй – 100, на третьей – 150 и т.д. Если с ними это произойдет более пяти раз в течение одного года, то отсылаются на год на публичную работу. Нижние чины военного ведомства в таком случае наказываются шпицрутенами.

Статья 245: Преступники, выполняющие

работы в карантинном доме, за подобные упущения наказываются плетью: на первый раз 25 ударов, на второй – 50 и т.д. Если с ними это произойдет более пяти раз в течение одной навигации, то после наказания их кнутом они отсылаются Сибирь для работы в рудниках.

Согласно порядку, который изложен в Карантинном уставе 1818 года, если преступление заслуживает казни или потери имущества, то следствие передается в Уголовную палату той губернии, где совершено нарушение. Если преступление такого рода, что наказывается денежным штрафом, содержанием на хлебе и воде, телесным наказанием или временными публичными работами, то Карантинная контора сама определяет меру пресечения и приводит наказания в исполнение после утверждения их местным градоначальником или гражданским губернатором.[8]

Жесткое карантинное законодательство ограничивало международную торговлю, сокращало до минимума сообщение между государствами. Достижения и открытия медицинской науки, совершенствование противоэпидемических мероприятий, развитие дезинфектологии, интенсификация международной торговли обусловили необходимость унификации применения ограничительных мер, направленных на защиту территорий государств от заноса особо-опасных инфекций. Принятие международных санитарных конвенций обусловило разработку новых редакций «Карантинного устава» и его имплементацию в структуру «Медицинского устава» 1892 г.[6, 7, 8] Таким образом, проводилась разработка и внедрение на законодательном уровне комплекса санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойчак М.П. История Киевского военного госпиталя. К.: Преса України, 2006. 720 с.
2. О мѣрахъ и распоряженіяхъ для недопущенія изъ за границы мороваго повѣтрія. ПСЗ Рос. империи с 1649 г. 1-е собрание (ПСЗ-1.). Т. 6. СПб., 1830. С.288-289.
3. О наградахъ карантинныхъ чиновниковъ. Положение Комитета министров. ПСЗ–1. Т. 39. Спб., 1830. С.613-614.
4. О наказаніи карантинныхъ чиновниковъ, приличившихся въ мздоимствѣ. ПЗС-1. Т. 30.СПб., 1830. С.1248.
5. О недѣланіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ карантины, ни малѣйшей отмѣны и послабленія въ предписанныхъ предосторожностяхъ. ПЗС-1. Т. 29.СПб., 1830. С.1213-1214.
6. Уставъ врачебный. СПб. Т. 13. Свод законов Российской империи. 1892. 341 с.
7. Уставъ пограничныхъ и портовыхъ карантинныхъ. ПЗС-1. Т. 26. СПб., 1830. С.198-225.
8. Уставъ о карантинахъ. ПЗС-1. СПб., 1830. Т. 35, С.474-517.

Е.А. Казьмина,
кандидат юридических наук
(Алтайская академия экономики и права)

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Статья посвящена некоторым вопросам закрепления и регулирования институтов электронной демократии. В России пока не сложилась единая концепция использования интернет-технологий в целях развития положений статьи 3 Конституции России. В работе освещается опыт ряда зарубежных государств в использовании средств электронной демократии. Затрагиваются отдельные проблемы, с которыми сталкивается Россия на пути становления исследуемого института.

Ключевые слова: демократия, электронная демократия, информационные технологии, общественная инициатива, электронное голосование.

Article is devoted to issues of consolidation and regulation of institutions of e-democracy. In Russia, there was not a single concept of the use of Internet technologies for the development of the provisions of Article 3 of the Constitution of Russia. The article considers the experience of a number of foreign countries in the use of e-democracy and some problems Russia faced on the way of setting up research institute.

Keywords : democracy, e-democracy, information technology, public initiative, electronic voting.

Современный мир не стоит на месте. Развитие информационных технологий достигло на настоящий момент высочайшего уровня. Именно они способны стать тем средством, с помощью которого возможна реализация народом своих прав. Естественно, что электронная демократия не в состоянии заменить традиционные формы волеизъявления народа. Митинги, демонстрации, шествия, пикетирования и собрания, позволяющие одновременно собрать и попытаться высказать общественную позицию, никогда не утратят своей актуальности, выборы и референдумы способны выявить коллективную волю народа, непосредственные формы демократии в местном самоуправлении останутся способом решения локальных задач. Идея электронной демократии получила свое воплощение во многих странах мира. По данным ООН, на 2008 год из 192 стран мира только три не проводили политику информатизации государственного управления. В то время как электронная демократия направлена не на простое предоставление гражданам государственных и муниципальных услуг, а на обеспечение возможности участвовать в поли-

тической жизни своего государства и видеть конкретные результаты своего вклада. Ограниченный круг форм взаимодействия общества и власти привел в конце 2011 года к массовым митингам, протестам, конфликтам, не исчерпанным до настоящего момента. Народ желает реализовывать свои права, осуществлять свою конституционную правосубъектность, быть полноценным субъектом права.

Между тем в современных условиях необходим поиск новых форм выражения народом своего мнения и осуществления властных полномочий. Именно поэтому исследования в области теледемократии, электронного правительства, кибердемократии, а в особенности электронной демократии не могут оставаться в стороне от исследования учеными-конституционалистами. При этом нельзя не согласиться с тем, что ключевым вопросом остается то, насколько сама идея электронной демократии приемлема и привлекательна для населения.[1]

Необходимо сказать, что развитие информационных технологий не является единственной причиной внедрения электронной демократии. Исследования последних лет

свидетельствуют об общем снижении активности населения в участии в политической жизни общества, о невысоком уровне доверия к власти в целом, к институту выборов, другим формам демократии. Основным пространством для выражения народом своего мнения стала Всемирная сеть Интернет. Более того, начиная с декабря 2011 года, прослеживается тенденция активизации использования гражданами массовых манифестаций в качестве средств выражения своего мнения, что, несомненно являясь законным средством осуществления власти, одновременно является рискованной ситуацией, влекущей за собой часто выход за рамки мирного мероприятия и порождение острых социальных конфликтов. В то время как интернет-пространство способно предложить обществу способы взаимодействия практически во всех сферах его жизнедеятельности, в том числе и в политической, без конкретного личного столкновения.

В России идея электронной демократии начала свое воплощение с идеи электронного правительства. Постановлением Правительства России от 28 января 2002 года № 65 была утверждена Федеральная целевая программа «Электронная Россия», [2] основной целью которой было создание условий для развития демократии. Между тем проект «Электронная Россия» не был реализован, в том числе и по той причине, что основное внимание было обращено на сами технологии: «Электронное правительство» стало подразумевать не способ общения общества и государства, а систему документооборота.

В 2012 году Россия заняла 27-е место в подготовленном экспертами ООН рейтинге стран, имеющих электронное правительство, в то время как в 2010 году занимала лишь 59-е. [3] Дмитрий Трутнев, будучи заместителем директора Центра технологии электронного правительства Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (НИУ ИТМО), считает: «По показателям других международных рейтингов, которые оценивают конкурентоспособность страны – эффективность госуправления, индекс интеллектуального развития и процветания,

индекс деловой активности и индекс восприятия коррупции, – в России улучшений нет». То есть рост одного индекса на фоне стагнации других не меняет общую картину. [3]

Зарубежные государства прибегают к институтам электронной демократии на достаточно стабильной основе. И одним из средств является институт общественных петиций. Так, в Великобритании используется сайт «HM Government e-petitions», с помощью которого граждане могут размещать на онлайн-голосование инициативы, которые, в случае поддержки в течение года более 100 000 гражданами, рассматриваются Палатой Общин. [4] Аналогичный сайт есть и в Соединенных Штатах Америки, где существует Интернет-портал «We the People», на котором предлагаются для всеобщего обсуждения инициативы сперва в течение 1 месяца. В том случае, если инициатива получает в поддержку 150 голосов, она предлагается для всеобщего голосования еще на 1 месяц, в течение которого должна получить одобрение 100 000 голосами, чтобы быть рассмотренной Правительством США. [5]

Наиболее привлекательным представляется опыт Германии именно по причине реализации идеи при непосредственном участии органа законодательной власти. В 2005 году на сайте бундестага появился специальный раздел для размещения общественных петиций. [6] Результатом работы в истекший период стало возрастающее число общественных инициатив, выносимых на рассмотрение высшего представительного органа. Так, в 2011 году число инициатив составило более 15 000. Процедура размещения и обсуждения инициативы включает в себя несколько этапов: формирование петиционной комиссии при бундестаге, дающая разрешение на размещение инициативы на сайте. При поддержке 50 000 голосов инициатива рассматривается вновь петиционной комиссией при непосредственном участии инициаторов, прежде чем поддержанная петиция получит свое дальнейшее движение.

При достаточно прочных позициях, занимаемых институтом общественных петиций в развитых демократических странах, справедливости ради необходимо отметить, что

кардинального влияния на законотворческий процесс они не оказывают. Весьма незначительное число инициатив находит свое воплощение в законе, но такие средства способны активизировать политическую активность граждан, вовлечь их в процесс осуществления власти, почувствовать себя ее носителем.

Содержание электронной демократии не ограничивается институтом общественных инициатив. Так, в Российской Федерации был разработан Проект Концепции развития элементов электронной демократии до 2020 года, в котором названы следующие механизмы электронной демократии: электронное голосование (голосование по мобильному телефону, интернет-выборы и т.д.); механизмы сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме online; механизмы формирования онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий; механизмы сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти; механизмы общественно-го онлайн-управления на муниципальном уровне.[7] Одним из основных институтов электронной демократии действительно может стать электронное голосование. Необходимо отметить, что первые публикации на тему электронных выборов появились в 1981 году, а первые масштабные экспериментальные шаги в этом направлении были сделаны в начале двухтысячных годов, в частности, в США.[8] Электронное голосование позволяет полностью избавиться от бумажных бюллетеней, что, безусловно, освобождает государство от расходов на бумажные носители, а членов избирательной комиссии от подсчетов бюллетеней вручную. Наряду с ускорением и почти полным исключением погрешностей в подсчетах голосов, несомненным преимуществом электронного голосования является сокращение риска фальсификации результатов выборов (хотя в ряде стран, в том числе в

Бразилии, используются параллельно две формы подсчета голосов: вручную и с помощью специальных установок, на которых через сенсорный экран избиратель может отметить соответствующую графу), снижение тем самым общей коррупциогенности, к сожалению, характерной для выборов на всех уровнях: федеральных, региональных, местных. Наряду с голосованием с помощью специальных устройств, к электронной демократии относится и возможность голосования (безусловно, привлекательная и порождающая надежду на снижение таким образом уровня абсентеизма в России) с помощью сети Интернет или смс-сообщений. Однако при таких формах основной сложностью выступает идентификация личности (что предлагается решить с помощью дополнительных технических средств), обеспечение защиты персональных данных, а также предупреждение высоко вероятного «взлома» соответствующих сайтов и, соответственно, фальсификации итогов голосования или его срыва вообще.

На настоящий момент электронные голосования осуществлялись в России на экспериментальной основе.

Электронные ресурсы также способны служить связи общества и государства и иными способами: направление обращений с помощью онлайн-форм на сайтах органов государственной власти – реально действующий способ уже на данный момент; направление гражданами обращений, постановка вопросов перед депутатами и иными представителями власти с помощью электронной почты, социальных сетей, комментариев в блогах и т.д. Однако общение с помощью электронной почты и личной переписки, с учетом развития на данный момент информационных технологий, не влечет за собой неизбежного наступления юридических последствий, т.к. не всегда может быть подвергнуто контролю и обеспечено возможностью применения мер государственного принуждения в случае выхода за пределы правового поля.

В виртуальное пространство переходит все более значительная часть жизни «продвинутой» части населения,[9] поэтому закрывать глаза на политические,

в первую очередь, процессы, происходящие в сети, непозволительно и даже опасно, т.к. это может повлечь все большее отчуждение власти и общества друг от друга.

Россия уже имеет определенный опыт использования средств электронной демократии и в части обсуждения законопроектов. Изначально такая возможность была закреплена Указом Президента Российской Федерации от 9 февраля 2011 года № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», [10] впоследствии постановлением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 года № 159 «Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» гражданам России было предоставлено право комментирования законопроектов на сайте Правительства Российской Федерации. [11] Нельзя не упомянуть в этом контексте, что у автора естественно порождает массу вопросов факт невынесения на широкое общественное обсуждение инициативы Президента России о внесении поправок в Конституцию России относительно объединения Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда.

В качестве одного из механизмов реализации хоть и не принятой на данный момент Концепции стала общественная инициатива, закрепленная 04 марта 2013 года № 183 Указом Президента России «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», [12] предусмотревшего возможность вынесения на обсуждение общественных петиций на всех уровнях власти: федеральной, региональной, местной. Указ Президента вызывает много вопросов, насколько институт общественной инициативы в том виде, что предложен этим актом, способствует реализации народом своих прав. Критике отдельных процедурных моментов уже было уделено автором внимание в иных работах, следует остановиться лишь на общих вопросах. Интернет-портал «Российская общественная инициатива» функционирует, граждане получили реальную возможность озвучивать и выносить

на голосование свои законопроектные идеи.

За столь непродолжительное время к ноябрю 2013 года на интернет-портале было выставлено более двух тысяч инициатив. При этом никакой систематизации на сайте не производится. Инициативы предлагаются зачастую по аналогичным предметам, с аналогичным обоснованием, что влечет за собой и рассредоточение голосов между разными проектами. Лишь две федеральных инициативы пока смогли достичь количественного порога в 100 000 голосов. Так, широкий резонанс получила общественная инициатива «Об отмене закона о произвольных блокировках интернет-ресурсов от 02.07.2013 № 187-ФЗ (закон против интернета)». Однако экспертная группа отказала в ее дальнейшем движении на основании отсутствия практики правоприменения оспариваемого Закона.

Кроме указанной инициативы, 100 000 голосов получил проект закона «О запрете чиновникам и сотрудникам компаний с государственным (муниципальным) участием приобретать легковые автомобили стоимостью свыше 1,5 миллионов рублей». Законопроект был рассмотрен экспертной группой, которая рекомендовала Правительству Российской Федерации учесть результаты общественной инициативы в своей правотворческой деятельности. [13]

Учреждение института общественной инициативы, направляемой с помощью интернет-портала «Российская общественная инициатива», породило собой широкое развитие этой темы в сети Интернет. Обсуждения происходят и на специально созданном для этого интернет-форуме (<http://roi-for-all.ru>) и в группе на сайте «ВКонтакте» (<http://vk.com/rosiniativa>). Все это не может не сказаться положительно на общественной активности граждан в целом. Но несмотря на очевидные достоинства, на данный момент институт общественных инициатив вызывает пока больше вопросов, чем дает ответов. Насколько реализуем будет этот институт, покажет время. А тем более, насколько он сможет способствовать реализации правотворческих прав народа России. И, несмотря на все недостатки, сам факт вынесения на обсуждение инициатив заслуживает одобрения. Это позволяет привлекать граждан к политической жизни, высказывать и формировать

свои позиции по общезначимым вопросам.

Этим же целям служит, хоть и инициированный самим обществом, проект «Общественная Дума» – интернет-портал, созданный для проведения независимой общественной экспертизы законопроектов, рассматриваемых депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также разработки законопроектов с целью совершенствования законодательства России. Проект стоит лишь в начале своего пути, но, вне всякого сомнения, может быть отнесен к институтам электронной демократии.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что институт электронной демократии в России находится в зачаточном состоянии.

Не проработаны механизмы использования современных информационных технологий, не всегда учтены пожелания самого народа, отсутствуют гарантии учета позиций общества органами государственной власти и местного самоуправления, в том числе и в форме конституционно-правовой ответственности органов власти и их должностных лиц за игнорирование мнений, выраженных с помощью интернет-ресурсов, отсутствуют гарантии обеспечения максимальной объективности этих мнений. Но Россия неизбежно пойдет по пути внедрения таких технологий: не просто должна быть готова к этому, но и обязана создать для этого все условия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холопов В.А. Электронная демократия как ресурс модернизации современной политической системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. Режим доступа. СПС «КонсультантПлюс».
2. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 - 2010 годы)»: постановление Правительства РФ от 28 января 2002 года № 65 // Режим доступа. СПС «КонсультантПлюс».
3. Россия заняла 27 место в рейтинге стран имеющих электронное правительство // Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <http://www.taxru.com/blog/2012-11-14-9204>
4. HM Government. E-petitions // Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <http://epetitions.direct.gov.uk>
5. We the people // Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <https://petitions.whitehouse.gov>
6. Petitionen: Startseite // Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <https://epetitionen.bundestag.de>
7. Российское агентство развития информационного общества // Электронный ресурс. Режим доступа. URL: http://www.rario.ru/projects/Congress_conception.php
8. Холопов В.А. Модернизация механизмов реализации институтов непосредственной демократии: анализ зарубежного и российского опыта проведения электронного голосования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. Режим доступа. СПС «КонсультантПлюс».
9. Вишняков В.Г. Технология на службе демократии // Законодательство и экономика. 2012. № 5. Режим доступа. СПС «КонсультантПлюс».
10. Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов: указ Президента Российской Федерации от 9 февраля 2011 года № 167 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст.939.
11. Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов: постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 года № 159 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 10. Ст.1247.
12. О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 10. Ст.1019.
13. Интернет-портал «Российская общественная инициатива» // Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <https://www.roi.ru/complete/>

А.А. Микерин,

кандидат политических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются политические условия разработки и принятия действующей Конституции России, характеризуются её социальные и юридические свойства с точки зрения эффективности конституционно-правового регулирования.

Ключевые слова: Конституция, конституционное регулирование, социальные и юридические свойства Конституции, эффективность конституционного регулирования.

The article is devoted to the political conditions of development and adoption of the current Constitution of Russia, and is characterized by its social and legal peculiarities from the point of view of effectiveness of constitutional regulation.

Keywords: Constitution, constitutional regulation, social and legal properties of the Constitution, the effectiveness of constitutional regulation.

В текущем 2013-м году исполняется двадцать лет со дня принятия действующей Конституции Российской Федерации. Эти двадцать лет – довольно насыщенный событиями исторический период, время становления новой России. В условиях модернизации российской государственности, перехода России на новый уровень социально-экономического развития, обеспечения реализации конституционных прав и свобод возрастает значение конституционно-правового регулирования общественных отношений в соответствии с новыми реалиями. Два десятилетия – значительный срок, по истечении которого можно подводить некоторые итоги. Объектом пристального анализа становится в этих условиях Основной закон России. Одними высказываются мнения о необходимости корректировки Конституции, другие выступают под лозунгом «Руки прочь от Конституции!». В начале марта 2012 года Президент Д.А. Медведев поручил своей администрации ускорить работу над проектом закона о Конституционном Собрании, что расценивалось частью общественности как намерение коренного пересмотра Конституции. Но уже в апреле Администрация Президента РФ сделала заключение о нецелесообразности разработки такого проекта. Очевидно, что вопрос об изменении Конституции – вопрос по-

литический, затрагивающий интересы различных слоёв населения. Вопрос о конституционном регулировании, вызывающий множество дискуссий на протяжении всего существования новой Конституции России, актуален и сегодня. В преддверии двадцатилетнего юбилея Основного закона не обойтись без оценок роли действующей Конституции, её эффективности, исторических предпосылок и условий её принятия и т.п.

Действующая ныне Конституция РФ представляет собой продукт сложной исторической эпохи, характеризовавшейся сменой политического режима, радикальными изменениями социально-экономической сферы. Историкам ещё предстоит дать объективную оценку произошедшим в тот период изменениям, имеющим, по сути, революционный характер. Многочисленные комментарии к Конституции РФ, особенно последовавшие непосредственно за вступлением её в силу, утверждают, что Конституция 1993 г. не носит учредительного характера, не создаёт нового государства.[1] Сейчас, в преддверии двадцатилетия Основного закона, уже стал очевиден учредительный характер Конституции 1993 года. Её стратегическими целью и задачами, непосредственными результатами явились: закрепление новой модели российской государственности, узаконение принципиально

новой модели взаимоотношений личности и государства, отказ от советской формы власти, закрепление качественно нового типа общественного и государственного строя, признание плюрализма форм собственности, политического и идеологического многообразия, утверждение новой системы власти.

В литературе широко представлена и поэтапно освещена история принятия Конституции России 1993 года. Представляется целесообразным обозначить основные вехи конституционного процесса в России в 1990-1993 гг.

В течение 1990-1992 гг. в действующую тогда Конституцию РСФСР 1978 г. было внесено множество изменений. Отправным пунктом в работе по подготовке новой Конституции можно считать принятие Декларации «О государственном суверенитете РСФСР», утверждённой первым Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. На этом же Съезде была создана Конституционная комиссия, разработавшая в дальнейшем проект Конституции, сохраняющий систему советов и закрепивший статус Верховного Совета как высшего органа власти.

На протяжении 1992-1993 гг. между Президентом РФ и Верховным Советом нарастают противоречия в видении дальнейшего политического переустройства России. Каждая из ветвей выстраивала свою систему взаимоотношений с региональными властями. С одной стороны, президент Б.Н. Ельцин искал постоянного взаимодействия с президентами республик и губернаторами областей – руководителями исполнительной власти. С другой стороны, Р.И. Хасбулатов в качестве главы федеральной законодательной власти стремился, основываясь на принципах советской системы власти, выстроить свою вертикаль. Каждая из сторон создавали свои организационные структуры: Ельцин, к примеру, – Совет глав республик, Хасбулатов – всероссийское совещание советов всех уровней.

В апреле 1993 г. Президент РФ выступает на Совете глав республик в составе РФ с инициативой созыва Конституционного совещания для разработки проекта Конституции. Таким образом, параллельно с проектом Конституционной комиссии Верховного Совета Конституционным совещанием

велась работа над проектом Основного закона, предложенным Президентом РФ.

Достаточно подробная информация о существовавших проектах Конституции, хронологии развития противостояния между Президентом России Б.Н. Ельциным и Верховным Советом РФ представлена в работе С.А. Авакьяна «Конституция России: природа, эволюция, современность».[2] Оценивая избранную Президентом Ельциным стратегию силового разрешения конфликта, С.А. Авакьян приводит доводы, подтверждающие антиконституционный характер действий Президента РФ. С такой оценкой соглашается значительная часть современных исследователей, подтверждая тем самым справедливость Заключения Конституционного Суда РФ от 21 сентября 1993 года № 3-2 о несоответствии Конституции РФ действий и решений Президента РФ Б.Н. Ельцина в ходе поэтапной конституционной реформы.[3]

На референдуме 12 декабря 1993 г. Конституция получила требуемое большинство голосов. В постановлении Центральной избирательной комиссии России от 20 декабря 1993 г. «О результатах всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» значилось:

1. признать всенародное голосование 12 декабря 1993 года по проекту Конституции Российской Федерации состоявшимся;

2. признать, что Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием.[4]

По данным ЦИК России, в голосовании приняли участие 58187755 зарегистрированных избирателей, или 54,8%. За принятие Конституции проголосовало 32937630 избирателей, или 58,4% избирателей, принявших участие в голосовании, против – 23431333 человека, или 41,6%.[5]

Показательно, что раскол федеральной политической элиты значительно ослабило её. Соответственно усиливались политические вес и влияние элит региональных. Более того, они приобретали роль арбитров в спорах между федеральными властями. В связи с этим обращает на себя внимание оценка результатов референдума по Конституции РФ, высказываемая руководством Республи-

ки Татарстан. По словам государственного советника при Президенте РТ Р. Хакимова, не все субъекты приняли эту Конституцию, она не была одобрена в 32 субъектах.[6] Подводя итоги референдума по проекту Конституции РФ в Татарстане, Председатель Верховного Совета РТ Ф. Мухаметшин отметил: «...в Татарстане в референдуме по проекту Конституции России приняло участие 366222 избирателей из 2637340 граждан, имеющих право участвовать во всенародном голосовании и зарегистрированных по округам, что составило 14 процентов... Таким образом, на территории Республики Татарстан референдум по проекту нового Основного закона Российской Федерации не состоялся».[7] Причиной низкой активности населения Республики, по мнению Ф. Мухаметшина, стала «гражданская политическая позиция избирателей Татарстана, которые не увидели в проекте нового Основного закона Российской Федерации юридического закрепления последовательного курса нашей республики, ее Президента, парламента и правительства по демократическому переустройству Российской Федерации... Кроме того, на поведение избирателей повлияло исключение из проекта Основного закона принципиального положения о суверенности республик-государств. Они увидели в этом не что иное, как возврат к временам авторитаризма и попытки усиления диктата центра».[7]

Таким образом, действующая ныне Конституция РФ представляет собой документ, рождённый в условиях острого политического кризиса, без широкого народного обсуждения, что оказывает значительное влияние на его социальные и юридические свойства.

Представляется, что социальные и юридические свойства должны представлять реальность, способность Конституции оказывать влияние на достижение тех целей, ради которых Конституция была принята. Эффективность конституционно-правового регулирования проявляется в процессе действия конституционного законодательства. В связи с этим целесообразным представляется оценить эффективность Конституции РФ по некоторым критериям.

Социальное содержание Конституции

находит отражение в предмете конституционного регулирования.

Содержание Конституции РФ 1993 года отражает кардинальные перемены, предшествующие принятию нового Основного закона. По-новому были поставлены задачи конституционного регулирования: наиболее полно и последовательно закрепить основные права человека и гражданина; на основе такого закрепления организовать иные конституционные институты, создать структуры, процедуры и нормы, необходимые для осуществления конституционных прав и свобод человека. Названные задачи соответствуют важнейшим международным документам в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, в числе которых: Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных культурных правах.[8] Характерно, что в Конституции РФ права и свободы человека закрепляются в довольно полном объёме.

В соответствии с положениями Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, то есть они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст.18).

Программный характер – свойство Конституции, выраженное в нормах, которые определяют перспективы и цели развития общества и государства. К числу таких норм относятся, например, положения Конституции РФ, в которых закреплены правовой (ст.1), социальный (ст.14) характер российского государства.

Важным социальным свойством должна являться легитимность Конституции, которая определяется ее признанием в обществе. Легитимность Конституции определяется многими слагаемыми: легальностью принятия Конституции; способами ее разработки; политической обстановкой в стране, возможностью различных политических сил влиять на ход и характер разработки, принятия и изменения Конституции; уровнем политической и правовой культуры населения и др.

Как известно, верховенство и прямое действие Конституции характеризует ее высшую юридическую силу, прямое действие и применимость без каких-либо изъятий на всей территории РФ. Верховенство федеральной Конституции означает также, что принимаемые в РФ законы и иные правовые акты не должны ей противоречить.

Хорошо известно, что на протяжении 1990-х гг. данное свойство оставалось недостижимым: конституционное, уставное и другое законодательство субъектов Российской Федерации противоречили Основному закону страны, несмотря на толкование его отдельных положений Конституционным Судом РФ. Принятые, как правило, раньше российской конституции республик несли в себе значительные несоответствия Основному закону федерации. Так, например, Конституции некоторых республик в составе РФ отрицали верховенство российских актов во всех случаях, когда они противоречили законодательству республик, а конституция Татарстана вообще не содержала нормы, признающей действие федеральных законов на территории республики. В Конституцию Республики Саха (Якутия) вошла норма, предусматривающая полномочия Президента республики по принятию решения о дислокации на территории республики воинских формирований, контроль над их продвижением и деятельностью, определение порядка образования территориальных воинских и иных формирований. Конституции Дагестана, Башкортостана, Тывы содержали положение о том, что названные республики самостоятельно

определяют и проводят внешнюю политику.

Преодоление сложившегося правового партикуляризма стало главной целью политики укрепления вертикали власти, которая была инициирована в начале двухтысячных годов Президентом РФ В.В. Путиным.

Однако за период проведения политики выстраивания вертикали власти были преодолены далеко не все противоречия между федеральным и республиканским конституционным законодательством. Например, действующая редакция Конституции Республики Татарстан сохранила положение о суверенном статусе республики в составе Российской Федерации, вопреки постановлению Конституционного Суда РФ, не признавшему за республиками в составе России подобный статус.

Анализ развития Конституции РФ в течение двадцати лет её существования показывает, что неопределенность некоторых её положения представляет различные возможные альтернативы развития российского государства и общества. Данные противоречия сглаживаются сейчас толкованиями Конституционного Суда РФ. Представляется, что задачи дальнейшего развития России требуют укрепления государства, увеличения степени его ответственности перед обществом. Необходимым условием этого является достижение всеобщего признания легитимности Основного закона, однозначного понимания характера формы государства и принципов его взаимоотношений с обществом. Думается, своевременная конституционная реформа способна справиться с указанной задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. Комментарий/под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С.4.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Сашко, 2000 г.// Сайт Конституции РФ. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/chapter/3/#300> (13.02.2013).
3. О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента РФ Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года: Заключение Конституционного Суда РФ от 21 сентября 1993 года № 3-2. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/_21.09.1993\(13.02.2013\)](http://ru.wikisource.org/wiki/_21.09.1993(13.02.2013)).
4. О результатах всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации: постановление ЦИК России от 20 декабря 1993 г. № 142//Центральная избирательная комиссия РФ URL: http://www.cikrf.ru/law/decreed_of_cec/1993/12/20/post_ref_1993.html (13.02.2013).
5. Бюллетень Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1994. № 10. С.5.
6. Современный федерализм: опыт и перспективы. Казань: Издание Государственного Совета РТ. 1996. С.68.
7. Республика Татарстан: от референдума до договора. Казань: Татарское книжное издательство. 1995. С.118-119.
8. Права человека: сборник документов/сост. О.О. Миронов. М., 2007.

С.Г. Ольков,
доктор юридических наук, профессор
(Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа - Югры)

**МАТРИЦА СОСТОЯНИЙ СОГЛАСОВАННОСТИ ТОЧНЫХ,
СУБЪЕКТИВНЫХ И ОБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК
В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.
ВЕРОЯТНОСТЬ НАХОЖДЕНИЯ СИСТЕМЫ СУДЕЙ
В СПРАВЕДЛИВОМ И НЕСПРАВЕДЛИВОМ СОСТОЯНИИ**

Целью статьи является построение матрицы состояний согласованности точных, субъективных и объективных оценок в системе юридической ответственности, а также измерение вероятности нахождения решений в системе судей в абсолютно справедливом или несправедливом состоянии.

Научные методы: 1) математическое моделирование; 2) построение и анализ матрицы с алгебраической раскладкой элементов; 3) вычисление вероятностей; 4) интроспекция; 5) наблюдение; 6) сравнение; 7) дедукция; 8) индукция; 9) анализ; 10) синтез; 11) использование законов формальной логики.

Научные результаты, полученные автором: 1) матрица состояний согласованности точных, субъективных и объективных оценок в системе юридической ответственности; 2) вероятность нахождения системы судей в абсолютно справедливом состоянии: 0,013888; 3) вероятность нахождения системы судей в несправедливом состоянии: 0,986111; 4) вероятность нахождения решений системы судей в несправедливом состоянии в 71 раз выше, чем вероятность нахождения решений системы судей в справедливом состоянии.

Научная новизна: заключается во вновь полученных научных результатах.

Практическая значимость заключается в возможности реализации научных результатов в развитии теории юридической ответственности и совершенствовании судебной практики при вынесении приговоров, разрешении гражданско-правовых, административных и арбитражных дел.

The aim of this article is the construction of matrix of state of consistency of accurate, objective and subjective assessments in the system of legal responsibility, and also measuring the probability of finding solutions in the system of judges in fair or unfair condition.

Scientific methods : 1) mathematical modeling and 2) the construction and analysis of the matrix with algebraic layout of elements , 3) the calculation of probabilities , 4) introspection 5) observation 6) comparison 7) deduction , 8) induction; 9) analysis , 10) synthesis , 11) the use of the laws of formal logic.

The scientific results obtained by the author : 1) the matrix of states of consistency of accurate, objective and subjective assessments in the system of legal liability; 2) the probability of staying a system of judges in a completely fair position : 0.013888; 3) the probability of staying a system of judges in an unfair position : 0.986111; 4) the probability of finding the solutions of the system of judges in an unfair position to 71 times higher than the probability of finding the solutions of the system of judges in fair condition.

Scientific novelty: new scientific results have been obtained.

The practical importance is the possibility to use scientific research results in the development of the theory of legal liability and the improvement of the judicial practice of sentencing , the resolution of civil , administrative and arbitration cases.

Общая математическая модель юридической ответственности была построена мной в 2003 году,[1] и с тех пор получила значительное развитие, сводный отчет о котором можно найти в моей работе «Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции)», [2] а также ряде научных статей.[3]

Геометрически на плоскости юридическая ответственность представлена мной в декартовой (прямоугольной) системе координат, где по оси абсцисс расположено бесконечное множество точек, характеризующих деяния субъектов правовых отношений, а по оси ординат бесконечное множество оценок компетентными должностными лицами и органами этих деяний субъектов правовых отношений. В начале координат (начале отсчета) располагается нейтральное деяние, за которое нельзя ни поощрить, ни наказать субъекта правовых отношений. Такие деяния в соответствии с законом нормального распределения встречаются наиболее часто, что в полной мере подтверждается эмпирическими наблюдениями. Справа от нуля располагаются положительные деяния (добро возрастает вправо), а слева от нуля – отрицательные деяния (зло возрастает влево). Соответственно, по оси ординат расположены оценки и государственное реагирование на деяния субъектов правовых отношений, выражающееся в поощрениях и наказаниях. Именно поэтому формальное определение юридической ответственности – это поощрения и наказания или более развернуто: юридическая ответственность – это государственное реагирование на деяния субъектов правовых отношений, выражающееся в поощрениях (позитивная юридическая ответственность) и наказаниях (отрицательная, негативная юридическая ответственность).

В первом квадранте находится геометрическое место бесконечного множества точек, описывающих положительную или позитивную юридическую ответственность. В третьем квадранте – геометрическое место бесконечного множества точек, описывающих отрицательную или негативную юридическую ответственность. Второй и четвертый квадранты используются для

исследования различных состояний несправедливости (величины отклонений от линии справедливости).

В данной системе координат вводится строго линейная функция справедливости вида: $y=a+bx$, при $a=0$ и $b=1$. То есть зависимость: $y(x)=x$, а также обратная функция справедливости (эталонная линия антисправедливости): $s=c-kx$, при $c=0$ и $k=-1$. То есть зависимость: $s(x)=-x$. Функция справедливости проходит через первый и третий квадранты декартовой системы координат, а функция антисправедливости через второй и четвертый квадранты, пересекаясь в начале отсчета ($c=a$; $b \neq k$).

Справедливые оценки ложатся исключительно на линию справедливости. Любое отклонение координаты от линии справедливости означает, что имеет место неточная оценка деяния. То есть субъект, дававший оценку, объекту деяния допустил большую или меньшую ошибку, величина которой строго равна величине отклонения от линии абсолютной справедливости. Для анализа таких отклонений вводятся соответствующие реализации случайных функций, позволяющие оценить величину оправдательного или обвинительного уклона в системе судей (уполномоченных субъектов оценки), а также с помощью коэффициента корреляции (например, коэффициента конкордации – ранговый коэффициент множественной корреляции или иного) можно измерить согласованность оценок в системе судей, выявить причины таких отклонений и решить другие задачи полезные для совершенствования вынесения судьями справедливых (правосудных) решений.

Функции справедливости и антисправедливости делят по полам квадранты декартовой системы координат (разбивают их на равноугольные треугольники с углом 45°), что позволяет выделить в каждом квадранте по три множества координатных значений точек. То есть одно множество точек ложится над линией справедливости или антисправедливости, другое над этими линиями и, наконец, третье множество точек ложится либо на линию справедливости или антисправедливости. Таким образом, мы мо-

жем свести всё бесконечное множество координатных значений, характеризующих теоретически возможные оценки деяний субъектов правовых отношений, к одному из нижеследующих типов, представленных в нижеследующей матрице с размерностью 12 строк на 12 столбцов (12×12).

Обозначим состояния: первый квадрант: $[\alpha; A; a]$; второй квадрант: $[\beta; B; b]$; третий квадрант: $[s; S; c]$; четвертый квадрант: $[d; D; \varphi]$. На первом месте в квадратных скобках в первом и третьем квадрантах стоят значения, характеризующие состояние над линией справедливости Олькова (биссектриса), то есть α и s . На первом месте в квадратных скобках во втором и четвертом квадрантах стоят значения, характеризующие состояния над линией обратной биссектрисы (функция обратной справедливости – отрицательная биссектриса), то есть β и d . Центральное место в квадратных скобках для первого и третьего квадранта занимают состояния абсолютной справедливости (ложатся на линию справедливости) – это состояния A и S . Центральное место в квадратных скобках для второго и четвертого квадрантов занимают состояния обратной справедливости B и D (ложатся на линии антисправедливости). Под линией справедливости в первом квадранте лежат состояния типа « a ». Под линией справедливости в третьем квадранте расположены состояния типа « c ». Под линией обратной справедливости во втором квадранте лежат состояния типа « b ». Под линией обратной справедливости в четвертом квадранте лежат состояния типа « φ ».

Далее перейдем к соотношению субъективных оценок судей (судья в данном случае понимается в самом широком смысле, как любой уполномоченный государством субъект оценки (управляющий), а не только судья в прямом смысле этого слова) в системе судей с объективными оценками (усредненными оценками судей) и абсолютной справедливостью (совершенно точная оценка), что чрезвычайно важно для исследования оправдательного или обвинительного уклона в системе судей, согласованности решений в системе судей и состояний

справедливости в обществе. По сути, перейдем к трехмерному оценочному пространству $\mathfrak{R} : x, y, \gamma$, где x – вектор деяний (объект оценки), y – вектор объективных (точных) оценок, γ – вектор оценок, данных i -ым судьей, и получим восемь октант, характеризующих согласованность внутреннего убеждения судей с теми решениями, которые им приходится принимать. На следующем шаге построим матрицу состояний $A: M \times N \rightarrow K$, элементами которой $A(i, j)$, будут объективные (y) и субъективные оценки (γ) судей.

Распишем матрицу состояний:

$$\alpha^2 + 2\alpha A + 2\alpha a + 2\alpha\beta + 2\alpha B + 2\alpha b + 2\alpha s + 2\alpha S + 2\alpha c + 2\alpha d + 2\alpha D + 2\alpha\varphi$$

$$A^2 + 2Aa + 2A\beta + 2AB + 2Ab + 2As + 2AS + 2Ac + 2Ad + 2AD + 2A\varphi$$

$$a^2 + 2a\beta + 2aB + 2ab + 2as + 2aS + 2ac + 2ad + 2aD + 2a\varphi$$

$$\beta^2 + 2\beta B + 2\beta b + 2\beta s + 2\beta S + 2\beta c + 2\beta d + 2\beta D + 2\beta\varphi$$

$$B^2 + 2Bb + 2Bs + 2BS + 2Bc + 2Bd + 2BD + 2B\varphi$$

$$b^2 + 2bs + 2bS + 2bc + 2bd + 2bD + 2b\varphi$$

$$s^2 + 2sS + 2sc + 2sd + 2sD + 2s\varphi$$

$$S^2 + 2Sc + 2Sd + 2SD + 2S\varphi$$

$$c^2 + 2cd + 2cD + 2c\varphi$$

$$d^2 + 2dD + 2d\varphi$$

$$D^2 + 2D\varphi$$

$$\varphi^2$$

По главной диагонали матрицы A идут **согласованные** состояния, а все иные соотношения можно назвать ***a*-согласованными** (не согласованными). Согласованное состояние – это такое соотношение, при котором объективная оценка совпала с субъективной ($y_i - \gamma_j = 0$), а в ***a*-согласованных** соотношениях всегда имеются большие или меньшие расхождения между объективной и субъективной оценками судей ($y_i - \gamma_j \neq 0$). Особо следует отметить, что объективная оценка (y) не означает в нашем случае точную оценку (Y).

Таблица 1.

Матрица состояний согласованности точных, субъективных и объективных оценок в системе юридической ответственности

	α	A	a	β	B	b	s	S	c	d	D	φ
α	αα	αA	αa	αβ	αB	αb	αs	αS	αc	αd	αD	αφ
A	Aα	AA	Aa	Aβ	AB	Ab	As	AS	Ac	Ad	AD	Aφ
a	aα	aA	aa	aβ	aB	ab	as	aS	ac	ad	aD	aφ
β	βα	βA	βa	ββ	βB	βb	βs	βS	βc	βd	βD	βφ
B	Bα	BA	Ba	Bβ	BB	Bb	Bs	BS	Bc	Bd	BD	Bφ
b	bα	bA	ba	bβ	bB	bb	bs	bS	bc	bd	bD	bφ
s	sα	sA	sa	sβ	sB	sb	ss	sS	sc	sd	sD	sφ
S	Sα	SA	Sa	Sβ	SB	Sb	Ss	SS	Sc	Sd	SD	Sφ
c	cα	cA	ca	cβ	cB	cb	cs	cS	cc	cd	cD	cφ
d	dα	dA	da	dβ	dB	db	ds	dS	dc	dd	dD	dφ
D	Dα	DA	Da	Dβ	DB	Db	Ds	DS	Dc	Dd	DD	Dφ
φ	φα	φA	φα	φβ	φB	φb	φs	φS	φc	φd	φD	φφ

Далеко не всегда $Y_k = y_i = \gamma_j$, а возможны соотношения $Y_k \neq y_i \neq \gamma_j$, или $Y_k \neq y_i = \gamma_j$, $Y_k = y_i \neq \gamma_j$. Следовательно, совпадение объективной, субъективной и точной (абсолютно справедливой) оценки является частным случаем из множества соотношений переменных Y_k, y_i, γ_j .

Относительно главной диагонали матрица «внешне» симметрична, но $Aa \neq aA$, равно как и другие внешне симметричные элементы не равны друг другу, так как, например, в состоянии aA имеем $Y_k = y_i \neq \gamma_j$, а в состоянии Aa наоборот $Y_k \neq y_i = \gamma_j$. По строкам идут объективные (итые) оценки, а по столбцам субъективные (джитые).

Очевидно, что все возможные соотношения мы можем свести к одному из 144 ($12 \cdot 12 = 144$) положений матрицы состояний, и дать им характеристику, исходя из их места в матрице.

Если координата ложится в область $\alpha\alpha$ (альфа-альфа), то имеем состояние $Y_k \neq y_i = \gamma_j$, когда объективная и субъективная оценки судей вполне согласованы, но не равны точной оценке, соответствующей состоянию Y_A . То есть и объективная оценка судей (y) и субъективная оценка конкретного судьи (γ) завышают заслуги оцениваемого ими деяния субъекта правовых отношений.

Если координата ложится в область aA , то имеем $Y_k = y_i \neq \gamma_j$. То есть объективная

и точная оценки совпали, а оценка конкретного судьи завышает заслуги оцениваемого субъекта. Наоборот, в состоянии Aa имеем $Y_k \neq y_i = \gamma_j$.

В матрице A имеется лишь два вида (множества) состояний из 144 типов (множеств), в которых $Y_k = y_i = \gamma_j$. Это состояния, когда конкретный судья, объективная оценка системы судей и точная оценка объекта оценки совпадают в первом или третьем квадрантах юридической ответственности. То есть имеет место абсолютно справедливое решение по делу о поощрении или наказании.

Таким образом, вероятность нахождения системы судей в абсолютно справедливом состоянии: $P_{Y=y=\gamma} = \frac{2}{144} = 0,013888$, что и требовалось доказать.

Соответственно, вероятность нахождения системы судей в несправедливом состоянии: $Q_{Y \neq y \neq \gamma} = 1 - 0,013888 = 0,986111$.

Отсюда с вероятностью 0,013888 мнение профессиональных судей может совпасть с мнением Бога, и с вероятностью 0,986111 не совпадать с ним.

Таким образом, по определению вероятность нахождения решений системы судей в несправедливом состоянии в 71 раз выше ($\left(\frac{0,986111}{0,013888}\right) = 71$), чем вероятность нахождения решений системы судей в справедливом состоянии.

Выводы:

1). Получена матрица состояний согласованности точных, субъективных и объективных оценок в системе юридической ответственности, и расписаны её состояния в алгебраической форме.

2). Рассчитана вероятность нахождения системы судей в абсолютно справедливом состоянии (0,013888).

3). Рассчитана вероятность нахождения системы судей в несправедливом состоянии (0,986111).

4). Показано, что вероятность нахождения решений системы судей в несправедливом состоянии в 71 раз выше, чем вероятность нахождения решений системы судей в справедливом состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ольков С.Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция). В 2-х томах. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2003. С.164-183.
2. Ольков С.Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции): учебник. Ч. II. – М.: Юрлитинформ, 2013. С. 250-369.
3. Ольков С.Г. Юридическая ответственность и многомерные оценочные пространства // Актуальные проблемы правоведения, №1(7), 2004. С.196-204; Ольков С.Г. Теория моральных и правовых многомерных оценочных пространств// Право и политика, №2, 2006. С.18-28; Ольков С.Г. Точная теория юридической ответственности//Право и политика, № 10, 2006; Ольков С.Г. Справедливость // Вестник Самарского государственного экономического университета «Актуальные проблемы правоведения». №8 (26). 2006. С.228-232; Ольков С.Г. О сверхточной математической модели юридической ответственности // Актуальные проблемы правоведения, 2007, №2. С. 142-146; Ольков С.Г. Общая теория наказаний в свете общей теории юридической ответственности и общей теории политических режимов // Государство и право, 2007, №8. С. 55-61; Ольков С.Г. Исследование моральных и правовых явлений в трехмерном оценочном пространстве // Актуальные проблемы правоведения, 2009, №1(22). С. 3-5.

Т.А. Плаксина,
доктор юридических наук, доцент
(Алтайская академия экономики и права)

НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ИМУЩЕСТВА, ПОДВЕРГНУТОГО ОПИСИ ИЛИ АРЕСТУ (Ч.1 СТ.312 УК РФ): ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ЧАСТИЧНОЙ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ

В статье доказывается необходимость перевода незаконных действий, совершаемых в отношении арестованного имущества, не обладающего значительной стоимостью, из разряда преступлений в разряд административных правонарушений. Существование за такие деяния уголовной ответственности не отвечает ни основанию, ни криминологическим условиям криминализации. С привлечением примеров из судебной практики автором показана неадекватность применяемых мер уголовно-правового воздействия той степени социальной вредности, которой характеризуются анализируемые деяния.

Ключевые слова: имущество, подвергнутое аресту; незаконные действия с арестованным имуществом; криминализация; декриминализация.

The article proves the need of transferring the illegal acts committed against arrested property that does not have a significant cost, from the category of crimes to the category of administrative offenses. The existence of such acts of criminal responsibility is not responsible neither base nor criminological conditions of criminalization. Giving examples of jurisprudence the author shows the inadequacy of the measures applied under criminal law the extent of social harm, which are characterized by analyzed acts.

Keywords: arrested property; illegal actions with seized property; criminalization, decriminalization.

Исполнение судебных актов является исключительно важной стадией процесса: при наличии вынесенного, но не исполненного решения сложно говорить о полноценной защите прав и законных интересов граждан и организаций, охраняемых законом интересов общества и государства. Согласно данным статистической отчетности Федеральной службы судебных приставов России, в 2012 г. общее количество исполнительных производств, находившихся на исполнении, составило 51 920 671, в том числе по исполнительным документам, выданным судами общей юрисдикции, – 24 856 856, арбитражными судами – 1 249 008. При этом количество исполнительных производств, оконченных фактическим исполнением, оказалось гораздо меньшим – всего 21 352 906 (41,13% от общего числа), а по исполнительным документам, выданным судами общей юрисдикции и арбитражными суда-

ми, – 8 056 340 и 294 092 соответственно.[1]

В комплекс мер государственного принуждения, обеспечивающих исполнение судебных актов в части имущественных взысканий, входит наложение ареста на имущество. В 2012 г. общее количество исполнительных производств, в рамках которых накладывался арест, достигло 288 917, общая стоимость арестованного имущества составила 166 273 265 рублей, а стоимость имущества, переданного на реализацию по результатам оценки за указанный период, – лишь 101 608 376 рублей.[2] Причины, по которым за счет арестованного имущества далеко не всегда удовлетворяются требования должников, многочисленны, но в их числе заметную роль играет противодействие исполнению судебных решений посредством отчуждения или сокрытия имущества со стороны лица, которому такое имущество было вверено.

Одной из гарантий исполнения судебных актов является наличие в современном российском законодательстве уголовной ответственности за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту. Часть 1 статьи 312 УК РФ предусматривает две формы совершения этого преступления: 1) растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества, подвергнутого описи или аресту, совершенные лицом, которому это имущество вверено; 2) осуществление служащим кредитной организации банковских операций с денежными средствами (вкладами), на которые наложен арест. Исходя из того, что видовым объектом указанных деяний выступают интересы правосудия, предметом преступления может быть лишь такое имущество, решение об аресте которого принято либо самим судом (в соответствии с уголовно-процессуальным, гражданско-процессуальным или арбитражно-процессуальным законодательством), либо иным органом, но для обеспечения исполнения уже состоявшегося или еще не вынесенного (предполагаемого) судебного акта.[3]

В настоящее время в законе минимальная стоимость арестованного имущества, незаконные действия с которым влекут уголовную ответственность, не определена. Из этого следует, что законодатель признает преступными описанные в ч.1 ст.312 УК РФ деяния независимо от стоимости имущества или размера денежных средств, на которые наложен арест. Такое законодательное решение вряд ли можно признать правильным, особенно если сравнить его с положениями ст.199.2 УК РФ, по которой наступает ответственность за сокрытие имущества, подвергнутого аресту по решению налогового органа. Конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст.199.2 УК РФ, выступает крупный размер сокрытого имущества, за счет которого должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и (или) сборам. В соответствии же с примечанием к ст.169 УК РФ, распространяющимся и на ст.199.2 УК РФ, крупным является размер, превышающий один миллион пятьсот тысяч рублей.

Правоприменительная практика изобилует примерами привлечения к уголовной ответственности по ч.1 ст.312 УК РФ лиц, совершивших незаконные действия в отношении арестованного имущества, стоимость которого незначительна.

Так, приговором мирового судьи судебного участка Онгудайского района Республики Алтай О. был осужден по ч.1 ст.312 УК РФ за отчуждение принадлежащего ему имущества, подвергнутого аресту судебным приставом-исполнителем во исполнение постановления судьи о взыскании административного штрафа в размере двухсот рублей. Арест был наложен на два рулона рубероида общей оценочной стоимостью в сто рублей, имущество вверено самому О. на ответственное хранение. На следующий день после наложения ареста О. продал рубероид С. Виновному назначено наказание в виде штрафа в размере трех тысяч рублей, т.е. близком к минимальному на тот момент размеру штрафа, установленному ч.2 ст.46 УК РФ, в то время как санкция ч.1 ст.312 УК РФ позволяет назначить штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей.[4] Таким образом, по существу констатирована крайне незначительная степень общественной опасности совершенного деяния.

К такому же наказанию (штрафу в размере трех тысяч рублей) Кош-Агачский районный суд Республики Алтай приговорил К., признав ее виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.312 УК РФ. На основании постановлений об административных правонарушениях в отношении К. было возбуждено сводное исполнительное производство о взыскании штрафов на общую сумму одна тысяча девятьсот рублей. В рамках данного исполнительного производства осуществлен арест принадлежащего К. телевизора оценочной стоимостью шестьсот рублей, имущество вверено К. на хранение. Однако виновная продала телевизор соседке, за что и была привлечена к уголовной ответственности.[5]

Чойский районный суд Республики Алтай вынес обвинительный приговор по ч.1 ст.312 УК РФ в отношении А. Для обеспечения принудительного исполнения решения

суда о взыскании с А. алиментов в рамках исполнительного производства судебным приставом-исполнителем был наложен арест на ее имущество – мобильный телефон оценочной стоимостью сто рублей, который виновная впоследствии продала, хотя была предупреждена об уголовной ответственности за незаконные действия с вверенным ей на хранение арестованным имуществом.[6]

Значительное число практических работников (судебных приставов-исполнителей, дознавателей ФССП) считает обоснованной позицию законодателя, не связывающего уголовную ответственность за преступление, предусмотренное ч.1 ст.312 УК РФ, с определенной стоимостью арестованного имущества. При этом они исходят из того, что степень общественной опасности такого рода деяний относительно стабильна, она не зависит от того, какова стоимость арестованного имущества как предмета незаконных действий, и определяется самим фактом игнорирования виновным судебного акта, которым или в связи с исполнением которого наложен арест на имущество.

Между тем в уголовно-правовой литературе еще в период разработки УК РФ 1996 г. было высказано мнение о необходимости полной декриминализации незаконных действий с имуществом, подвергнутым описи или аресту, по причине того, что меры уголовно-правового воздействия не соответствуют характеру и степени общественной опасности таких деяний.[7]

В настоящее время предложение еще раз вернуться к обсуждению вопроса о соответствии критериям криминализации решения о признании преступным посягательством незаконных действий с арестованным имуществом внесено Л.В. Лобановой.[8] Она обращает внимание на то, что к требованиям, которые должны соблюдаться при установлении уголовной ответственности за то или иное деяние, принадлежит в числе прочего и невозможность предотвращения какого-либо рода деяний другими средствами, помимо средств уголовной репрессии; здесь же возможности других средств далеко не исчерпаны; кроме того, не ясна и распространенность незаконных действий с арестованным имуществом, а относительная

распространенность деяний также является одним из критериев криминализации.[8]

Однако в науке уголовного права существует и противоположное мнение. Так, А. Коробеев и Ю. Кулешов полагают, что на сегодняшний день отсутствуют и юридико-криминологические, и социально-экономические, и социально-психологические основания для декриминализации преступления, предусмотренного ст.312 УК РФ, а недостатки законодательной конструкции этой нормы могут быть успешно преодолены в процессе совершенствования уголовного законодательства.[9] «Аргумент о том, что в настоящее время данное преступление не имеет такой степени общественной опасности, которая бы требовала применения мер уголовно-правового воздействия, – пишут эти авторы, – не выдерживает критики. Во-первых, подобного рода действия относительно распространены... Во-вторых, исключение данной уголовно-правовой нормы из УК РФ осложнит решение задачи восстановления социальной справедливости. Подобные деяния подрывают авторитет не только судебной, но и государственной власти в целом, так как в глазах граждан право не выглядит всеобщим регулятором общественных отношений».[9] Против декриминализации деяний, описанных в ст.312 УК РФ, выступает и А.А. Гулый. Он считает, что на данном этапе развития социальных отношений в России препятствием для декриминализации таких деяний выступает невозможность их предотвращения другими средствами.[10]

Представляется, что аргументы, приводимые в пользу обоснованности существования уголовной ответственности за незаконные действия с арестованным имуществом независимо от его стоимости, не вполне состоятельны. В юридической литературе основанием криминализации деяния подавляющим большинством специалистов признается его общественная опасность.[11] Общественная опасность заключается в том, что деяние причиняет вред определенным охраняемым уголовным законом общественным отношениям или создает угрозу причинения такого вреда.

Обращаясь к анализу общественной опасности незаконных действий с имуществом, подвергнутым описи или аресту, Л.В. Лобанова совершенно справедливо указывает, что игнорирование запретов и обязанностей, возникающих в связи с наложением ареста, во-первых, свидетельствует о неподчинении соответствующей принудительной мере, применяемой на основании судебного решения; во-вторых, значительно сужает возможности для последующего исполнения обвинительного приговора суда в части имущественных притязаний к виновному в совершении преступления лицу либо значительно затрудняет реализацию судебных решений по гражданскому или арбитражному делу.[12] Таким образом, общественная опасность незаконных действий с имуществом, на которое наложен арест, детерминирована не только самим фактом неподчинения определенной принудительной мере со стороны государства, но и тем, насколько масштабные последствия способно повлечь это неподчинение для того, в чью пользу должно быть произведено взыскание. Очевидно, что при прочих равных условиях незаконное отчуждение арестованного имущества стоимостью в миллион рублей более опасно, чем незаконное распоряжение находящимся под арестом имуществом стоимостью в тысячу рублей, и тем более – в сто рублей. Соответственно должна быть дифференцирована и ответственность. В связи с этим вполне обоснованным был бы перевод части деяний, в настоящее время подпадающих под действие ч.1 ст.312 УК РФ, в разряд административных правонарушений с учетом относительно небольшой стоимости арестованного имущества, с которым совершаются незаконные действия.

При оценке общественной опасности незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что в значительном числе случаев не представляющее большой ценности имущество, отчужденное или сокрытое виновным, имело невысокие шансы быть реализованным даже при условии, что виновный никаких

незаконных действий с ним не совершил бы. Поэтому отчуждение или сокрытие такого имущества само по себе нередко мало сказывается на эффективности исполнения соответствующего судебного акта.

Доводы сторонников существования уголовной ответственности за незаконные действия с арестованным имуществом независимо от его стоимости, заключающиеся в том, что за данное преступление предусмотрено довольно мягкое наказание, адекватное его небольшой степени общественной опасности, также недостаточно убедительны для сохранения имеющегося законодательного решения. В ч.1 ст.312 УК РФ в качестве максимально возможного наказания действительно закреплено лишение свободы сроком до двух лет. Кроме того, санкция содержит несколько альтернативных видов наказаний, из которых реально применяются штраф и обязательные работы. Однако назначение штрафа приводит к тому, что к уже имеющимся неисполненным судебным актам, для реализации которых и был наложен арест на имущество, добавляется еще один, также требующий от лица определенных имущественных затрат. Лишение же свободы в случаях отчуждения или сокрытия арестованного имущества незначительной стоимости вряд ли можно признать наказанием, соответствующим общественной опасности такого деяния. Ссылки на то, что при таких обстоятельствах лишение свободы фактически не назначается, легко опровергаются судебной практикой.

Так, мировым судьей судебного участка г. Змеиногорска Алтайского края был вынесен обвинительный приговор по ч.1 ст.312 УК РФ в отношении Р., спрятавшего в бане телевизор, на который судебным приставом-исполнителем был наложен арест для принудительного исполнения взыскания штрафа в две тысячи пятьсот рублей по исполнительному листу. Телевизор был обнаружен, в силу чего никаких существенных препятствий для исполнения судебного решения не возникло. Судья, действуя в пределах санкции ч.1 ст.312 УК РФ, назначил наказание в виде одного года лишения свободы условно с испытательным сро-

ком на шесть месяцев.[13] Между тем, если принять во внимание то, что за убийство при превышении пределов необходимой обороны также установлено максимальное наказание в виде двух лет лишения свободы, становится ясным, что законодатель, а вслед за ним и суды явно переоценивают степень общественной опасности незаконных действий с арестованным имуществом в случаях, аналогичных приведенному.

Изучение судебной практики показывает, что иногда лишение свободы назначается даже без применения ст.73 УК РФ. Например, Усть-Канским районным судом Республики Алтай Ч. был осужден по ч.1 ст.312 УК РФ за отчуждение вверенного ему арестованного имущества – мобильного телефона оценочной стоимостью пятьдесят рублей. Ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на десять месяцев. Учитывая, что преступление совершено лицом, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы и освобожденным от наказания условно-досрочно, суд отменил условно-досрочное освобождение и назначил лицу по совокупности приговоров один год семь месяцев лишения свободы.[14]

Кроме основания криминализации, для признания деяния преступным или сохранения установленной за него уголовной ответственности должны иметься в наличии условия криминализации. Круг называемых в научной литературе обстоятельств, влияющих на решение вопросов криминализации (декриминализации) деяний, довольно обширен.[15] При этом особую роль играют криминологические условия криминализации деяний, к числу которых принадлежат: относительная распространенность деяния; уголовно-политическая адекватность уголовно-правового запрета; возможность воздействия на общественно опасное поведение с помощью уголовно-правового запрета; невозможность воздействия на него другими (не уголовно-правовыми средствами); наличие в обществе социально-экономических ресурсов для борьбы с данным видом поведения уголовно-правовыми средствами; учет возможностей системы уголовной юстиции; учет соотношения по-

ложительных и отрицательных последствий криминализации; допустимость введения уголовно-правового запрета с точки зрения норм международного права; социальная адекватность криминализации, ее допустимость с точки зрения основных характеристик существующих процессов общественного развития.[16]

Анализ перечисленных факторов в их соотношении с существованием уголовной ответственности за незаконные действия с имуществом, подвергнутым описи или аресту, независимо от стоимости этого имущества, показывает, что некоторые из них, действительно, присутствуют. Деяния, предусмотренные ч.1 ст.312 УК РФ, являются достаточно распространенными (по крайней мере, в первой из двух названных выше форм – растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача арестованного имущества, совершенные лицом, которому это имущество вверено). Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2012 г. по ч.1 ст.312 УК РФ (по основной статье) было осуждено 956 человек;[17] в 2012 г. – 1173;[18] в 2010 г. – 1418;[19] в 2009 г. – 1221 человек.[20] Рассматриваемый уголовно-правовой запрет допустим с позиций международного права и вектора развития процессов, протекающих в обществе на современном этапе; с его помощью в принципе можно воздействовать на данный вид поведения.

Однако очевидно, что при этом не исчерпаны и возможности воздействия на такое поведение с помощью норм другой отраслевой принадлежности, в частности, административно-деликтных правовых норм. Административное право располагает для этого достаточным арсеналом средств. В Кодексе РФ об административных правонарушениях имеются такие виды административного наказания, которые могли бы применяться в случаях привлечения лица к ответственности за незаконные действия в отношении арестованного имущества при не являющейся значительной стоимости последнего: это административный штраф (ст.3.5 КоАП РФ) и обязательные работы (ст.3.13 КоАП РФ). Установление за указан-

ные действия административной, а не уголовной ответственности позволит избежать возможности назначения в таких ситуациях наказания в виде лишения свободы и вовлечения в сферу действия уголовной юстиции лиц, совершивших деяния, не обладающие общественной опасностью. С учетом изложенного представляется, что целесообразно было бы, не отказываясь вообще от уголовной ответственности за незаконные действия с имуществом, подвергнутым описи или аресту, перевести часть деяний, подпадающих под действие ч.1 ст.312 УК РФ, в разряд административных правонарушений, установив в качестве критерия отграничения их от преступлений определенную стоимость арестованного имущества как предмета незаконных действий.

В настоящее время, дабы не привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших незаконные действия с арестованным имуществом при относительно небольшой стоимости последнего, правоприменитель мог бы использовать ч.2 ст.14 УК РФ, согласно которой не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Однако изучение материалов уголовных дел, а также отказных материалов по ч.1 ст.312

УК РФ показывает, что ни дознаватели ФССП, ни суды норму о малозначительности содеянного не применяют. Более того, большинством опрошенных нами дознавателей ФССП вообще высказано отрицательное отношение к использованию ч.2 ст.14 УК РФ применительно к незаконным действиям с арестованным имуществом. Приводимые при этом аргументы аналогичны тем, что высказаны ими же при обсуждении вопроса о необходимости перевода части деяний, предусмотренных ныне ч.1 ст.312 УК РФ, в разряд административных правонарушений, если стоимость арестованного имущества, с которым совершаются незаконные действия, относительно невелика: стабильность степени социальной вредности деяния, определяемая самим фактом причинения вреда интересам правосудия; независимость общественной опасности содеянного от стоимости имущества, на которое наложен арест. Между тем в юридической литературе справедливо подчеркивается, что «каких-либо ограничений в применении категории малозначительности в зависимости от относительной ценности объекта уголовно-правовой охраны не существует».[21] Поэтому представляется, что нет никаких препятствий для использования ч.2 ст.14 УК РФ применительно к деяниям, лишь формально подпадающим под ч.1 ст.312 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведомственная статистическая отчетность ФССП России за 2012 г. Форма № 1-1 // Сайт Федеральной службы судебных приставов России. URL: <http://www.fssprus.ru/statistics/>
2. Ведомственная статистическая отчетность ФССП России за 2012 г. Форма № 2-1 // Сайт Федеральной службы судебных приставов России. URL: <http://www.fssprus.ru/statistics/>
3. Более подробно см.: Плаксина Т.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ). Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2008. С.14-15.
4. Обвинительный приговор мирового судьи судебного участка Онгудайского района Республики Алтай по делу № 1-56/2007 в отношении О. // Архив судебного участка Онгудайского района Республики Алтай за 2007 г.
5. Обвинительный приговор Кош-Агачского районного суда Республики Алтай по делу № 1-86/2011 в отношении К. // URL: <http://actoscope.com/sfo/altay/kosh-agachsky-ralt/ug/1/prigovor-ot-03062011-po-ch1-st29062011-2480091/>
6. Обвинительный приговор Чойского районного суда Республики Алтай в отношении А. // URL: <http://actoscope.com/sfo/altay/choisky-ralt/ug/1/otchujdenie-imuschestva-podverгну28092010-445760/>

7. См., например: Гаранина М.А. Системы преступлений против правосудия (формирование и развитие): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С.10.
8. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С.427-429.
9. Коробеев А., Кулешов Ю. Будет ли востребована ст.312 УК РФ после восстановления института конфискации имущества? // Уголовное право. 2007. № 2. С.56-58.
10. Гулый А.А. Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С.11.
11. См., например: Прокументов Л.М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. №4. С.18-23.
12. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Указ. соч. С.414.
13. Обвинительный приговор мирового судьи судебного участка г. Змеиногорска Алтайского края по делу № 1-64/2006 в отношении О. // Архив судебного участка г. Змеиногорска Алтайского края за 2006 г.
14. Обвинительный приговор Усть-Канского районного суда Республики Алтай по делу № 1-124/2010 в отношении Ч. // URL: <http://actoscope.com/sfo/altay/ust-kansky-ralt/ug/1/prigovor-ot-0208201012112010-355530/>
15. См.: Прокументов Л.М. Обусловленность криминализации и декриминализации деяний // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2012. Т.8. №2. С.138-141.
16. Прокументов Л.М. Криминологические условия криминализации и декриминализации деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 4. С.56; Прокументов Л.М. Обусловленность криминализации и декриминализации деяний // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2012. Т. 8. № 2. С.138-141.
17. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012 год. Форма № 10-а // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>
18. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2011 год. Форма № 10-а // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272>
19. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010 год. Форма № 10-а // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837>
20. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009 год. Форма № 10-а // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=840>
21. См., например: Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С.10.

А.Н. Варыгин,
доктор юридических наук, профессор
(СГЮА)

О.И. Ильянова,
аспирант
(СГЮА)

УГРОЗА УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В СТРУКТУРЕ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматривается такое преступление, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, определяется ее удельный вес в структуре насильственной преступности и превентивная роль в предупреждении других насильственных преступлений.

Ключевые слова: насильственная преступность, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, преступления с двойной превенцией.

The article deals with a crime as a threat by murder or causing the heavy harm to the health, it's specific gravity is defined in structure of forcible criminality and preventive role in warning other forcible crimes.

The Keywords: forcible criminality, threat by murder or causing the heavy harm to the health, crimes with double preventive.

Одним из наиболее распространенных насильственных преступлений в нашей стране в последние годы является угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. В отдельных исследованиях отмечается, что это деяние составляет около 25% в структуре насильственной преступности.[1] Другие исследователи, например, Е.В. Гертель, указывают цифру 32%.[2] Согласно же нашим подсчетам, например в 2011-2012 годах, угроза убийством среди иных насильственных преступлений составила около 35%. То есть данное деяние действительно достаточно распространено в структуре насильственной преступности, что, в свою очередь, подчеркивает необходимость его криминологического изучения и разработки мер предупреждения. Актуальность изучения данного преступления связано еще и с тем, что оно считается преступлением «с двойной превенцией».

Как отмечает А.С. Шуйский, уголовно-правовые нормы с двойной превенцией – это нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступные деяния, которые обуславливают последующее совершение других преступлений. Двойной превентивный эффект указанных уголовно-правовых норм объясняется связью объектов первичного и вторичного превентивного воздействия, при которой одно преступление, предусмотренное нормой с двойной превенцией (объект первичного превентивного воздействия), выступает в качестве условия, способствующего совершению другого преступного деяния (объект вторичного превентивного воздействия).[3] Иными словами, это те преступления, привлечение к уголовной ответственности за которые способствует предупреждению более тяжких преступлений против жизни, здоровья, общественного порядка. К таким

преступлениям относятся деяния, предусмотренные ст.115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст.116 УК РФ (побои), ст.117 УК РФ (истязание), ст.119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), ст.150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), ст.151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий), ст.222 УК РФ (незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств), ст.230 (склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов).[4] То есть привлечение виновных к уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяж-

кого вреда здоровью будет способствовать, на взгляд законодателя, снижению в стране убийств и причинений тяжкого вреда здоровью. Об этом же говорит и Е.В. Гертель, отмечая, что чем больше регистрируется угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, тем ярче отслеживается тенденция снижения убийств и причинений тяжкого вреда здоровью.[2]

О превентивной роли изучаемого состава преступления можно было бы вести речь, на наш взгляд, если бы количество угроз возрастало на фоне постоянного снижения количества убийств и причинений тяжкого вреда здоровью. Статистические данные же, к сожалению, свидетельствуют о другом.

Таблица № 1. Данные о состоянии и динамике преступлений, предусмотренных ст.105, 111, 119 УК РФ.[5]

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	103322 +23,8%	109554 +6,0%	105038 -4,1%	98170 -6,5%	101180 +3,1%	84643 +16,3%	76387 -9,8%	81733 +7,0%
Убийство	30849 -2,2%	27462 -11,0%	22217 -19,1%	20056 -9,8%	17681 -11,8%	15563 -12,0	14305 -8,1%	13265 -7,3%
Причинение тяжкого вреда здоровью	57863 +0,9%	51429 -11,1%	47348 -7,9%	45436 -4,0%	43112 -5,1%	39745 -7,8%	38512 -3,1%	37091 -3,7%

Из приведенных статистических данных видно, что количество убийств и причинений тяжкого вреда здоровью в стране не всегда сокращалось на фоне роста количества угроз убийством или причинений тяжкого вреда здоровью. Так, в 2005 году на фоне увеличения угроз возросло количество причинений тяжкого вреда здоровью. В 2007, 2008, 2011 годах количество убийств и причинений тяжкого вреда здоровью сократилось вместе с количеством угроз такими преступлениями.

Таким образом, судить о существенной превентивной роли ст.119 УК РФ в предупреждении других, более тяжких преступлений, исходя из статистических данных, к сожалению, вряд ли возможно. В этом вопросе необходимо, на наш взгляд, обратиться к результатам опросов лиц, совершивших такие преступления, как убийство и причинение тяжкого вреда здоровью,

а также сотрудников органов внутренних дел, занимающихся предупреждением указанных преступлений. Так, 53,3% опрошенных сотрудников органов внутренних дел (участковых уполномоченных полиции, дознавателей, сотрудников уголовного розыска) отметили, что привлечение виновных к уголовной ответственности по ст.119 УК РФ способствует предупреждению совершения со стороны таких лиц убийств и причинений тяжкого вреда здоровью. При этом значительная доля (40,4%) опрошенных отметили, что такой превентивной роли у ст.119 УК РФ нет. 3,3% затруднились в ответе на данный вопрос.

Характерно, что абсолютное большинство лиц, осужденных за убийство, а именно 72,4%, отметили, что привлечение по ст.119 УК не остановило бы их от совершения убийства. Лишь 11,3% опрошенных осужденных за убийство до его совершения

высказывали угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в адрес потерпевшего, но к уголовной ответственности за это они не привлекались. То есть превентивная роль ст.119 УК РФ, исходя и из этого аспекта, также не велика.

Данный тезис подчеркивает еще одно обстоятельство. Оно заключается в том, что основная масса лиц, привлеченных по ст.119 УК РФ (84,1% опрошенных), привлекались к уголовной ответственности по совокупности с другими преступлениями, такими как убийство, умышленное причинение различной тяжести вреда здоровью, побои, изнасилование, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, хулиганство. То есть угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью являлась как бы «дополнительным» эпизодом в квалификации действий виновного.

В связи с этим понятны высказывания некоторых ученых, предлагающих отнести деяния, предусмотренные ст.119 УК РФ, например, побои, истязания, к делам частного обвинения, по которым возбуждение уголовного дела возможно не иначе как по жалобе потерпевшего.[6] Почему этого нет до сих пор? По всей видимости, потому, что законодатель считает угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью деянием более опасным, чем, например, истязание, хотя при этом санкции ч.1 ст.117 более строгие, нежели ч.1 ст.119 УК РФ, в силу чего логика законодателя непонятна. В подобной ситуации в целях повышения превентивной роли ст.119 УК РФ, с учетом относительной распространенности таких деяний, на наш взгляд, целесообразно усилить санкцию ч.1 рассматриваемой статьи применительно к такому виду наказания, как лишение свободы сроком до 4-х лет. Это позволит органам предварительного следствия шире использовать возможности ст.108 УПК РФ и применять к обвиняемым меры пресечения в виде содержания под стражей, исключая, таким образом, возможность совершения им дальнейших насильственных действий в отношении потерпевшего. Это объясняется тем, что основная масса таких деяний совершается на быто-

вой почве, в отношении родных и близких, и при избрании в отношении обвиняемого меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества, он может продолжить свои насильственные действия в отношении потерпевших.

Кроме того, в ч.2 следует предусмотреть не только такой квалифицирующий признак, как совершение такого деяния по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, но и совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой; в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины, лица, в связи с выполнением им служебной деятельности или исполнением общественного долга, а также совершение такого деяния с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Такие меры помогут, на наш взгляд, повысить превентивный потенциал ст.119 УК РФ.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что в настоящее время превентивный характер ст.119 УК РФ, предусматривающей ответственность за угрозу убийством или причинения тяжкого вреда здоровью, в предупреждении других преступлений явно недостаточный, о чем свидетельствуют ранее приведенные данные.

В целях повышения превентивной роли ст.119 УК РФ предлагается изложить ее в новой редакции:

«1. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, –

наказывается обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или рели-

гиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

б) в отношении двух или более лиц;

в) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

г) в отношении несовершеннолетнего, а также женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

д) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением

общественного долга;

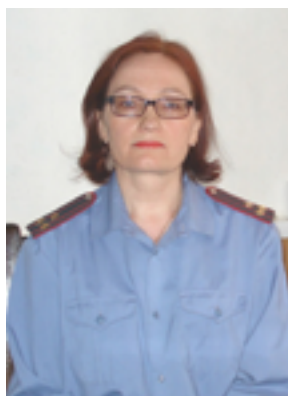
е) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, –

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабарова М.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовые и криминологические аспекты (По материалам Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С.7.
2. Гертель Е.В. Уголовная ответственность за угрозу убийством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С.12.
3. Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С.6.
4. См.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. Криминологический и уголовно-правовой справочник / под ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М., 2007. С.245.
5. Преступность и правонарушения (2006-2010 гг.). Статистический сборник. М., 2011. С.62, 69; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 года. Статистический сборник. М., 2013. С.5.
6. См., например: Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования). Ульяновск, 2002. С.113.

Л.Н. Костина,

доктор психологических наук, доцент
(Орловский юридический институт МВД России
им. В.В. Лукьянова)

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ, ДОПУСКАЮЩИХ СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

На основе проведенного исследования в статье раскрываются криминологические и психологические особенности лиц, допускающих систематические нарушения правил дорожного движения. Обосновывается идея объединения социальных институтов в формировании у водителей культуры поведения на дорогах.

Ключевые слова: личность нарушителя правил дорожного движения, психолого-криминологические особенности личности нарушителя, типы водителей, систематически нарушающих правила дорожного движения, сотрудник ДПС.

Basing on the research the article deals with the criminological and psychological characteristics of persons engaged in systematic violations of traffic rules. The idea of combining social institutions in forming the culture of driver's behavior on the roads is settled.

Keywords: personality of violators of traffic rules, psychological and criminological characteristics of personality offender types of drivers systematically violate the rules of the road, the officer of State Auto Department.

Актуальность обращения к характеристике лиц, допускающих нарушения Правил дорожного движения (ПДД), не вызывает сомнения: в общей структуре аварийности наибольшее количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) происходит по причине нарушения Правил дорожного движения водителями транспортных средств. В таких дорожно-транспортных происшествиях погибает и получает ранения подавляющее большинство пострадавших (85,9% от общего числа погибших и 91% от общего числа раненых).[1] Сформулированные в Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» задачи сохранения жизни и здоровья участников дорожного движения за счет повышения дисциплины и культуры поведения на дорогах, повышения требований к подготовке водителей на получение права на управление транспортными средствами могут быть реализованы на основе знаний и учета особенностей участников дорожного движения.

В криминологических и психологических исследованиях учеными отмечается, что личность правонарушителя характеризуется

определенными особенностями, отличающими его от законопослушных граждан. Для личности неосторожных правонарушителей менее чем для умышленных преступников характерно наличие криминогенных свойств личности. Мы придерживаемся устоявшихся стереотипов и представлений о том, что среди водителей чаще всего встречаются злостные правонарушители. При этом не исключаем мнения и о том, что среди пешеходов как самой многочисленной и самой уязвимой группы участников дорожного движения встречаются те, кто систематически нарушают Правила дорожного движения. Об этом свидетельствуют не только результаты исследований и данные статистики,[2] но и результаты исследований, проведенных сотрудниками кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.[3]

Учитывая ограниченность информации в научной литературе о психологических и криминологических особенностях водителей, допускающих систематические нарушения ПДД, было проведено исследование, в котором использовалось анкетирование со-

трудников Госавтоинспекции и собственные наблюдения автора за действиями водителей во время проведения мероприятий по пропаганде безопасности дорожного движения совместно со слушателями выпускных курсов ОрЮИМВД России имени В.В. Лукьянова.[4]

Опрос сотрудников подразделений ГИБДД территориальных органов МВД России показал, что водители чаще всего систематически нарушают: установленные требования к скоростному режиму (по мнению 88,4% респондентов), требования к использованию ремней безопасности (60,5% респондентов), правила маневрирования и расположения на проезжей части (27,9%).

По результатам исследования были выделены следующие психолого-криминологические особенности личности водителей, систематически нарушающих правила дорожного движения (ПДД).

1. Возраст и гендерные признаки. Согласно результатам опроса сотрудников Госавтоинспекции, лица, систематически нарушающие правила дорожного движения, относятся к юношескому и зрелому возрасту – от 18-35 (соответственно 18-20 лет – 65,1%, 20-25 лет – 60,5%, 26-35 лет – 23,3% респондентов). Это подтверждается и результатами других исследований, согласно которым именно водители моложе 25 лет совершают дорожно-транспортные происшествия.[5] На указанный период жизни 18-35 лет попадает кризис «зрелости», связанный с поиском себя и своего места в жизни, реализацией своих способностей.[6] Полагаем, что одним из проявлений такого кризиса у водителей-правонарушителей становятся конфликты с законом, включая конфликты в сфере дорожного движения. Стоит также отметить мнение десятой части опрошенных (11,6%), что среди злостных правонарушителей встречаются лица в возрасте старше 50 лет.

Возрастные характеристики водителя, систематически нарушающего ПДД, являются своеобразным индикатором достижения личностью социальной зрелости, усвоения им правовых норм и предписаний в сфере дорожного движения, а также связаны с другими личностными особенностями, о которых

можно судить по возрастным критериям.

Анкетирование показало, что чаще всего систематически нарушают ПДД мужчины (93%). Вместе с тем каждый десятый респондент (11,6%) считает, что среди лиц, систематически нарушающих ПДД, встречаются и женщины-водители. В силу повышенной эмоциональности и меньшей физической выносливости женщины значительно менее адекватно реагируют на экстремальные условия и опасные дорожные ситуации. Указанные психологические особенности женщин, которые усиливаются в экстремальных условиях дорожного движения, в сочетании с увеличением количества транспортных средств становятся факторами совершения правонарушений.

2. По мнению респондентов, социальное положение лиц, систематически нарушающих ПДД, распределилось следующим образом. В первую очередь, это студенты (по мнению 67,4% опрошенных) и предприниматели (55,8%). Полученные данные сочетаются с ранее проанализированным возрастом злостных правонарушителей. Каждый третий опрошенный (27,9%) считает, что социальный статус не определяет систематичность нарушения правил дорожного движения, подчеркивая тем самым роль личностных качеств.

3. Результаты опроса сотрудников ДПС показывают, что опыт вождения лиц, систематически нарушающих ПДД, приходится на первые три года (так считают 65,1% респондентов), четыре-пять лет (60,5%), шесть-десять лет (23,3%). С учетом полученных данных отметим, что в механизме систематического совершения водителями правонарушений значительное место могут занимать:

– недостаточный опыт вождения. Неопытный водитель (1-3 года) оказывается не подготовленным к различным дорожным ситуациям по причине недостаточной автоматизации действий управления автомобилем и несформированности умений. В условиях дорожного движения нестандартные ситуации приводят молодых водителей (и, как правило, неопытных) к растерянности, к неосознанию необходимости осуществления тех действий, которые должны совершаться автоматически;

– опыт «успешного» (т.е. безнаказанного) нарушения Правил дорожного движения. Нарушив те или иные запреты при благоприятном стечении обстоятельств, человек сознательно или подсознательно фиксирует в памяти, что никаких отрицательных последствий не наступило: никто не пострадал, а он остался безнаказанным. Полученный негативный опыт формирует уверенность в собственной неуязвимости, которая играет роль мотива для последующего правонарушения. Как справедливо отмечает А.Н. Романов, «при безнаказанности неправильное поведение водителя (и пешехода) закрепляется».[7] В сочетании у личности сниженного страха перед наказанием с недостаточно развитыми нравственными качествами (вины, долга, ответственности, сострадания к возможным или реальным жертвам и пр.) «рождается» циничный водитель, который не только вызывающе-пренебрежительно относится к ПДД, но и нарушает их, игнорируя или презируя культуру безопасного поведения на дорогах.

3. Психологические особенности водителей, систематически нарушающих ПДД. Правосознание лиц, допускающих систематические нарушения ПДД, характеризуется, по мнению третьей части опрошенных (30,2%), незнанием ПДД, что свидетельствует о несформированности когнитивного компонента правосознания. Две трети опрошенных сотрудников (67,4%) отмечают, что водители пренебрегают ПДД, а 16,2% респондентов считают, что водители негативно-нейтрально относятся к сотрудникам, которые пресекают нарушения ПДД. Приведенные данные свидетельствуют о недостаточной сформированности у водителей интеллектуального и эмоционального компонента правосознания. О деформации волевого компонента правосознания свидетельствуют ответы 46,5% сотрудников о том, что водители намеренно игнорируют и не соблюдают ПДД. Кроме того, 72,1% опрошенных сотрудников считают, что такие водители обладают низким уровнем культуры на дорогах и дорожно-транспортной дисциплины.

Результаты анкетирования показали, что состояние водителей оказывает влияние

в определенной степени на систематичность нарушений ими ПДД. По мнению респондентов, правонарушители могут находиться как в нормальном состоянии (46,5% респондентов), так и в состоянии алкогольного опьянения (41,9%), а также состоянии раздражительности и стресса (34,9%). Это свидетельствует о том, что применение жестких административных санкций к лицам, которые управляют ТС в состоянии опьянения, пока не приносят ощутимых результатов. Объяснима связь негативных состояний водителя с систематическим совершением нарушений ПДД. Отрицательные состояния (тревожность, утомление, стресс, растерянность, переутомление, состояния опьянения), вызванные объективными факторами (плохая видимость, сложные дорожные условия и их неожиданные изменения, «пробки» и пр.) и субъективными факторами (психические и физические перегрузки, конфликты между участниками дорожного движения и сотрудниками ДПС, психические травмы участника дорожного движения в результате конфликтов или других событий и пр.). Наличие тревожности, даже в скрытом виде, может способствовать принятию объективно неправильных решений в условиях дорожного движения. Опьянение, конфликтные ситуации, психические травмы, переутомление могут приводить к активизации скрытых особенностей, ранее присутствовавших у человека в психически нейтральном состоянии. Такой психологический феномен повышает аварийность в условиях дорожного движения.[8]

На основе анализа научной литературы, анкетирования сотрудников Госавтоинспекции, современных тенденций поведения водителей в условиях дорожного движения и собственных наблюдений автора было выделено несколько типов водителей, систематически нарушающих ПДД.

Циничный водитель, у которого закрепился опыт безнаказанности за совершенные правонарушения, отсутствует (или снижен) страх быть наказанным. Это сочетается с возможным нахождением гражданина в состоянии опьянения, недостаточно развитыми нравственными чувствами (вины, долга, ответственности, сострадания

к возможным или реальным жертвам и пр.) и пренебрежением к ПДД, игнорированием в целом культуры безопасного управления ТС и поведения на дорогах.

Провоцирующий водитель – тот, кто своими действиями намеренно создает другим участникам дорожного движения условия для совершения правонарушений, а также способствует склонению сотрудников ДПС к различным нарушениям. Поведение такого водителя может сопровождаться отрицанием произошедшего нарушения, претензиями и неприязнью в адрес сотрудника, негодованием и возмущениями по поводу применяемых к нему административных санкций, применением демонстративной видео-, аудио- или фотосъемки. Некоторые из них, обладающие правовой осведомленностью, фиксируют заранее подготовленные ими провокации и выкладывают их в Интернет для всеобщего обозрения. Такая форма самовыражения и самоутверждения, сочетающаяся со склонностью к риску, основана на желании привлечь к себе внимание, извлечь из этого определенную выгоду. Позитивное эмоциональное подкрепление, получаемое такими водителями от провокаций и их результатов, становится стимулом для накопления опыта повторных правонарушений, а также создает угрозу безопасности дорожного движения.

Агрессивно-рискованный водитель в силу легкости возникновения негативных эмоций и проявления враждебности, агрессивности как черт характера создает в общении с другими участниками дорожного движения и сотрудниками ДПС конфликтные ситуации и конфликты, включая непредсказуемые, порой безрассудные действия, которые усиливаются состоянием опьянения. Такое поведение в сочетании с низким уровнем правосознания, открытыми конфликтами с законом приводят водителя к систематическим нарушениям ПДД и созданию аварийных ситуаций.

Неопытный водитель, т.е. обладающий недостаточным опытом вождения, в т.ч. сниженным уровнем автоматизации действий, не может соблюдать ПДД в силу ограниченной саморегуляции поведения и слабым

уровнем подготовленности. Попадая из-за ограниченного опыта в различные дорожные ситуации, он не успевает обращать внимание на дорожные знаки, разметку и пр. и совершает правонарушение. Накопление водителем опыта нарушений ПДД, отсутствие должного самоанализа и неумение делать выводы становятся дополнительными факторами повторных нарушений ПДД.

Эмоционально-неустойчивый (тревожный) водитель в условиях дорожного движения легко поддается страху и проявляет тем самым склонность к эмоциональной реакции на дорожную ситуацию. В качестве стрессовых выступают следующие ситуации дорожного движения: с непредсказуемым исходом, быстрой сменой действующих факторов и неупорядоченными параметрами, угрозой для жизни и здоровья. Возникающее в таких ситуациях свойство «суженного сознания» снижает у водителя работу мышления, логики, прогноза дорожной обстановки и эффективность действий управления автомобилем, тем самым увеличивая ошибки.

Указанные типы водителей встречаются как в чистом виде, так и в смешанном виде.

Таким образом, в числе причин систематических правонарушений особое место занимает «человеческий фактор» в виде недостаточной правовой, профессиональной и психологической подготовленности водителей к участию в дорожном движении. Правовоспитательное, профилактическое воздействие социальных институтов на водителей, систематически нарушающих ПДД, будет достигать эффективности, если внимание будет сконцентрировано на личности гражданина, поскольку именно личность является носителем причин нарушений. Для этого взаимодействие социальных институтов (автошкол, СМИ, трудовых коллективов, подразделений ГИБДД территориальных органов МВД России) должно направляться на формирование у водителей готовности к управлению транспортным средством и дорожно-транспортной культуры, основанной на знании Правил дорожного движения, уважении этих правил и позитивном отношении к деятельности

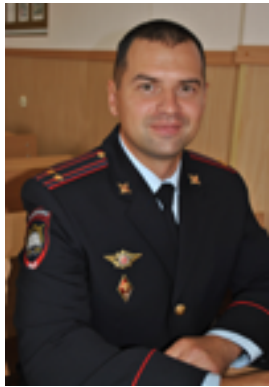
сотрудников ДПС ГИБДД, осуществляющих государственную функцию по контролю и надзору за соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения. В работе сотрудников Госавтоинспекции с водителями, систематически нарушающими ПДД, целесообразно гармонично сочетать меры административно-правового воздействия с методами и приемами психологического и воспитательного воздействия, а также осуществлять пропаганду безопасности дорожного движения. Рекомендуется использовать и нетрадиционные формы работы: информирование на-

селения в СМИ о лицах, систематически нарушающих ПДД; поддержание инициативы граждан, предоставляющих в подразделения ГИБДД видеозаписи о систематических правонарушениях отдельных граждан. Водителям рекомендуется следовать установкам: внимательно отслеживать, оценивать, прогнозировать изменяющуюся дорожную ситуацию, чтобы принять адекватное решение и действовать в соответствии с ситуацией, а также руководствуясь Правилами дорожного движения и уважением к другим участникам дорожного движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Постановление Правительства РФ от 03.10.2013 № 864 «О Федеральной целевой программе "Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах"».
2. Кузьменко Д.О. Криминологический анализ дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С.5; Белозеров Р.В. Дорожно-транспортные преступления и роль органов внутренних дел в их предупреждении: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. СПб., 2009. С.20.
3. Нарушение правил дорожного движения пешеходами: уголовно-правовые, криминологические и психологические проблемы: учебное (практическое) пособие / Л.Н. Костина и др. Орёл : ОрЮИ МВД России, 2013. 67 с.
4. В опросе приняло участие 125 сотрудников Госавтоинспекции – слушатели, которые прошли повышение квалификации в 2012/2013 гг. на факультете профессионального обучения и дополнительного образования в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова. Социально значимые мероприятия проводились на дорогах г. Орла в мае-июне 2012 года и июне 2013 года в составе ОБ ДПС № 1 УГИБДД УМВД России по Орловской области и строились на основе оказания комплексного психолого-педагогического воздействия на различные категории участников дорожного движения при помощи бесед и демонстрации видеосюжетов, на которых представлены возможные негативные последствия правонарушений.
5. Проценко С.В. Влияние психофизиологических и возрастных особенностей субъекта на деятельность, непосредственно связанную с обеспечением транспортной безопасности // Юридическая психология. 2009. № 4.
6. Зейг Дж. К. Испытание Эриксоном: Личность мастера и его работа / пер. с англ. В.В. Самойлова. М.: Независимая фирма "Класс", 1999.
7. Романов А.Н. Указан. соч. С.25.
8. Гвоздева Е.В. Типология преступников, совершивших уголовно наказуемое нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Российский следователь. 2007. № 11.

А.Е. Шалагин,

кандидат юридических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

Д.Э. Кабиров,

кандидат исторических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье отражены основные этапы развития отечественной криминологии. Показана взаимосвязь криминологии с юридическими и социологическими дисциплинами. Рассмотрены перспективные научные направления криминологических исследований. Особое внимание уделяется наркокриминологии, показана ее теоретическая и практическая значимость. Определены предмет, объект и система этой отрасли знаний.

Ключевые слова: криминология, виктимология, наркокриминология, ювенология, профилактика, предупреждение, пресечение преступлений.

The article describes the main stages of development of Russian criminology. It shows the relationship of criminology with legal and sociological disciplines. Perspective scientific directions of criminological research are considered in the article. The article deals with the subject, the object and the system of this branch of knowledge are defined in the article.

Key words: criminology, victimology, narcocriminology, juvenile studies, prevention, prevention of future crimes.

Историческое прошлое свидетельствует, что ни одно цивилизованное общество не может эффективно функционировать без налаженной системы предупреждения преступности. Предупреждение преступности рассматривается как многоуровневая система государственных и общественных мер, направленная на выявление, ослабление, устранение причин и условий преступности, ее отдельных видов, а также оказание предупредительного воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений. В свою очередь, преступность представляет собой массовое, исторически изменчивое, социально-негативное явление, выражающееся в системе уголовно-наказуемых деяний, совершенных на определенной территории за определенный период времени.[1. С.36]

Как справедливо отмечает д.ю.н., профессор Петр Николаевич Кобец, профи-

лактическая работа строится на основе всестороннего анализа причин и условий преступности в целом, а также ее отдельных видов. В послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию отмечалось, что гражданин вправе требовать от государства обеспечения личной безопасности - защиты жизни, здоровья, чести, достоинства, охраны имущества. В целях решения этой задачи необходимо, чтобы работа по предупреждению преступности имела приоритетное значение и соответствующую правовую основу, способную оптимизировать процедуру профилактики, предотвращения и пресечения преступлений.[2. С.20]

Криминология – это комплексная, междисциплинарная, постоянно развивающаяся наука, теснейшим образом связанная с жизнью людей, ее проблемами и конфликтами. Она использует достижения социоло-

гии, политологии, психологии, уголовного права и процесса, оперативно-розыскной деятельности и т.д. Вместе с тем эта наука создает собственные (криминологические) теории, относящиеся к ее предмету и методу. Сущность криминологии заключается в том, что она вырабатывает рекомендации по предупреждению преступности и социально-негативных явлений, анализирует сложившуюся криминогенную ситуацию и предлагает меры по ее стабилизации. В предмет криминологии также входит организация прогнозирования, программирования, планирования деятельности в сфере борьбы с преступностью.[3. С.504]

В истории отечественной криминологии выделяют несколько периодов: дореволюционный, советский, российский. На развитие криминологии в дореволюционный период существенное значение оказали труды М.В. Духовского, М.Н. Гернета, П.И. Люблинского, М.М. Исаева, Н.Н. Полянского, М.П. Чубинского, И.Я. Фойницкого, Х.М. Чарыхова. Преступность преимущественно изучалась в рамках социологической школы уголовного права. Одним из важнейших методов исследования закономерностей развития преступности считался статистический анализ.[4. С.59-60] Представители социологического направления, хоть и признавали определенное значение индивидуальных свойств личности в генезисе преступления, но при этом основную роль отводили влиянию внешних (объективных) факторов, на формирование готовности субъекта совершить преступление.

После событий 1917 г. исследования преимущественно осуществлялись теми же учеными, что и в царский период. Значительную роль в области изучения личности преступника и криминогенных факторов сыграли создаваемые в тот период криминологические кабинеты в Петрограде (1918 г.), Саратове (1922 г.), Москве (1923 г.), Ростове-на-Дону (1926 г.), Тифлисе (1930 г.). В целях координации криминологических исследований в марте 1925 г. при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР был образован Государственный институт по изучению преступности и преступника.

В его составе функционировали социально-экономическая, пенитенциарная, биопсихологическая и криминалистическая секции. К числу фундаментальных исследований того периода следует отнести труды А.А. Герцензона, Д.П. Родина, В.И. Куфаева, Е.И. Тарновского, А.С. Шляпочникова и др.

Однако партийная власть посчитала, что научные труды по криминологии недостаточно выдержаны и актуальны. В связи с чем, криминологические учреждения ликвидировали по идеологическим соображениям, а некоторые ученые и сотрудники исследовательских центров были репрессированы. Криминология как самостоятельная отрасль научного знания прекратила свое существование до конца 50-х годов прошлого столетия.[5. С.41]

В 60-е годы XX века, после тридцатилетнего забвения, криминология была снова включена в учебные планы юридических вузов в качестве самостоятельной дисциплины. Данный учебный курс последовательно внедрялся и в специальных учебных заведениях, например, в Высшей школе МВД СССР. В разные годы курс именовался: «Криминология и управление профилактической деятельностью органов внутренних дел» (1974), «Организация профилактики правонарушений» (1975), «Профилактика правонарушений» (1978), «Криминология и социальная профилактика» (1979), «Криминология» (1984).

В 1966 г. был издан учебник «Криминология» для юридических факультетов страны. В 1980 г. появился учебник под редакцией д.ю.н., профессора Г.А. Аванесова «Криминология и социальная профилактика», в 1985 г. издан двухтомник «Курс советской криминологии».

Преподавание криминологии в вузах, а также в специализированных учебных заведениях было вызвано необходимостью подготовки квалифицированных специалистов, способных противостоять новым формам и видам преступной деятельности. С этой целью в научно-исследовательских учреждениях юридического профиля стали создаваться криминологические отделы, секторы, группы, а в ряде вузов – криминологические лаборато-

рии. Криминология стала частью номенклатуры научных специальностей, по которым присуждались ученые степени кандидатов и докторов наук, – 12.00.08 (уголовное право и криминология, исправительно-трудовое право). В настоящий период в этой специальности изменилось только название третьей дисциплины – **уголовно-исполнительное право**. [6. С.89-90]

Существенный вклад в развитие современной отечественной криминологии внесли такие ученые, как Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаян, Н.И. Ветров, Б.В. Волженкин, Я.И. Гилинский, А.И. Гуров, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, Д.А. Корецкий, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.Я. Лебедев, В.В. Лунеев, В.С. Овчинский, Э.П. Побегайло, Д.В. Ривман, А.Б. Сахаров, О.В. Старков, В.С. Устинов, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов и др. В свою очередь, они подготовили молодых специалистов, которые достойно представляют российскую криминологическую школу в мировом масштабе. При этом стоит отметить, что глубина многих теоретических и прикладных разработок в последние годы возросла, что в немалой степени вызвано общим совершенствованием законодательства и практики его применения.

В 1991 году была создана Российская криминологическая ассоциация. Она представляет собой добровольное, самоуправляемое общественное объединение, являющееся юридическим лицом. Основные формы работы Ассоциации: подготовка научных семинаров и конференций, издание специальной литературы, проведение криминологической экспертизы нормативных правовых актов, участие в разработке законопроектов, организация исследований, поддержание международных контактов. Характерной чертой российских криминологов является внимательное отношение к современным зарубежным теориям в области профилактики преступлений. На русский язык переведены многочисленные труды по криминологии и девиантологии. В свою очередь, немало трудов отечественных криминологов издаются в других странах и переводятся на иностранные языки.

В настоящее время ассоциация объединяет свыше тысячи трехсот научных работ-

ников, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, судей, прокуроров. Все члены ассоциации профессионально занимаются проблемами профилактики и борьбы с преступностью. Российская криминологическая ассоциация имеет отделения более чем в пятидесяти субъектах Российской Федерации. Ее основными целями являются: дальнейшее развитие криминологии и перспективных научных направлений в сфере профилактики преступлений, защита государственных и общественных интересов от преступных посягательств, выработка научно-обоснованных рекомендаций (концепций) предупреждения и противодействия преступности. [7. С.42]

Криминология тесно связана с уголовным правом, которое законодательно закрепляет составы преступлений, виды наказаний, обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность. При этом не уделяет должного внимания причинам и условиям преступности, механизму преступного поведения, личности преступника с нравственных, социальных и психологических позиций. [8. С.82]

Криминология предоставляет уголовному праву сведения об уровне преступности, ее структуре, динамике, эффективности профилактической деятельности, прогнозирует изменения в криминальной среде [9. С.7]. Это позволяет своевременно реализовывать нормотворческие функции в плане криминализации (декриминализации) деяний, а также конструирования санкций за совершение преступлений (пенализация и депенализация). Таким образом, криминология определяет стратегию и тактику уголовной политики, препятствует принятию непродуманных законов и лоббированию собственных интересов, мешающих последовательному и гармоничному развитию общества.

В криминологии большое значение придается таким научным направлениям, как ювенология, криминотеология, террология, криминофамилистика, криминальная армалогия, эокриминология, криминопенология, архитектурная криминология, криминосексология, криминоюстициология и прочие. [10. С.21-24] Но и сама преступность не стоит на месте. Она проявляет себя

в новых качественных формах и видах (преступления в сфере информационных технологий, интернет-мошенничества, рейдерские захваты предприятий и организаций, совершенствуются способы легализации доходов, полученных преступным путем и др.). В такой ситуации развитие отечественной криминологической мысли представляется необходимым условием дальнейшего совершенствования всей системы предупреждения и противодействия преступности.

Современные научные направления отечественной криминологии:

Вайолентология – изучает насильственную преступность, ее количественные и качественные характеристики. Особое внимание уделяется криминологической характеристике личности насильников, а также детерминации таких преступлений. [11. С.133] К числу исследователей этой проблемы следует отнести Э.Ф. Побегайло, Ю.М. Антоняна и т.д.

Виктимология – наука о жертве (от лат. *victima*, англ. *victim*, фр. *victime*, и греческого *logos*). Человечество всегда интересовало, почему одни люди становятся жертвами преступников, а другие этого избегают. [12. С.713] В различные периоды этой проблемой занимались такие известные ученые, как В.И. Полублинский, Д.В. Ривман, В.Е. Квашиш и др.

Семейная криминология (кримиофамилистика) – занимается исследованием бытовой преступности, влиянием семьи на преступное поведение. Разработчиком этого направления является президент Санкт-Петербургского криминологического клуба доктор юридических наук, профессор Д.А. Шестаков. [13. С.28-29]

Криминальная армалогия – это комплексное междисциплинарное учение об оружии, о методах и способах предупреждения незаконного оборота оружия, а также о влиянии его на современные нравы и обычаи общества. [14. С.30] Разработчиками этой теории являются доктор юридических наук, профессор Д.А. Корецкий и его ученики.

Кримиопенология (пениitenciарная криминология) – учение о преступлениях, причинах и условиях противоправного поведения, личности правонарушителя в местах лишения свободы. [15. С.432-433]

К числу известных криминологов, занимающихся данной проблемой, следует отнести О.В. Старкова, В.В. Меркурьева, В.Е. Эминова.

Кримиотеология – изучает преступления, совершаемые на религиозной почве, и пути их предупреждения. Особое внимание уделяется роли религии в современном обществе, профилактике религиозного экстремизма. [16. С.159-160] Данное научное направление успешно развивают Л.Д. Башкатов, Г.Л. Касторский.

Политическая криминология – отрасль криминологических знаний, которая изучает закономерности существования преступности в политической сфере, а также предлагает меры по ее предупреждению. [17. С.318-320] Данную проблему в нашей стране с начала 90-х годов прошлого столетия успешно исследовали Д.А. Шестаков, П.А. Кабанов, В.В. Лунеев.

Ювенология (от лат. *juvenalis* юный) – отрасль криминологии, изучающая отклоняющееся от установленных норм общества поведение несовершеннолетних. Предметом ювенологии выступает преступность несовершеннолетних, а также способы (методы) исправления подростков и молодежи. Корифеями данного направления являются Н.И. Ветров, С.В. Дьяков, В.Д. Ермаков, К.Е. Игошев, Э.Б. Мельникова, В.А. Плешаков, Г.Х. Хохряков и др.

Развитие современной криминологии характеризуется процессами интеграции (объединения знаний социологии, психологии, уголовного права, криминалистики) и дифференциации (выделения новых отраслей знаний). [18. С.28] В качестве примера можно привести военную криминологию (криминомилитарологию), а также критическую, управленческую, региональную, педагогическую криминологию. В связи с происходящими изменениями в мире особое значение приобретают такие направления, как этнокриминология, криминоглобалистика, наркокриминология, криминология массовых коммуникаций. [19. С.62]

Специальная криминологическая теория возникает в результате развития отдельных научных направлений криминологии или на стыке криминологии и других наук. Так, изучение экономических детерми-

нант преступности привело к появлению экономической криминологии, женской преступности – гендерной криминологии, преступности в различных государствах – сравнительной криминологии [20. С.290].

В конце XX столетия в связи с глобальным распространением наркомании в России и принятием государственных мер по предупреждению наркотизации населения стало складываться самостоятельное научное направление – наркокриминология. Предмет наркокриминологии включает в себя изучение количественных и качественных характеристик наркопреступности, детерминирующих факторов наркомании и наркотизма, личности наркопреступника и лица, употребляющего наркотики, проблем предупреждения и противодействия незаконному обороту наркотиков на современном этапе.

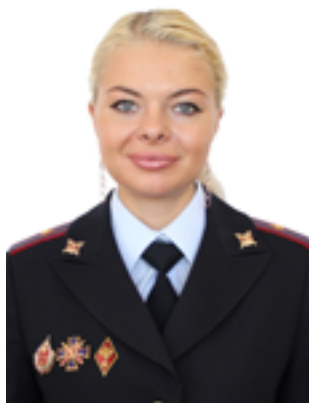
Наркокриминология тесно связана с отраслями медицины (наркологией и токсикологией), девиантологией, юридической статистикой, социологией, педагогикой, психологией, уголовным и уголовно-испол-

нительным правом, криминалистикой и уголовным процессом, оперативно-розыскным правом и административной деятельностью органов внутренних дел. К числу разработчиков данного научного направления следует отнести Л.В. Готчину, А.А. Майорова, А.Н. Сергеева, Л.И. Романову, М.Л. Прохорову, А.В. Федорова и др.

Система наркокриминологии состоит из общей и особенной частей. Общую часть составляют знания, касающиеся состояния, уровня, динамики, распространенности, структуры наркопреступности; причин и условий наркомании и наркотизма; личности преступника, совершающего противоправные деяния в рассматриваемой сфере. В Особенной части раскрывается специфика предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Показана взаимосвязь наркомании с другими социально-негативными явлениями: проституцией, бродяжничеством, беспризорностью, суицидальным поведением и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решетников А.Ю. Криминология: краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2011. 160 с.
2. Кобец П.Н. Современное состояние теории предупреждения преступности и ее роль в оптимизации борьбы с преступлениями // Российская юстиция. 2012. № 1. С.19-21.
3. Криминология: Особенная часть: учебник / под ред. Ф.К. Зиннурова. - Казань: КЮИ МВД России, 2011. 508 с.
4. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2007. 734 с.
5. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. 448 с.
6. Криминология: учебник / под ред. Г.А. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 575 с.
7. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 1008 с.
8. Тангиев Б.Б. Экокриминология. Парадигма и теория. Методология и практика применения / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 432 с.
9. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М.: Волтерс Клувер, 2005. 640 с.
10. Старков О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальные части: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. 1048 с.
11. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1074 с.
12. Частная криминология / отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 771 с.
13. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 353 с.
14. Корецкий Д.А. Криминальная армалогия: учение о правовом режиме оружия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 547 с.
15. Старков О.В. Криминопенология: учебное пособие. М.: Экзамен, 2004. 480 с.
16. Башкатов Л.Д. Криминология: религиозная преступность / под общ. ред. О.В. Старкова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 386 с.
17. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма, 2010. 800 с.
18. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. 448 с.
19. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: Общая часть: учебник. М.: Юрайт, 2011. Т.1. 1003 с.
20. Клейменов М.П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2011. 448 с.

Е.В. Демидова-Петрова,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

О ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЕЕ ОСОБЕННОСТЯХ

В настоящей статье рассматривается преступность несовершеннолетних в общей системе преступности. Предлагается авторское определение преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, семья, преступность, криминология, преступность несовершеннолетних.

This article analyzes the juvenile delinquency in the General system of crime. The author proposes a definition of juvenile delinquency.

Key words: minor, family, crime, criminology, juvenile delinquency.

Открытие К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистического понимания истории человеческого общества, развитое В.И. Лениным, послужило основой научного познания всех происходящих в нем социальных явлений, в том числе преступности. Впервые в истории общества было дано научное объяснение преступности и ее причин как массового явления, присущего обществу, разделенному на антагонистические классы.[1]

Приводя в статье «Население, преступность и пауперизм» данные о росте преступности в Англии в середине прошлого столетия, К. Маркс писал: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения».[2]

Марксистско-ленинская оценка преступности основывается на том, что данное явление не существует независимо от реального мира, в котором живут и действуют люди. Оно социально обусловлено. Преступления совершают люди. Поэтому криминология, изучая конкретное преступление, анализируя психологический аспект человеческого действия, соединяет его с социологическим аспектом: переходит от индивидуальных поступков к действиям в массе, совокупно-

сти, к содержанию общественных отношений. При этом все преступления рассматриваются в единстве и выражают целостность. Их множество и превращается в массовидное явление. Исследование этого явления должно охватывать все необходимые стороны действий людей, выразившихся в преступлениях. Данное массовидное явление и есть преступность.[3]

Криминология трактует преступление как единичное образование. Каждое отдельно взятое преступление существует в одном «экземпляре» и имеет свою характеристику. Преступность же – это множество, составленное из всех этих индивидуальных событий, образующих в своей массе явление. Данное явление также можно рассматривать в качестве индивидуального объекта, но уже более высокого уровня. Преступность по сравнению с преступлением допустимо представлять как индивидуальный объект высшего уровня. Индивидуальный объект низшего уровня (преступление) рассматривается как категория случайная. Конкретные преступления, из которых складывается преступность, совершаются независимо одного от другого и носят случайный характер. Индивидуальный же объект высшего уровня (преступность) – категория необходимая. Преступность характеризуется целостностью и сложностью, множествен-

ностью и разнообразием связей с другими социальными явлениями. Во всем этом и проявляется качественное различие между преступлением и преступностью. Преступление – это отдельное, а преступность – общее.[3] В.И. Ленин писал: «... отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного».[4] Следовательно, преступность (как общее) существует лишь в конкретных преступлениях (в отдельном). Поэтому изучение преступлений есть в какой-то мере познание преступности.[5] Но это не означает, что преступление можно сравнить с преступностью. Это не два разных по величине, но похожих, а тем более одинаковых явления. Преступление никогда не бывает просто уменьшенным во много раз подобием преступности.[3] Преступность обладает самостоятельной формой движения. При этом проявляются такие связи с другими явлениями, которые не характерны для отдельного преступления.

В первую очередь необходимо отметить, что преступность является весьма сложным социально-правовым явлением. В научной литературе существуют десятки ее определений.

По поводу возникновения преступности в том виде, в каком мы ее понимаем сегодня, существуют различные точки зрения. С.В. Бородин, например, полагал, что процесс выделения преступности как самостоятельного правового и социального явления из более широкого круга нарушений норм права и морали происходил в течение длительного времени и закончился в позднем средневековье. В России этой исторической вехой можно считать, по-видимому, издание Соборного уложения (1649 г.), в котором уголовно-правовые нормы впервые были объединены в отдельные главы (хотя термин «преступление» еще не упоминался).[6] Принятие Соборного уложения 1649 года (XVII век), по мнению С.Г. Олькова, – одна из наиболее ярких вех российского нормотворчества. Недаром историки называют его первым в нашей стране системати-

зированным законом.[7] Тем не менее в России были еще Судебники 1497, 1550 годов, Новгородская судная грамота (X-XV вв.) и другие. Не случайно Н.С. Таганцев в своих лекциях по уголовному праву на сей счет пишет, что с непокорством Зиждителю мира, с вредоносным посягательством на интересы ближних встречаемся мы на первых страницах священных преданий веры, и о тех же проявлениях зла и порока говорит нам ежедневная хроника текущей жизни.[8] Что касается преступлений, – пишет А.И. Долгова, – то история их столь же продолжительна, сколь же продолжительна история рода человеческого на Земле.[9]

В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов в предисловии к современному учебнику по криминологии отмечают, что нельзя сказать, будто ученые не уделяли внимания исследованию преступности. Раздумья о том, что за феномен, кто такие преступники, почему они совершают преступления, можно найти в трудах многих ученых с древнейших времен: философов, историков, правоведов, психологов, социологов и психиатров.[10]

«Преступность» – центральное понятие в криминологии. Но, как всегда бывает в науке, – наименее ясное и определенное.[11] Не случайно И.И. Карпец в своей монографии «Преступность: иллюзии и реальность», пытаясь дать ее определение, в конце концов, заключил, что можно было бы найти еще немало определений преступности. Но достаточно. Западные ученые, как правило, не дают развернутых определений из убеждения в их ненужности или невозможности их дать. Разнобой же в определениях, проистекающий из разных методологических подходов к преступности, очевиден, и нередко определение становится своего рода визитной карточкой ученого, отражающей его основную специальность. Однако палитра определений (а значит, и подходов) впечатляет разносторонностью.[12]

Л.И. Спиридонов рассматривает преступность как «один из параметров общества, характеризующих состояние социального механизма, рассогласованность между его составными частями».[13]

Д.А. Шестаков под этим явлением пони-

мает «свойство классового общества порождать массовое совершение опасных для него деяний».[14] Однако в этих определениях по существу отсутствуют указания на признаки определяемого предмета и речь идет не о преступности, а ее общих причинах.

Криминология изучает закономерности преступности, в том числе ее характеристики, процессы ее детерминации, причинности, реакцию преступности на разного рода воздействия на нее, разрабатывает пути борьбы с преступностью.

В течение последних столетий по различным проблемам, связанным с изучением преступности, было подготовлено огромное количество научных статей и монографий, в том числе носящих фундаментальный характер.[15]

Таким образом, в итоге огромной интеллектуальной работы многих поколений криминологов, ученых в области уголовного права и процесса у криминалистов постепенно сформировались современные представления о преступности и ее различных структурных составляющих, которые находят свое отражение в действующем уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном законодательстве и соответствующей практической деятельности.

С середины 70-х годов XX столетия в советской криминологии возникли отрасли, освещающие взаимосвязь преступности с отдельными функциональными общественными системами. Семейная криминология (криминофамилистика), возникшая в 70-х годах в Санкт-Петербурге, исследует взаимосвязь института семьи и преступности. Она ищет возможности сдерживания преступности посредством воздействия на семью. Также, помимо общетеоретических работ, появились достаточно глубокие, в том числе диссертационные исследования о влиянии семьи на различные виды преступной активности, в частности, на корыстное преступное поведение (Ф.Н. Аббасов). Вместе с тем остается недостаточно изученной имеющая перспективу разработки актуальная проблема взаимосвязи семьи и рецидива преступлений.

Во всем мире, особенно в западных

странах, криминологи проявляют огромный интерес к проблеме внутрисемейного насилия. Собственно, с разработки теоретических вопросов генезиса внутрисемейных преступлений в Санкт-Петербурге и получила начало семейная криминология. В последнее время здесь исследуются частные аспекты данной проблемы: внутрисемейные насильственные преступления женщин, убийства матерями своих детей. В свете зарождающейся в мире компаративной криминологии весьма своевременным было бы сравнительное (межрегиональное, межгосударственное) исследование внутрисемейных преступлений.[16]

Говоря о преступности, как о сложнейшем социальном явлении, хотелось бы особо отметить, что такая разновидность преступности, как преступность среди несовершеннолетних, всегда вызывает у ученых повышенное внимание.[17] И это вполне обоснованно, поскольку молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушения уголовного закона лицами юного возраста, их распространенность не только свидетельствуют о существующих недостатках воспитания, условий для включения молодежи в жизнедеятельность общества, но и в значительной мере выступают в качестве прогностической характеристики преступности в целом.

По мнению А.И. Долговой, выделение преступности несовершеннолетних позволяет более глубоко изучать ее особенности, специфику детерминации, причинности, а также разрабатывать дифференцированные меры специального ее предупреждения. Не учитывать криминологически значимых особенностей преступности несовершеннолетних – значит не обеспечивать целенаправленный и дифференцированный подход к борьбе с ней.[18] Мы разделяем данную точку зрения и полагаем, что преступность несовершеннолетних обладает рядом специфических, присущих только ей характеристик. Их выделение, детальное рассмотрение и изучение предоставит возможность выработки более эффективных мер предупреждения исследуемого вида преступности.

Вместе с тем при рассмотрении преступности несовершеннолетних следует иметь в виду ее целостность как сложного, системно-структурного социального явления, а также диалектическую взаимосвязь и взаимодействие разных ее подвидов (подростков 14-15 лет, 16-17 лет, гендерного различия).[18]

Преступность несовершеннолетних имеет ряд отличительных особенностей, которые проявляются в первую очередь в причинном комплексе и мотивации формирования преступного поведения и, как следствие, в ее уровне и тенденциях развития.

В России исследованию рассматриваемой нами проблемы посвящены труды ряда авторов.[19]

Резкое социально-экономическое расслоение общества особенно болезненно воспринимается детьми и подростками. Увеличивающийся разрыв между реальными доходами и привлекательными жизненными стандартами, невозможность достижения последних правомерными способами обусловили интенсивное вовлечение несовершеннолетних даже из относительно благополучных в социальном смысле семей в криминальную деятельность или вызвали высокую степень психологической готовности к этой деятельности.[20] Возникают конфликты на почве социально-экономических контрастов, разрешаемые, к сожалению, зачастую криминальным путем.

Итак, кто же такие несовершеннолетние, совершающие преступные деяния?

Несовершеннолетние преступники – это лица, совершающие противоправные действия в раннем возрасте, позже, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для взрослой и рецидивной преступности.

По мнению ряда авторов, а именно Ю.Ф. Кваши, А.С. Зайналабидова, А.П. Зрелова, Д.Ю. Тамбовцева, Н.А. Свистановой, М.В. Краснова, преступность несовершеннолетних объясняется: избранием несовершеннолетними антисоциального образа поведения в связи с неадекватной оценкой обстоятельств и отсутствием жизненного опыта в целях самоутверждения.[21] На наш взгляд, данное определение пре-

ступности несовершеннолетних недостаточно полно. Полагаем, что оно не содержит ряд признаков, которые присущи данному социальному явлению.

В узком понимании под преступностью несовершеннолетних можно рассматривать преступления, совершаемые лицами в возрасте от 14 до 18 лет. Однако в силу разных причин такое ограничение возраста весьма узко.

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних, следует исходить из того, что она представляет собой часть преступности в обществе, которая развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В силу этого при изучении преступности лиц в возрасте от 14 до 18 лет используются общекриминологические характеристики, показатели, а также иные категории. В то же время анализ должен быть направлен на выявление факторов и обстоятельств, значимых именно для преступности несовершеннолетних, позволяющих установить ее специфику и необходимые меры воздействия.

В научной литературе, и в частности, по мнению Президента Российской криминологической ассоциации А.И. Долговой, преступность несовершеннолетних представляет собой особый объект криминологического исследования, который рассматривается в следующих позициях:

1) общеправовых (предусмотрены специальные главы в Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах, содержащих особенности привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, расследования данной категории дел, а также назначения и его исполнения);

2) криминологические, как специфика:

а) преступлений несовершеннолетних (виды, формы, мотивы);

б) личности несовершеннолетнего (т.е. незначительный возрастной период ее формирования, ограниченная дееспособность, динамика содержания социально-ролевых и социально-психологических функций);

в) комплекса причин и условий преступности;

г) результативности мер специального профилактического воздействия.[22]

Несмотря на пристальное внимание к рассматриваемым проблемам ученых и практиков, интерес к ним не снижается.

Преступность несовершеннолетних как социальная проблема продолжает оставаться в центре внимания учёных, государственных и общественных институтов. Это объясняется особенностями подростковой преступности, постоянным изменением социальных условий и законодательства, а также гуманными соображениями, необходимостью оградить подрастающее поколение от вовлечения в противоправную деятельность.[23]

Негативные процессы, сопровождающие социально-экономические, политические и другие изменения в России, вызвали небывалое обострение криминальной ситуации. Под воздействием микро- и макросреды происходят заметные количественные и качественные изменения преступности несовершеннолетних – основы для воспроизводства общей преступности.[23]

Процессы становления и развития рыночной экономики, демократизации государственной и общественной жизни непосредственно отразились на криминологической обстановке в среде несовершеннолетних.

Преступность среди несовершеннолетних вызывает повышенное внимание, и это вполне обоснованно, т.к. она является своеобразным индикатором социальной ситуации в стране. Этот вид преступности чрезвычайно чутко реагирует на состояние общества.[24] Рост преступности несовершеннолетних, как правило, свидетельствует о неблагоприятных социальных процессах.

Анализ преступности несовершеннолетних, с одной стороны, инструмент выявления криминогенных факторов в социуме, а с другой – база для прогноза преступности в целом.

Криминализация детей и подростков – это криминализация будущего нашей страны. По процессам, происходящим в детской и молодежной среде, мы можем с большой долей вероятности судить о том, каким будет наше общество в перспективе, в том числе какой будет преступность.

Помимо исследовательских и прогностических аспектов изучения преступности не-

совершеннолетних, есть еще один – гуманитарный. Дети относятся к числу наименее защищенных социальных групп населения. Такое направление воздействия, как профилактика преступности в смысле защиты от нее, защиты от поражения социальных групп «криминальным вирусом», имеет наибольшее значение именно применительно к несовершеннолетним: детям и молодежи.[25] К сожалению, уровень криминальной пораженности данной части населения в современный период достаточно высокий.

Специфика преступности несовершеннолетних может быть рассмотрена как обусловленная комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних, специфике социального статуса.[26] Установление таких специфических черт, обуславливающих правонарушающее поведение несовершеннолетних, особенности их качественных и количественных параметров, их анализ являются основой для разработки мер предупреждения, ориентированных на применение в отношении данной возрастной группы.

От того, какие перспективы развития в настоящее время будет иметь исследуемая нами проблема, во многом зависят состояние и тенденции преступности в будущем, и даже более широко – нравственный климат в обществе.[27]

Итак, под преступностью несовершеннолетних следует понимать социально-правовое, негативное, общественно опасное, исторически обусловленное, устойчивое явление, представляющее собой систему преступлений совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия (восемнадцати лет), на определенной территории, а также за определенный период времени. Данное явление обладает повышенной общественной опасностью, так как именно несовершеннолетние лица являются основным резервом пополнения рядов взрослой, а также рецидивной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология: изд. 3-е, испр. и доп. М., 1976. С.53.
2. Маркс К. Соч. Т. 13. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1983. С.515.
3. Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984. С.156, 166.
4. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.
5. Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М., 1974. С.7; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С.175.
6. Кудрявцев В.Н. Социальные отклонения. М., 1989. С.244.
7. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения. Тюмень, 1996. С.20, 21.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. М., 1994. Т.1. С.4.
9. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2005. С.6.
10. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2002. С.3.
11. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С.65.
12. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С.15.
13. Спиридонов Л.И. Социология преступности. М., 1978. С.22, 23.
14. Шестаков Д.А. На криминологическом семинаре // Правоведение. 1981. № 2. С.105, 106.
15. См.: об этом подробнее: Ч. Беккариа (1738-1794) «О преступлениях и наказаниях», И. Бентам (1748-1832) «Введение в основания нравственности и законодательства», «Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении»; А. Кетле (1796-1874) «Социальная система и законы, ею управляющие»; Ч. Ломброзо (1835-1909) «Преступление», «Новейшие успехи науки о преступнике»; Э. Ферри (1856-1929) «Уголовная социология»; Тард (1843-1904) «Философия наказания»; П.А. Сорокин (1889-1968) «Преступление и кара, подвиг и награда»; Р. Мертон (1910) «Социальная структура и аномия»; Э. Сатерленд (1882-1950) «Принципы криминологии»; Г.С. Беккера (1930) «Преступление и наказание: экономический подход».
16. Криминология – XX века / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. СПб., 2000. С.9.
17. См.: Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова. СПб., 1998.
18. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С.889.
19. См.: Об этом подробнее: А.С. Автономов, З.А. Астемиров, Н.Е. Борисова, В.Н. Бурлаков, С.Е. Вицин, В.Ф. Волохова, А.В. Воробьев, А.И. Долгова, В.П. Емельянов, В.Д. Ермаков, С.М. Иншаков, В.П. Кашепов, В.А. Кирнос, В.А. Колесников, Н.И. Крюкова, Н.Ф. Кузнецова, С.П. Минина, Г.М. Миньковский, Д.А. Шестаков, А.С. Шляпочников.
20. Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2002. С.771.
21. См.: Криминология / под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. Ростов-на-Дону, 2002.
22. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2010. С.890.
23. Кошелева Е.В. Криминологическое изучение влияния социально-негативных свойств семьи на преступность несовершеннолетних: дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. С.3.
24. См.: Селиванова О.А. Психолого-педагогическая реадaptация безнадзорных подростков в условиях открытого социума: автореф. дис. ... док. пед. наук. Тюмень, 2005.
25. См.: Сморгунова Н.Ф. Предупреждение беспризорности среди детей и подростков в России (20-90-е гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 1998.
29. См.: Алексеев А.И. Криминология. М., 1998; Карпец И.И., Эминова В.Е. Криминология. – М., 1992; Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1997.
27. См.: Прялухина А.В. Социально-психологические детерминанты и особенности подростковой безнадзорности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.

А.А. Сергеева,

кандидат юридических наук, доцент
(Алтайская академия экономики и права)

М.Н. Ракова,

юридический консул Ilios Peristilon Ltd
(г. Афины, Греция)

НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В СИСТЕМЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ УГРОЗ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В статье проведено исследование основных подходов к формулированию понятий международной, нерегулярной, недокументированной, нелегальной миграции, проанализировано их соотношение. Обосновывается необходимость унификации терминологии в области миграции как на международном, так и на национальном уровнях. Авторами разработано собственное понятие незаконной миграции.

Ключевые слова: незаконная миграция, иностранный гражданин, криминальная иммиграция.

The article analyzes the basic approaches of the formulation of international concepts, irregular, undocumented, illegal migration, and their relationship. The necessities of standardization of terminology in the field of migration on both the international and national levels are proved in the article. The authors developed their own concept of illegal migration.

Keywords: illegal immigration, a foreign citizen, criminal immigration.

Нелегальная миграция на сегодняшний день обоснованно признается одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности не только России, но и любого государства. Именно поэтому противодействие этому явлению стало одним из важнейших направлений деятельности уполномоченных органов государственной власти. Нелегальная миграция представляет угрозу не только как самостоятельное явление. Серьезную опасность несет ее связь с контрабандой наркотиков и оружия, терроризмом, торговлей людьми.

Снизить негативные последствия нелегальной миграции можно только при условии тесного взаимодействия с сопредельными странами и мировым сообществом в целом, а также принятия всеми государствами скоординированных мер в политической, социально-экономической, законодательной сферах.

В то же время следует констатировать, что отсутствие единого стандарта в формулировании определения «международная мигра-

ция» привело к тому, что в разных странах существуют различные стандарты и характеристики международной миграции, в основу которых положена продолжительность пребывания и цель приезда. Это приводит к сохранению различных способов регистрации мигрантов в национальных статистиках и, соответственно, к несопоставимости данных, что затрудняет научный анализ международной миграции и препятствует разработке эффективной миграционной политики.

Уже в 70-е годы двадцатого столетия предпринимались попытки создания глоссария терминов международной миграции. MOM был разработан неофициальный глоссарий, который использовался исключительно сотрудниками MOM. Ришар Перрушу в 2005 году указывал, что «попытка собрать все воедино была предпринята в конце 80-х годов Центром по техническому сотрудничеству MOM в Вене. Результат этой работы опубликован в 2001 г. в «Миграционном

справочнике» под редакцией П. Ван Крикена, а в 2005 году увидела свет его последняя редакция».[1] Первое издание Глоссария терминов в области миграции (далее – глоссарий) имело очень большую популярность и с момента его издания было переведено на русский, таджикский, арабский, испанский, словенский, французский, албанский, боснийский, китайский, турецкий, греческий, португальский, итальянский и македонский языки. В 2011 году вышло в свет второе издание глоссария под редакцией Р. Перрушу.[2]

Создание глоссария позволило выявить следующие проблемы. Во-первых, имеет место отсутствие четких, общепризнанных определений в области миграции. «Последнее отчасти вызвано тем, что миграция традиционно рассматривалась только на национальном уровне, и как результат – использование миграционных терминов варьируется в зависимости от страны. Более того, даже в пределах одной страны термины могут различаться по значению или смыслу».[1]

В качестве требующей настоящего разрешения задачи при составлении глоссария его составители также обозначили «отсутствие дифференциации в определении различных по существу терминов, иногда тождественных, но чаще однородных (похожих по основным признакам), например, «незаконная миграция» (illegal migration), «тайная миграция» (clandestine migration), «недокументированная миграция» (undocumented migration), «нерегулярная миграция» (irregular migration)». На практике данные термины используются произвольно, довольно часто один термин подменяется другим (например, в многочисленных работах по проблемам нелегальной миграции термин «нелегальная миграция» (illegal migration) подменяется понятием «нерегулярная миграция» (irregular migration)).

С целью изучения понятийного аппарата в области миграции, а также для определения содержания понятия «незаконная миграция» в настоящей работе предпринята попытка разграничения понятий «незаконная миграция» (illegal migration), «недокументированная миграция» (undocumented migration), «нерегулярная миграция» (irregular migration).

Следует оговориться, что термин «irregular migration» в русской версии Глоссария переводится как нерегулярная миграция, что, по нашему мнению, не совсем верно. Слово «нерегулярный (прил.)» в русском языке означает: 1. Происходящий с перерывами разной длительности; непостоянный. Нерегулярные занятия. Нерегулярная работа. Нерегулярное движение поездов. 2. Такой, который существует непостоянно, созывается по мере необходимости.[3] В то же время в первом и втором изданиях Глоссария, нерегулярная миграция передвигание, происходящее вне регулирующих норм страны отправления, транзитной и принимающей стран... С точки зрения страны назначения незаконный въезд, пребывание или работа в этой стране. Это означает, что мигрант не имеет разрешения или документов, необходимых, в соответствии с иммиграционным законодательством, для въезда, проживания или работы в этой стране. С точки зрения страны отправления, незаконными, например, являются случаи, когда человек пересекает международную границу без действительного паспорта или проездного документа либо не соблюдает административные требования к выезду из страны. Существует тенденция к ограничению использования термина «незаконная миграция» и применения его только тогда, когда дело касается незаконного ввоза мигрантов и торговли людьми.[4] Более правильно, по нашему мнению, в данном случае использовать термин «нерегулируемая миграция». В то же время анализ подходов к определению сущности понятия «нерегулируемая миграция» позволяет сделать вывод о том, что разграничение существующего термина «нерегулярная миграция» с термином «незаконная миграция» является искусственным, а потому – необоснованным. В документах ООН при определении термина «нерегулярный (нерегулируемый) мигрант» делается акцент на противоправную составляющую действий конкретного индивида («Термин применим к мигрантам, нарушающим правила въезда в страну, а также к любому другому лицу, не имеющему права дальнейшего пребывания в принимающей стране (тайный/ незаконный/ недоку-

ментированный мигрант или мигрант, пребывающий с нарушением законодательства» выделено авт.).[1] Нарушение норм миграционного законодательства страны исхода мигранта, транзитной страны либо страны прибытия придает его деятельности признак противоправности (незаконности). При отсутствии соответствующих норм, регулирующих миграционные процессы, деятельность индивида, перемещающегося через международные границы, делает невозможным признание ее в качестве как нерегулярной (нерегулируемой), так и незаконной. Более того, многие авторы используют понятия «нелегальная (незаконная) миграция» и «нерегулярная (нерегулируемая) миграция» как синонимичные.[5] Полагаем, что термин «нерегулируемая миграция», скорее, должен обозначать миграционные потоки, которые вообще не подвергаются регулированию со стороны государства. Данная точка зрения встречается в работах некоторых авторов и заслуживает дальнейшего осмысления. Так, по мнению Л.Т. Поладовой, нерегулируемая миграция это миграция, которая происходит под воздействием внутренних факторов, без регуливающей роли внешнего фактора в виде государственного регулирования прямого или косвенного. То есть это более широкий термин, который включает не только незаконные потоки миграции, но и вполне законные, которые, однако, не стимулируются прямо или косвенно государственными структурами.[6] Так, создание системы иммиграционного контроля в Российской Федерации в 1993 году после распада СССР было призвано контролировать миграционные потоки при отсутствии миграционного законодательства нового государства. Возможно, в этом случае, термин «нерегулируемая (неконтролируемая) миграция» означал отсутствие воздействия на миграцию регуливающей роли государства.

Зачастую одинаковый смысл придается терминам «незаконная миграция» и «недокументированная миграция». Представляется, что такое дробление незаконной миграции на подвиды не способствует улучшению качества статистического учета мигрантов. Поэтому предлагаем унифици-

ровать терминологию, исключив понятие «нерегулярная миграция» из миграционного лексикона, а все случаи перемещения без надлежащих документов, с ложными документами, с нарушением порядка въезда и т.д., то есть перемещение лиц (в широком смысле) с нарушением миграционного законодательства, объединить термином «незаконная миграция».

Не имеющей практического значения представляется также попытка искусственного разделения терминов «нелегальная миграция» и «незаконная миграция».[7] В словаре иностранных слов термин «легальный» (лат. *legalis*, от *lex*, *legis* закон) означает законный, соответствующий с законом, законный.[8] В настоящей работе термины «нелегальная миграция» и «незаконная миграция» используются как синонимичные.

Также достаточно спорным представляется ограничение применения термина «незаконная миграция» только случаями незаконного ввоза мигрантов и торговли людьми. Во многих странах данные деяния образуют самостоятельные составы преступления и обозначаются термином «криминальная миграция». По нашему мнению, криминальная и незаконная миграция – не тождественные понятия, хотя им присущ признак противоправности. При незаконной миграции, как было отмечено ранее, нарушаются, прежде всего, нормы миграционного законодательства, то есть установленный порядок въезда, выезда, пребывания, трудовой деятельности и транзита определенных лиц в Российской Федерации. Криминальная миграция имеет место только при нарушении уголовно-правовых норм.

Существует точка зрения, согласно которой незаконная и криминальная миграция определяется как целое и часть.[9,11] Представляется, что данная точка зрения может быть признана обоснованной, учитывая, что криминальная миграция, будучи по своей сути незаконной, возникает только при нарушении уголовно-правового запрета. По мнению многих исследователей, феномен «незаконная миграция» имеет две составляющих: нелегальная (незаконная) и криминальная миграция. Практика сви-

детельствует, что незаконная миграция, как правило, связана с различными видами противоправной, а часто и преступной деятельности, в том числе, торговлей людьми, контрабандой, незаконным оборотом наркотиков, браконьерством, все чаще незаконные мигранты становятся объектом пристального внимания экстремистских и террористических организаций.

В связи с вышесказанным необходимо отметить, что понятие «незаконная (нелегальная) миграция» следует ограничивать от понятия «криминальная миграция». Главное отличие, на наш взгляд, заключается в преступных целях и мотивах перемещения мигранта. Термин «криминальная миграция» в последнее время получил достаточно широкое распространение в криминологической литературе. В демографии же такой вид миграции не выделяется, поскольку для нее важны главным образом формы движения населения, тогда как для криминологии более существенными являются факторы, стимулирующие и объясняющие миграцию. Считается, что криминальная миграция это операциональное понятие, принятое криминологами для выделения контингентов мигрантов, прибывающих с преступными целями и требующих повышенного внимания со стороны правоохранительных органов.[10] С.Е. Метелёв дал следующее определение рассматриваемого явления: «Криминальная миграция это социальное, относительно массовое, общественно опасное явление, проявляющееся в территориальном перемещении лиц в целях совершения преступлений, а также перемещение криминальных технологий».[11] Н.Д. Нечевина и И.В. Плюсова под криминальной миграцией понимают «социальное, относительно массовое, общественно опасное явление, проявляющееся в территориальном перемещении лиц в целях совершения преступлений, а также перемещении криминальных технологий через границы тех или иных территорий».[12] Необходимо также отметить, что мотивации миграции в Россию жертв преступных посягательств-иностранцев, конечно, более разнообразны, но зачастую они также связаны с незаконной деятельностью.

С криминологической точки зрения наиболее проблематичным является процесс адаптации иностранного мигранта к новым условиям и обстоятельствам жизни, который по объективным причинам отличается особой сложностью. Возникающие в новых условиях трудноразрешимые проблемы воздействуют на людей самым негативным образом, зачастую изменяя их ценностные ориентации и установки. Все это обуславливает повышенную криминогенность и виктимогенность лиц данной категории.

Поэтому было бы правильным выделить такой вид миграции как криминальная иммиграция. Данный вид миграции более точно, на наш взгляд, взаимосвязан с преступностью иностранцев и представляет наибольшую опасность. С нашей точки зрения, криминальную иммиграцию можно определить как совокупность перемещений иностранцев, прибывающих и находящихся на территории страны, въезда с целью осуществления преступной деятельности, а также непосредственно сама эта деятельность и ее общественно опасные последствия.

Рассмотрим теперь, как основные понятия в области миграции интерпретируются в российском законодательстве.

Следует оговориться, что российское законодательство вообще не использует такие понятия, как «мигрант», «трудоустроенный-мигрант», «работник-мигрант», «нелегальный мигрант» и т.д. Правовое положение иностранных граждан на территории Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации (далее Закон об иностранных гражданах),[13] который определяет лишь общие вопросы правового статуса иностранных граждан, в том числе связанные с осуществлением или на территории нашего государства трудовой, предпринимательской и иной деятельности. В то же время Закон об иностранных гражданах содержит понятие «законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин» (ст.2). Легитимное определение понятия «иностранец» первоначально было закреплено в Федеральном законе

«О гражданстве Российской Федерации»,[14] в соответствии со статьей 3 которого иностранным гражданином признается лицо, не являющееся гражданином РФ и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства, что полностью соответствует определению этого понятия в международных документах. И только позднее оно было сформулировано в статье 2 Закона об иностранных гражданах, согласно которой под иностранным гражданином понимается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Как видно, эти два определения не являются тождественными, учитывая, что в соответствии с Законом об иностранных гражданах у иностранца должно быть доказательство наличия иностранного гражданства, а Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» такого требования не устанавливает. Законность нахождения мигранта – иностранного гражданина или лица без гражданства – на территории России определяется наличием документов, предусмотренных федеральным законом или международным договором и подтверждающих право мигранта на пребывание (проживание) в России. Статья 2 Закона об иностранных гражданах позволяет сделать вывод о том, что не является незаконным мигрантом лицо, имеющее действительный вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) на территории России. Иными словами, по совокупности указанных критериев иностранный гражданин (физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) другого государства) и лицо без гражданства (физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иного государства) признаются лица-

ми, законно находящимися на территории России. И напротив, лица, не отвечающие перечисленным критериям, считаются лицами, незаконно находящимися на территории России, то есть незаконными мигрантами.

В федеральной миграционной программе, утвержденной указом Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668, отсутствовала дефиниция незаконной миграции, однако определялись ее субъекты, в качестве которых программа признавала эмигрантов неконтролируемых (граждане РФ, выезжающие через территории государств – бывших республик СССР, в другие иностранные государства), эмигрантов нелегальных (граждане РФ, нелегально пересекающие государственную границу РФ), иммигрантов незаконных (иностранцы граждане и лица без гражданства, въезжающие по недействительным документам или без документов в РФ; иностранные граждане и лица без гражданства, объявленная цель въезда которых не соответствует их намерениям; иностранные граждане и лица без гражданства, прибывающие в Россию нелегально, в том числе через государства – бывшие республики СССР).[15] Однако уже в 1998 году в Федеральной миграционной программе на 1998-2000 гг., утв. Постановлением Правительства РФ от 10.11.1997 г. № 1414, незаконная миграция определялась въезд в Российскую Федерацию, пребывание и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства Российской Федерации, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории Российской Федерации.[16] В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Президентом РФ в июне 2012 года,[17] сформулировано следующее понятие незаконной миграции: «Перемещения в Российскую Федерацию с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации и (или)

осуществления ими трудовой деятельности». Таким образом, анализ указанной нормы позволяет предположить о выделении трех видов незаконной миграции: незаконный въезд, незаконное пребывание и незаконная трудовая деятельность. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), [18] в котором установлена административная ответственность за совершение целого ряда правонарушений в сфере миграционного учета, также не содержит законодательных формулировок «мигрант», «миграция» или «незаконная миграция». Тем не менее, в двух нормах КоАП РФ имеется указание на нарушение иммиграционных правил со стороны иммигранта. [19] В остальных предписаниях КоАП РФ устанавливает ответственность не за нарушение иммиграционных норм, а нарушение миграционного порядка. [20] Следовательно, названный закон одновременно употребляет категории миграция, иммиграция и иммигрант зачастую как синонимы. Уголовный кодекс Российской Федерации [21] (далее – УК РФ) прямое указание на дефиницию «незаконная миграция» имеет лишь в одной норме – ст. 322.1, предусматривающей ответственность за организацию незаконной миграции. При этом из смысла указанной нормы следует, что под незаконной миграцией понимается незаконный въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконное пребывание в Российской Федерации или незаконный транзитный проезд через территорию Российской Федерации. Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о существовании дополнительного вида незаконной миграции – незаконный транзит. Иные уголовно-правовые нормы, посвященные криминализации деяний незаконных мигрантов либо посягательств, направленных против мигрантов, терминами «мигрант», «миграция» и «незаконная миграция» не оперируют.

В некоторых нормативных правовых актах встречается термин «неконтролируемая миграция» (Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 года № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» (утратил силу) [22]), постановление Прави-

тельства РФ от 8 сентября 1994 года № 1020 «Об утверждении положения об иммиграционном контроле» (утратил силу), [23] постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 года № 1021 «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции» (утратил силу) [24]. В то же время следует учитывать, что данный термин использовался в период отсутствия системы иммиграционного контроля в Российской Федерации и распространялся на лиц, ищущих убежища в РФ, что не позволяет расценивать неконтролируемую миграцию обозначенного периода (исходя из духа указанных актов) как незаконную.

Резюмируя положения внутреннего законодательства Российской Федерации, регламентирующие вопросы противодействия незаконной миграции, в их единстве и взаимосвязи, можно констатировать следующие тенденции определения такого негативного явления, как незаконная миграция. М.Я. Баранник предлагает следующее определение незаконной миграции: «Незаконная (внешняя) миграция – это въезд в определенную страну, пребывание на ее территории и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан; произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на ее территории, а также выезд с территории страны ее граждан с нарушением законодательства, регулирующего порядок их выезда». [25] В данном определении есть одна особенность – исключение из незаконной миграции внутренней миграции.

Следует отметить, что в большинстве государств понятие незаконной миграции исключает процессы внутренней миграции, т.е. фактически гражданин в своей стране не может быть признан незаконным мигрантом. Россия долгое время была исключением, учитывая, что житель любого региона страны, приехав в Москву больше, чем на три дня, был обязан зарегистрироваться в органах милиции. В противном случае он признавался незаконным мигрантом в своем государстве только в другом городе,

и подвергался административному наказанию. С 2005 г. срок получения регистрации для российских граждан был увеличен до 90 дней, что фактически ликвидировало понятие «незаконные мигранты» по отношению к российским гражданам.[26]

Аккумулируя научные точки зрения на проблему выработки дефиниции «незаконный мигрант», [27] сформулируем ее общую трактовку. В понятие «незаконный мигрант» можно включить иностранных граждан, лиц без гражданства, беженцев или вынужденных переселенцев, нарушивших установленные в Российской Федера-

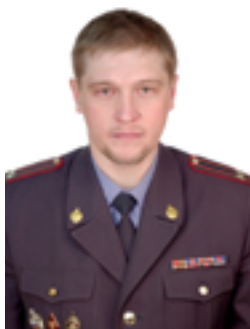
ции миграционные правила, в том числе нормы миграционного учета в направлении их внешнего или внутреннего социально-экономического перемещения.

Таким образом, с юридической точки зрения, «незаконные мигранты» это иностранные граждане, лица без гражданства и вынужденные переселенцы, незаконно въехавшие на территорию России, находящиеся на территории Российской Федерации без соответствующего права либо нарушившие правила транзитного перемещения, а также лица, осуществляющие незаконную трудовую деятельность на территории России.

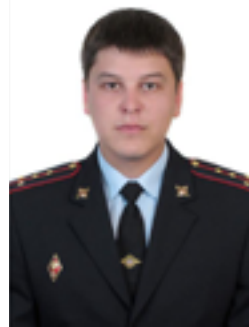
ЛИТЕРАТУРА

1. Глоссарий терминов в области миграции / отв. ред. Р.ПERRUШУ // Международное миграционное право. № 2. Женева, 2005. С.3.
2. Glossary on migration / Richard Perruchoud and Jillyanne Redpath-Cross, eds // International Migration Law. №25. Geneva, 2011. 115p.
3. Большой толковый словарь русского языка. - 1-е изд-е: СПб.: Норинт, 1988. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 15 июля 2013 года).
4. Глоссарий терминов в области миграции. Международное миграционное право. № 2/ под ред. Р. ПERRUШУ. Международная организация по миграции. Женева. 2005. С.44-45; Glossary on migration / Richard Perruchoud and Jillyanne Redpath-Cross, eds // International Migration Law. №25. Geneva, 2011. P. 54; Migration profiles: Making the Most of the Process. IOM, 2011. P.147.
5. DRBOHLAV, D., DZÚROVÁ, D., ČERMÁK, Z., JANSKÁ, E and others. The Czech Republic: on its way from emigration to immigration country // Idea Working Papers. 2009. №11, May. URL: http://www.idea6fp.uw.edu.pl/pliki/WP11_Czech_Republic.pdf (дата обращения: 1 августа 2013 года).
6. Поладова (Гайдарова) Л.Т. Незаконная миграция в Россию: тенденции, последствия, противодействие: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2012. С.8.
7. Так, Л.Т. Поладова предлагает под нелегальным въездом понимать незаконное проникновение на территорию страны иностранных граждан или лиц без гражданства, осуществляемое с нарушением порядка пересечения границы либо с поддельными или недействительными документами. Именно эту форму миграции она называет нелегальной миграцией. Данное понятие, по ее мнению, более узкое, чем незаконная миграция, поскольку включает только тех мигрантов, которые пересекли границу нелегально, чем изначально обрекли себя на незаконность положения в стране. Чаще всего, они шли на этот шаг осознанно, зная, что нарушают закон (см.: Поладова (Гайдарова) Л.Т. Незаконная миграция в Россию: тенденции, последствия, противодействие: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2012. С.8.
8. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. URL: <http://enc-dic.com/fwords/Legalnyj-19576.html> (дата обращения: 1 августа 2013 года).
9. Корчагин А.Г., Сонин В.В. Миграционная политика в решении миграционных проблем в России // Право и политика. 2010. № 6 и др.
10. Российская криминологическая энциклопедия. М.: НОРМА, 2000. С.345.
11. Метелёв С.Е. Международная трудовая миграция в условиях глобализации и нелегальная миграция в России: монография. М.: Издательство РГТЭУ, 2006. С.112.
12. Нечевина Н.Д., Плясова И.В. Криминальная иммиграция в современной России: криминологические, уголовные и административные аспекты: монография/под ред. Д.К. Нечевина. М., 2006. С.14.

13. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст.3032.
14. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст.2031.
15. Указ Президента РФ от 09.08.1994 № 1668 «О Федеральной миграционной программе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 18. Ст.2065.
16. Постановление Правительства РФ от 10.11.1997 № 1414 «О Федеральной миграционной программе на 1998-2000 годы». URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/di-gosudarstvo/w8g.htm> (дата обращения: 12 июля 2013 года).
17. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=131046> (дата обращения: 12 июля 2013 года).
18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч.1). Ст.1.
19. Во-первых, в ч.1 ст.4.5 КоАП РФ конкретизируются сроки давности привлечения к административной ответственности за нарушение иммиграционных правил. Во-вторых, ст.18.11 КоАП РФ устанавливает наказание за нарушение тех или иных миграционных правил (например, за уклонение иммигранта (физического лица) от прохождения иммиграционного контроля, от представления сведений или представление недостоверных сведений во время определения статуса иммигранта в Российской Федерации; за непредставление или несвоевременное представление по требованию уполномоченного органа установленных законодательством Российской Федерации документов или информации об иностранных гражданах или лицах без гражданства (со стороны физических или юридических лиц), в отношении которых осуществляется иммиграционный контроль).
20. Например, ст.19.27 КоАП РФ, предусматривающую ответственность за предоставление при осуществлении миграционного учета заведомо ложных сведений либо подложных документов иностранным гражданином или лицом без гражданства.
21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 5 апреля 2013 г., с изм. и доп., вступившими в силу с 19 апреля 2013 г.). Первоначальный текст документа опубликован: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст.2954. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18 апреля 2013 года).
22. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 51. Ст.4933.
23. Собрание законодательства РФ. 1994. № 21. Ст.2384.
24. Собрание законодательства РФ. 1994. № 21. Ст.2385.
25. Баранник М.И. Криминологические и правовые проблемы борьбы с незаконной миграцией. Владивостокский центр исследования организованной преступности URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1102&print=1&more=1> (дата обращения: 1 августа 2013 года).
26. Юсупов М.Х. Политические тенденции незаконной миграции в России: центры притяжения // ЕврАзЮж № 11 (54) 2012. URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=3653:2012-12-13-07-26-13&catid=148:2010-08-12-05-13-05&Itemid=196 (дата обращения: 12 июля 2013 года). – Загл. с экрана.
27. Например, Сангудей А.Н К вопросу о понятии «незаконная миграция» в российском праве // Административное и муниципальное право. 2008. № 9. С.11-16; Жеребцов А.Н. Проблемы административно-правового статуса незаконных мигрантов в Российской Федерации // Миграционное право. 2008. № 4. С.22-24.

Р.В. Полтарьгин,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

И.Р. Сахапов,
адъюнкт
(КЮИ МВД России)

СТИМУЛИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПООЩРЕНИЕМ ЗА ОТКАЗ ОТ ВЗЯТКИ (ОПЫТ МВД ПО РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН)

В статье рассмотрен положительный опыт МВД по Республике Татарстан по стимулированию антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: Коррупция, органы внутренних дел Российской Федерации, стимулирование антикоррупционного поведения, отказ от взятки.

The article describes the positive experience of the Ministry of the Interior of the Republic of Tatarstan to promote anti-corruption behavior of police officers.

Key words: Corruption, internal affairs agencies of the Russian Federation, the promotion of anti-corruption behavior, refusal of a bribe.

Проблема коррупции является одной из центральных и наиболее актуальных в общественной жизни современной России. Не случайно в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (12 декабря 2012 г.) главными проблемами, стоящими перед руководством страны, определены «...низкая эффективность государственной власти и коррупция».[1]

Особенно высокую опасность представляет коррупция в правоохранительных ор-

ганах, поскольку именно эти органы призваны вести борьбу с данным негативным явлением на всех уровнях государственного управления.

Несмотря на реализацию руководством МВД России комплекса профилактических мероприятий по укреплению дисциплины, количество преступлений среди личного состава органов внутренних дел остается значительным.

Таблица¹

Годы	2011	2012	9 мес. 2013
Кол-во сотрудников ОВД, совершивших преступления коррупционной направленности	782	600	397
Количество сотрудников ОВД, задержанных за получение взятки	343	225	201

Не случайно на коллегии МВД России, которая проходила в феврале 2013 г., Президент России В.В. Путин отметил, что необходимо искоренить бытовую коррупцию «...и с ней нужно систематически бороться».[2]

В настоящее время в Российской Федерации применяются различные меры по борьбе и предупреждению преступлений среди сотрудников ОВД, в том числе и коррупционных.

¹ По данным ГИАЦ МВД России (форма статистической отчетности 1-КОР).

К таковым, несомненно, следует отнести дополнение части 1 статьи 63 «Обстоятельства, отягчающие наказание» Уголовного кодекса Российской Федерации новым пунктом «о», признающим отягчающим обстоятельством «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел».[3]

Распространено мнение, что криминализация деяния удерживает человека от подобного поведения, а применение наказания к тем, кто совершил преступление, предупреждает совершение новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами. На практике расчет на подобный эффект оправдывается далеко не всегда.

Правовое регулирование осуществляется не только распределением прав и обязанностей, но и нормативным закреплением средств психологического воздействия, склоняющих к желаемому поведению. Наряду с угрозой государственного принуждения роль стимулятора – и притом не в меньшей степени – играет обещание и предоставление определенного рода поощрений.[4]

Основной целью поощрительных мер и, соответственно, норм является стимулирование социальной переориентации лиц, еще не совершивших или уже совершивших преступление.

Дословный перевод термина стимул (от лат. stimulus) – острый металлический наколенник на шесте, которым погоняют буйвола, запряженного в повозку.

В современной науке стимулирование трактуется следующим образом:

- как метод воздействия на трудовое поведение работника, опосредствованного через его мотивацию;
- побуждение к труду через удовлетворение различных потребностей личности, что выступает в качестве компенсации за трудовое усилие;
- ориентация на получение удовлетворения от трудового процесса и результатов труда в целом;
- побуждение человека к определенному позитивному поведению.[5]

В определении понятия «стимулирование» в качестве исходной дефиниции вы-

ступает «стимул», понимаемый как рычаг внешнего воздействия на человека, ориентирующего его деятельность на достижение целей организации; как побудительная причина, толчок; заинтересованность в чем-нибудь; как внутреннее или внешнее стремление дать стимул к чему-нибудь, заинтересовать чем-нибудь, активизировать деятельность.

В свою очередь в зависимости от содержания стимулы делятся на моральные и материальные.[6]

Стимулирование (как моральное, так и материальное) представляет собой метод опосредованного, через мотивацию, воздействия на поведение человека.

Моральное стимулирование в системе МВД выражается: в поощрении государственной или ведомственной наградой, занесением в Книгу почета, помещением фотографии на Доску почета, присвоением звания с вручением диплома «Лучший по профессии» и т.д.

Материальное стимулирование предполагает реализацию комплекса различного рода материальных благ, получаемых персоналом за индивидуальный или групповой вклад в результаты деятельности организации посредством профессионального труда, творческой деятельности и требуемых правил поведения.[7]

В ходе изучения практики морального и материального стимулирования установлены примеры сочетания одновременного применения таких мер.[8]

Если обратиться к историческому опыту предпринятых попыток государственного стимулирования правопослушного поведения должностных лиц, то ярким примером может послужить указ Петра I от 1713 года, согласно которому лицу, заявившему на коррумпированного чиновника, доставалось все движимое и недвижимое имущество этого должностного лица, а в случае если это сделает достойный гражданин, то ему доставался и чин лица, злоупотребляющего по должности.[9]

В настоящее время актуализируется необходимость разработки программы (мероприятий) по стимулированию антикоррупционного поведения сотрудников правоохранительных органов, в особенно-

сти органов внутренних дел. В связи с этим представляет интерес интервью Статс-секретаря – заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации С.П. Булавина газете «Комсомольская правда» в котором он озвучил положительный опыт Республики Татарстан в данном направлении: «... в МВД по Республике Татарстан на протяжении десяти лет существует программа поощрений за отказ от взятки. Полицейский, изобличивший взяткодателя, получает премию в размере предложенной ему суммы вознаграждения. Оно выплачивается лишь в том случае, если факт взятки документально подтвержден и по нему возбуждено уголовное дело».[10] Заместитель министра также высказал мнение и о том, что такой подход заслуживает внимания.[10]

Имеющийся личный опыт одного из авторов работы в подразделениях по профилактике коррупционных и иных правонарушений среди личного состава органов внутренних дел позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует систематизированная информация о количественных характеристиках мероприятий, связанных со стимулированием отказа от взяток на территории Российской Федерации. Однако известны факты поощрения сотрудников ОВД за отказ от взятки в ряде регионов Российской Федерации.[11]

Обобщение практики применения такого вида материального стимулирования показывает, что в органах внутренних дел применяются следующие виды поощрения за отказ сотрудника от предложенной взятки:

1) Разовые акции по премированию отдельных сотрудников ОВД;[12]

2) PR-кампании [13] по выплате денежных премий в рамках определенного подразделения внутренних дел;[14]

3) Сложившаяся практика, в ходе которой применяются меры материального стимулирования на постоянной основе.[15]

В настоящее время существует опыт систематических выплат денежных премий за отказ от взятки в Республике Татарстан. Так, с 2002 года в целях: профилактики коррупционных проявлений в органах МВД по Республике Татарстан; совершенствования

системы морального и материального стимулирования личного состава в МВД по Республике Татарстан – действует установленный порядок выдачи денежного вознаграждения сотрудникам, отказавшимся от получения незаконного денежного вознаграждения при исполнении служебных обязанностей.

Механизм поощрения реализовывался следующим образом: на основании мотивированного ходатайства руководителя органа или подразделения внутренних дел на имя Министра внутренних дел по Республике Татарстан, с приложением копии приговора суда, постановления о возбуждении уголовного дела в отношении взяткодателя, уведомления о факте обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, служебной характеристики и справки-объективки на сотрудника, издавался отдельный приказ о поощрении. Премирование по данным приказам осуществлялось исключительно за счет средств республиканского бюджета (за год сумма выплаты варьировалась от 100 до 550 тысяч рублей).

После 1 января 2012 года, в связи с переходом на федеральное финансирование, такой вид поощрения стал включаться в один из пунктов ежемесячного приказа «О награждении сотрудников МВД по Республике Татарстан» под фавбулой: «За добросовестное исполнение служебных обязанностей, проявленную инициативу и профессионализм при раскрытии преступлений коррупционного характера» за счет средств федерального бюджета. При этом механизм реализации поощрения не претерпел изменений.

За период с 2002 года по настоящее время за отказ от предложенной им взятки поощрены 182 сотрудника органов внутренних Республики Татарстан на общую сумму 2 966 520 руб.[16]

По итогам проведенного нами исследования и практики поощрения за отказ от взятки предложено следующее определение понятия «отказ от взятки».

Отказ от взятки – это активная, деятельностная форма поведения сотрудника органов внутренних дел, которая выражается в информировании в установленном порядке вышестоящего должностного лица о фак-

те обращения к нему (сотруднику) третьих лиц с целью его склонения к совершению коррупционных преступлений (в форме дачи взятки), и обязательном согласии сотрудника на организацию проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях документирования действий взяткодателя.

В ходе проведенного авторами исследования обозначен круг проблем, решение которых позволит более эффективно применять данный вид материального стимулирования, к которым следует отнести:

- отсутствие утвержденных программ материального стимулирования сотрудников

ОВД, действующих на постоянной основе;

- отсутствие четкой регламентации алгоритма действий сотрудника ОВД по фактам обращения к нему с целью склонения к совершению коррупционных преступлений;

- отсутствие разработанной методики по документированию и фиксации противоправных действий взяткодателя.

Полагаем, что создание механизма по стимулированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД за отказ от взятки станет одной из эффективных мер по предупреждению проявлений коррупции среди личного состава ОВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 года. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138990> (дата обращения: 30.10.2013).
2. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/news/17461> (дата обращения: 30.10.2013).
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2010 г. № 122-ФЗ // Российская газета. 2010. 26 июля.
4. Маляева Е.О., Маляев К.В. К вопросу о поощрительных нормах // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2001. № 2. С.177-180.
5. Мескон М.Х., Альбер М., Хедоури Ф. Основы менеджмента /пер. с англ. М., 2000. С.365.
6. Адамчук В.В., Ромашов О.В., Сорокина М.Е. Экономика и социология труда. М., 1999. С.344.
7. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учеб./ А.Я. Кибанов и др.; под. ред. А.Я. Кибанова. М., 2011. С.11.
8. Например, в 2011 году за отказ от взятки денежной премией и медалью МВД России «За доблесть в службе» поощрен заместитель начальника полиции по оперативной работе межмуниципального отдела МВД России «Адыгейский» Марат Рамазанович Гиш // Официальный сайт газеты «Российская газета». URL: <http://www.rg.ru/2013/01/30/reg-ufo/premia-anons.html> (дата обращения: 30.10.2013).
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.16. Кн.8. С.485-486.
10. Официальный сайт газеты «Комсомольская правда». URL: <http://www.kp.ru/daily/25833/2807605/> (дата обращения: 30.10.2013).
11. Республика Адыгея - официальный сайт газеты «Российская газета». URL: <http://www.rg.ru/2013/01/30/reg-ufo/premia-anons.html> (дата обращения: 30.10.2013); Республика Марий Эл - официальный сайт информационного агентства «Reg-num». URL: <http://www.regnum.ru/news/1079258.html> (дата обращения: 30.10.2013); Республика Татарстан - официальный сайт газеты «Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/393700> (дата обращения: 30.10.2013); Республика Хакасия - официальный сайт газеты «Комсомольская правда». URL: <http://www.kp.ru/daily/24555.4/730806/> (дата обращения: 30.10.2013); Вологодская область – официальный сайт информационно-справочного портала «Pravda.ru». URL: <http://www.pravda.ru/society/how/defendrights/16-05-2012/1115135-vzyatka-0/> (дата обращения: 30.10.2013); Ивановская область - официальный сайт газеты «Российская газета». URL: <http://www.rg.ru/2006/08/09/vzjatki.html> (дата обращения: 30.10.2013); Калужская область – официальный сайт информационно-спра-

вочного портала «Gorod48.ru». URL: <http://gorod48.ru/news/9051/> (дата обращения: 30.10.2013); Пензенская область - официальный сайт информационного портала «Newsland». URL: <http://newsland.com/news/detail/id/830305/> (дата обращения: 30.10.2013); Тюменская область – официальный сайт ГИБДД Тюменской области URL: <http://gibdd72.ru/index.php?id=264> (дата обращения: 30.10.2013).

12. Республика Адыгея, Республика Марий Эл, Вологодская область, Ивановская область, Калужская область, Пензенская область.

13. PR-кампания – мероприятия для осуществления очередной важной общественно-политической или социальной задачи, нацеленной на улучшение имиджа (образа, репутации) субъекта связей с общественностью и поддержание гармоничных отношений с общественностью. Шарков Ф.И. Паблик рилейшнз: учебник. 3-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009.

14. В 2009 году ГИБДД ГУВД по Тюменской области провела акцию «Честь дороже взятки». Сотрудники ГИБДД, которые зафиксировали факт дачи им взятки и процессуально верно его оформили, получили премию, в 10 раз превышающую предлагавшуюся сумму. Официальный сайт ГИБДД Тюменской области URL: <http://gibdd72.ru/index.php?id=264> (дата обращения: 30.10.2013).

15. Республика Татарстан, Республика Хакасия.

16. По проведенному автором личному исследованию фактов премирования сотрудников ОВД Республики Татарстан за отказ от взятки (исследованию было подвергнуто абсолютное число всей совокупности приказов о поощрении личного состава МВД по Республике Татарстан за период 2002-2013 гг.).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Рахимов И.И.

Основы экологического права: учебное пособие
- Казань: КЮИ МВД России, 2013. – 256 с.

ISBN 978-5-901593-38-7

Учебное пособие включает материалы по основным понятиям экологического права, а также словарь терминов по дисциплине «Экологическое право».

Предназначено для студентов, курсантов, слушателей юридических специальностей, обучающихся по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности», бакалавров и магистров, обучающихся по направлению «Биология».

А.А. Юнусов,

доктор юридических наук
(Институт экономики, управления и права)

Н.Н. Мазина,

соискатель
(Институт экономики, управления и права)

ИЗВЕЩЕНИЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ КАК ГАРАНТИЯ ШИРОКОЙ СВОБОДЫ ОБЖАЛОВАНИЯ В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЬНО-ПРОВЕРОЧНЫХ ПРОИЗВОДСТВ

В статье, в контексте новелл, внесенных Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 года, исследуются проблемы надлежащего извещения всех заинтересованных лиц о поступлении в суд апелляционного отзыва и обеспечении в связи с этим их интересов и прав.

Ключевые слова: апелляционная жалоба, извещение заинтересованных лиц, возражения на жалобу, отзыв жалобы.

The article deals with the problems of proper notice of all interested parties about the receipt of an appellate retraction and the obvious necessity to protect their rights and interests. These themes are raised in the context of the novels suggested by the Federal Law № 443-FL (dated 29th December 2010).

Key words: appeal, notice of interested parties, answer, retraction.

В соответствии с нормами ст.389.7 УПК РФ суд первой инстанции, постановивший приговор (иное обжалованное решение), извещает о принесенных апелляционных жалобе, представлении всех лиц, интересов которых касается данная жалоба. При определении круга указанных лиц речь, по сути, идет об иных управомоченных апелляторах, на что собственно и указывает бланкетная отсылка законодателя к нормам ст.389.1 УПК РФ. Одновременно этот же суд:

- разъясняет указанным лицам их право на подачу письменных возражений относительно доводов или притязаний поступившего апелляционного отзыва, с указанием срока их представления в суд первой инстанции;
- в целях более полного обеспечения права апелляторов на защиту своих интересов в апелляционном суде императивно направляет указанным заинтересованным лицам копии жалобы, представления и возражений на них.

Являясь конструктивным элементом широкой

свободы обжалования в суде апелляционной инстанции и весомой процессуальной гарантией обеспечения интересов и прав заинтересованных лиц на полноценное участие в апелляционной проверке, нормы исследуемой статьи, по идее, обязывают суд первой инстанции к императивной реализации определенного комплекса решений и действий, связанных с обеспечением конституционного права судебной защиты. Вместе с тем исследуемые устремления законодателя, как представляется, вовсе не подтверждаются его реальными усилиями по скрупулезной регламентации всего необходимого алгоритма решений и действий суда (судьи), реализуемых на данном этапе.

Во-первых, непосредственно уголовно-процессуальным законом не оговорена ни форма, ни содержание указанного извещения; не определены возможности к его обжалованию со стороны тех лиц, которые подобного извещения не получали, но пола-

гают свой интерес в данном деле объективно нарушенным и подлежащим судебной защите. Настаивая на преимущественно информативной природе извещения, как юридического акта, мы полагаем, что указанная обязанность суда может быть реализована посредством направления заинтересованным лицам обычного письма-отношения. По сути, суд, призванный к обеспечению апелляционной защиты, всего лишь информирует остальных заинтересованных лиц: от какого именно апеллятора, когда подана жалоба (представление), предмет заявленного обжалования, срок, в течение которого заинтересованные лица вправе подать свои письменные возражения по сути данного апелляционного отзыва.[1] В этих же возражениях могут быть сформулированы письменные ходатайства иных заинтересованных лиц о непосредственном участии в заседании суда апелляционной инстанции. Несмотря на то, что непосредственно нормы ч.3 ст.389.6 УПК РФ в буквальном своем понимании регламентируют исключительно право осужденного на такое ходатайство, мы не можем отрицать наличие подобного процессуального права и у иных заинтересованных лиц. Вместе с тем, поскольку нормы ч.1 ст.389.6 УПК РФ вообще не указывают на возможность формулирования подобных ходатайств со стороны иных апелляторов, мы считаем возможным апеллировать в этом вопросе к аналогии закона. В итоге, подобное право, на наш взгляд, однозначно следует как из норм п.2 ч.1 ст.389.11 УПК РФ, так и из общего смысла конституционного права судебной защиты, подлежащего обеспечению и применительно к исследуемому апелляционному порядку проверки.

Во-вторых, в нормах гл.45.1 УПК РФ в принципе не оговорены последствия нарушения срока на формулирование и подачу апелляторами своих возражений (ст.389.7 УПК РФ). В частности, достаточно принципиален вопрос: насколько установленный срок является пресекательным по сути; насколько могут быть приняты к рассмотрению возражения иных заинтересованных лиц, поступившие непосредственно в суд апелляционной инстанции.

В-третьих, достаточно подробно оговаривая процессуальную форму и содержание надлежащего апелляционного отзыва (ч.1 ст.389.6 УПК РФ), законодатель оставил без нормативного регулирования далеко не частный вопрос о том: кто и в каком количестве экземпляров обязан предоставить суду копии данного отзыва. Допустим, эта обязанность изначально возложена на апеллятора. В связи с этим непосредственно в законе следовало указать, что отсутствие необходимого количества копий является формальным, но, по идее, достаточным основанием для применения процессуальной санкции, установленной в нормах ч.4 ст.389.6 УПК РФ (возвращение жалобы заявителю). Однако предлагаемый (выше) императив явно вступает в коллизию с волей закона, согласно которой именно суд решает вопрос: кого именно из потенциальных апелляторов следует извещать, чьих именно интересов касается жалоба/представление. Вряд ли подобные дискреционные полномочия могут и должны быть предоставлены апелляторам (в т.ч., при изготовлении копий). В связи с этим определить необходимое количество копий апелляционного отзыва (для их последующей рассылки всем заинтересованным лицам) уже обязанность судьи, изучающего как форму и содержание внесенного отзыва, так и возможные предмет и пределы апелляционной проверки. Соответственно, отсутствие указанных копий уже не может служить (формальным) основанием для отказа в приеме надлежащего апелляционного отзыва.

Выход из этой коллизии видится очевидным: (1) апеллятор должен подавать отзыв с количеством копий по числу лиц, участвующих в деле; (2) судьи, изучающие отзыв (на предмет его приемлемости к рассмотрению), должны извещать именно всех заинтересованных лиц. Субъективное усмотрение суда о надлежащем круге субъектов, нуждающихся в судебной защите, полагаем, должно быть в принципе исключено из правил, гарантирующих широкую свободу обжалования в апелляционном суде.

В-четвертых, обязательным элементом исследуемого извещения является указа-

ние законодателя на то, что вместе с копией апелляционного отзывает тем же заинтересованным лицам направляются копии (поступивших) возражений. Представляется, что в указанной норме налицо явная техническая описка законодателя. Она вряд ли будет воспринята практикой нового апелляционного пересмотра, поскольку достаточно сложно представить себе ситуацию, при которой одновременно с апелляционным отзывом в тот же суд одновременно поступят возражения на него от иных заинтересованных лиц (апелляторов), что собственно и требует их одновременного направления иным заинтересованным лицам. Кроме того, возражения – не более чем субъективные позиции иных заинтересованных лиц как относительно доводов, указанных в жалобе/представлении, так и относительно свойств приговора, должно быть поставленным на проверку суда апелляционной инстанции. Указанные возражения, конечно, могут выступить предметом непосредственной проверки суда вышестоящей инстанции, но никак не в качестве самостоятельного апелляционного отзывает, определяющего предмет и пределы проверки и виды итоговых решений суда. Последнее, как известно, определяется исключительно требованиями надлежащего апелляционного отзывает, но никак не возражений, в принципе не урегулированных уголовно-процессуальным законом. Кроме того, процессуальной формой апелляционной проверки в принципе не предусмотрены возражения на возражения. В связи с этим нами и заявлены сомнения относительно правомерности и практической продуктивности исследуемой новеллы законодателя.

В итоге, по смыслу закона, ознакомившись с копией внесенного апелляционного отзывает, иные заинтересованные лица вправе как письменно сформулировать свои возражения, так и подготовить самостоятельный апелляционный отзыв; с условием, конечно, соблюдения установленных сроков обжалования или ограничений на представление дополнительных отзывает (ч.4 ст.389.8 УПК РФ). При подготовке самостоятельного апелляционного отзывает они, без-

условно, вправе высказать свои требования и доводы относительно коренных свойств состоявшегося судебного акта (ст.389.9 УПК РФ). Остается понять, насколько при этом возможны возражения по сути и содержанию направленного им отзывает других апелляторов. Нормы ч.1 ст.389.6 УПК РФ не разъясняют указанной ситуации. Вместе с тем мы не склонны категорически отрицать наличие подобной возможности. Основанием правомерности данного вывода (для нас) служат нормы п.4 ч.1 ст.389.6 УПК РФ, обязывающие апеллятора изложить те принципиальные доводы, которые подтверждают или отрицают наличие оснований, предусмотренных ст.389.15 УПК РФ. Соответственно, мы не видим достаточных законодательных ограничений к тому, чтобы апеллятор посредством указанных доводов обосновал свои позиции и в части возражений на притязания иных апелляторов. Оговоримся, но только в отношении тех, которые непосредственно связаны с его интересом.

Обеспечение надлежащего извещения всех заинтересованных лиц о сути и содержании внесенного апелляционного отзывает требует обращения к еще одной пробельности в процессуальной форме нового апелляционного производства (гл.45.1 УПК РФ). По нормам п.5 ч.1 ст.389.6 УПК РФ апеллятор вправе приложить к отзывает те дополнительные материалы, которые, по его мнению, либо обосновывают его притязания к суду апелляционной инстанции, либо подтверждают наличие апелляционных оснований, установленных ст.389.15 УПК РФ. В связи с этим перечень указанных материалов – неотъемлемая часть внесенного апелляционного отзывает; их содержание – предмет непосредственной проверки и оценки суда и сторон непосредственно в ходе апелляционной проверки. Тем не менее, по нормам ст.389.7 УПК РФ, копии указанных материалов не подлежат (столь же императивному) направлению иным заинтересованным лицам. По сути, последние либо останутся в полном неведении относительно наличия и сути указанных материалов, либо вынуждены будут знакомиться с ними непосредственно в ходе апелляционного пе-

решения. И первое, и второе, безусловно, снижает гарантии надлежащей судебной защиты, не служит оптимальности новой апелляционной проверки, ибо заинтересованные лица (потенциально – апелляторы) не могут быть ограничены в данном праве. В связи с этим видится очевидным, что указанная процессуальная гарантия должна быть установлена в нормах ст.389.7 УПК РФ, а ее необеспечение судом первой инстанции – должно влечь процессуальную санкцию, установленную ч.3 ст.389.11 УПК РФ.

И в заключение. Явный законодательный пробел в праве заинтересованных лиц на ознакомление с сутью и содержанием апелляционного отзыва и приложенными к нему материалами видится также в нормах ч.4 ст.389.8 УПК РФ. По буквальному смыслу закона суд не несет императивной обязанности по извещению и обеспечению исследуемых прав апелляторов применительно к дополнительным отзывам, которые вносятся непосредственно в суд апелляционной инстанции. Закон не указывает ни на копии указанных отзывов, ни на извещение заинтересованных лиц о факте их представления, ни на дополнительные материалы, ни

на возможные возражения относительно их сути и содержания. Между тем именно они могут предопределить предмет и пределы апелляционного пересмотра, обусловить виды итоговых решений суда. В связи с этим мы считаем принципиальным именно комплексное обеспечение требований ст.389.7 УПК РФ и применительно к положениям ч.4 ст.389.8 УПК РФ. В ином случае должны следовать последствия, установленные нормами ч.3 ст.389.11 УПК РФ.

Невыполнение системы указанных действий, выявленное судом вышестоящей инстанции, признается существенным нарушением закона. Процессуальной санкцией за данное нарушение, как правило, выступает решение суда вышестоящей инстанции об отмене апелляционного решения и возвращении уголовного дела на новое судебное рассмотрение.[2] Таким образом, надлежащее извещение заинтересованных лиц более не может рассматриваться в качестве процессуальной формальности, не оказывающей влияния на процесс и результаты апелляционной проверки, требует комплексного своего обеспечения в контексте организации оптимальной формы судебной защиты.

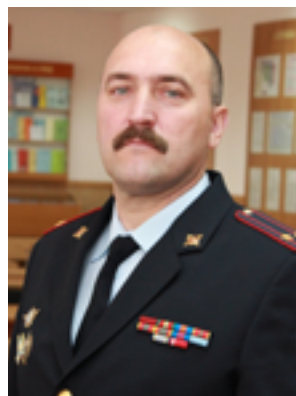
ЛИТЕРАТУРА

1. Полагаем, указанный срок не может быть больше срока на апелляционное обжалование судебного акта, не вступившего в законную силу. В противном случае под угрозой уже право сторон на осуществление правосудия в разумные сроки (ст.6.1 УПК РФ). Письменные возражения, которые поступят в суд первой инстанции уже после направления дела и внесенного отзыва в суд апелляционной инстанции, должны быть незамедлительно направлены судом первой инстанции непосредственно в апелляционный суд.
2. См., напр.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. №741П05ПР; Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2006 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 9; и др.

А.А. Хайдаров,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

Э.П. Мельник
(КЮИ МВД России)

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ДОЗНАНИЕ ПО КОТОРОМУ ПРОИЗВОДИЛОСЬ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

В рамках обозначенной темы авторами обосновывается вывод о том, что в рамках судебного заседания по указанной категории дел производится исследование доказательств, которое может производиться по правилам главы 37 УПК.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, судебное следствие, обвинительное постановление.

In the frame of the given theme authors justify the conclusion that in the hearing of this type of case study evidence is produced, which can be done according to the rules of Chapter 37 of the Criminal Procedure Code.

Keywords: Inquiry in an abbreviated form, the judicial investigation, the indictment ruling.

В ст.226.9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК, если не указано иное) предусматриваются процессуальные особенности производства судебного следствия по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме.

По уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, судебное производство осуществляется в порядке, установленном статьями 316 и 317 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными ст.226.9 УПК РФ.

Статьей 316 УПК РФ производство судебного следствия не предусмотрено. Однако рассмотрение ходатайства подсудимого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, а по уголовным делам частного обвинения – с изложения обвинения частным обвините-

лем, что фактически соответствует ч.1 ст.273 УПК РФ, которая, в свою очередь, содержится в главе 37 УПК (Судебное следствие).

Кроме того, в ч.2 ст.226.9 УПК предусмотрено, что приговор по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого, представляемых в порядке, установленном ч.3 ст.226.9 УПК РФ. Так же, как и в ч.5, ст.316 УПК РФ указывается, что в особом порядке могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Таким образом, несмотря на то, что в соответствии с ч.1 ст.226.9 и ч.1 ст.316 УПК судебное следствие по уголовным делам, дознание по которому производилось в со-

кращенной форме, не предусмотрено, фактически этап исследования доказательств предусматривается в вышеуказанных статьях, что свидетельствует о том, что судебное следствие присутствует по подобным категориям дел, но в усеченном порядке.

Стоит отметить, что в соответствии с ч.1 ст.226.7 УПК дознаватель составляет обвинительное постановление только после признания им того факта, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым. В обвинительном постановлении в любом случае должны содержаться доказательства по уголовному делу в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления (ч.1 ст.226.5 УПК РФ). Это означает, что суд (судья) в ходе судебного следствия будет обязан исследовать всю совокупность этих доказательств. Возникает вопрос, в рамках какого этапа судебного разбирательства суд (судья) это вправе производить? Следует признать, что исследование доказательств суд (судья) по уголовным делам, дознание по которому производилось в сокращенной форме, обязан осуществлять в порядке, установленном главой 37 УПК. Это, в свою очередь, означает, что положения ч.2, ч.3 ст.226.9, ч.1. ст.226.5, ч.1 ст.226.7 УПК РФ противоречат ч.1 ст.226.9 УПК РФ.

Данное противоречие преодолевается путем включения в текст ст.226.9 УПК указания на то, что исследование доказательств производится по правилам главы 37 УПК.

В соответствии с ч.3 ст.226.9 УПК РФ по ходатайству стороны защиты судья вправе приобщить к уголовному делу и учесть при определении меры наказания надлежащим образом оформленные документы, содержащие дополнительные данные о личности подсудимого, в том числе о наличии у него иждивенцев, а также иные данные, которые могут быть учтены в качестве обстоятельств, смягчающих наказание.

Скорее всего, приобщение подобных документов также должно происходить по

общим правилам судебного следствия. Однако в данном случае мы наблюдаем серьезное противоречие с принципом презумпции невиновности. Как известно, бремя доказывания лежит на следователе (дознавателе), а подозреваемый и обвиняемый не обязаны доказывать свою невиновность. В соответствии с ч.1 ст.73 УПК подлежат доказыванию по каждому уголовному делу обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Из положений ч.3 ст.226.9 УПК РФ следует, что бремя доказывания личности перекладывается на сторону защиты. Как нам представляется, данное обстоятельство подлежит установлению стороной обвинения, а сторона защиты вправе представлять документы подобного рода лишь наряду со стороной обвинения. Мы не выступаем принципиально против возложения бремени доказывания добропорядочности подсудимого самим подсудимым, мы лишь отмечаем несоответствия изучаемых положений принципам построения отечественного уголовного судопроизводства.

В ч.4 ст.226.9 УПК РФ указывается, что при поступлении возражения какой-либо из сторон против дальнейшего производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, а равно по собственной инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самооговор подсудимого, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Данные положения ст.226.9 УПК подсудимыми могут быть использованы в целях затягивания рассмотрения уголовного дела, а также в целях ухода от уголовной ответственности. Подсудимых и их защитников может подтолкнуть к подобным процессуальным действиям процессуальная слабость положений ч.2 и ч.3 ст.226.5 УПК РФ и действие фактора времени на незафиксированные доказательства.

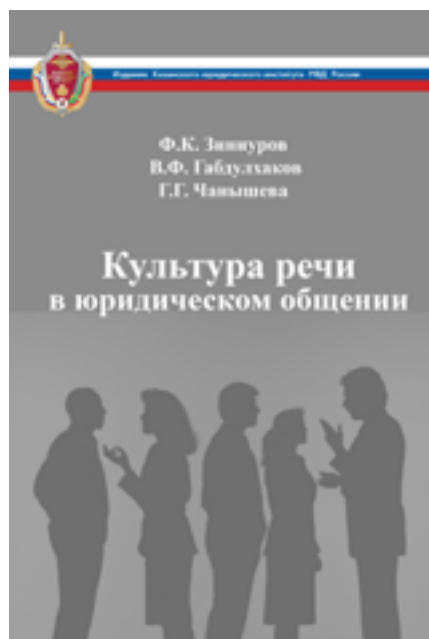
В любом случае возможности по преодолению указанных негативных последствий процессуальных действий подсудимых и их защитников ограничены.

Таким образом, в рамках судебного заседания по уголовным делам, дознание по которым производилось в сокращенной форме, предполагается исследование доказательств (ч.2, 3 ст.226.9 УПК). Подобное исследование возможно лишь по правилам

главы 37 УПК. Данный вывод предполагает внесение соответствующих изменений в ст.226.9 УПК. Исследование личности подсудимого и представление доказательств, характеризующих подсудимого только стороной защиты, нарушает принцип презумпции невиновности, а кроме того эти положения не полностью согласуются с принципом состязательности.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Зиннуров Ф.К., Чанышева Г.Г., Габдулхаков В.Ф.

Культура речи в юридическом общении: учебно-методическое пособие. – Казань, 2013. – 168 с.

ISBN 978-5-901593-40-0

Учебно-методическое пособие для слушателей и курсантов юридических вузов отражает основные разделы дисциплины «Русский язык и культура речи», направлено на формирование навыков юридического общения, осуществляемого в установленных законом правовых формах (процедурах), ориентировано на организацию самостоятельной работы курсантов на занятиях по русскому языку и культуре речи.

И.В. Жуковская,
доктор экономических наук
(КЮИ МВД России)

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ КУРСАНТОВ (СЛУШАТЕЛЕЙ) В АСПЕКТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В настоящей статье научно обосновано применение в учебном процессе междисциплинарных модулей как средства формирования дискурсивно-аналитических компетенций курсантов (слушателей) при изучении гуманитарных дисциплин. Представлена схема формирования интегративной основы обучения курсантов на базе различных видов интеграции междисциплинарных модулей с учетом элементов компьютерной обучающей среды.

Ключевые слова: парадигма, дисциплина, компетенции, интеграция, учебный процесс.

The use of educational process of interdisciplinary modules as means of formation of diskursiv-analytical competence of cadets during studying of humanitarian disciplines is scientifically proved at the present study. The scheme of integrative formation based on training of cadets on the basis of various kinds of integration of interdisciplinary modules according to software.

Keywords: a paradigm, discipline, the competence, integration, educational process.

Современный период развития системы высшего профессионального образования характеризуется очевидной интеграцией научных исследований с учебным процессом. Интеграция инновационных научных идей в образовательное пространство создает оптимальные условия не только для формирования профессионально ориентированной целостной личности обучающегося в смежных дисциплинарных областях знаний, но и повышает уровень качества образовательного процесса.

Развитие обобщенности профессиональных компетенций позволяет обоснованно подойти к перспективе выбора дальнейшего образовательного маршрута у обучающегося. Выявленную многомерность и многоуровневость интегративных тенденций, отмечаемую многими исследователями в области педагогики в системе высшего профессионального образования, такими как Ф.К. Зиннуров, И.С. Якиманская, В.А. Сластенин, В.А. Никитин, Э. Берн, Л.И. Божович и др., сложно отразить в рамках одной исследовательской статьи. Таким образом, логичным является сосредоточение на прикладных аспектах интеграции, в частности, на междисциплинарных связях в основе гуманитарных дисциплин.

Формирование междисциплинарной парадигмы, представляющей собой обобщенность фундаментального научного базиса, определений и терминологии, хорошо коррелируется с применяемыми на сегодняшний день Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) в системе образования. Развитие и адаптация междисциплинарной парадигмы в интеграционных аспектах системы образования не препятствует фундаментальным основам компетентностного подхода, являющегося личностно-ориентированным направлением в модернизации российского образования. Сущностная характеристика междисциплинарной парадигмы в образовательном процессе отражает взаимосвязь содержательных и функциональных компонентов исследуемых гуманитарных дисциплин, а также создает максимально благоприятные условия для саморазвития, самоопределения обучающихся в образовательном процессе.

Интегративная основа обучения в системе высшего профессионального образования может проявляться в дидактической форме визуализации междисциплинарной парадигмы, а именно: в формировании междисциплинарных модулей, апробации учебно-ме-

тодических комплексов и учебных пособий, в составе которых имеются тестовые задания и примеры решения по актуализации междисциплинарного взаимодействия в сфере личностных, социальных, познавательных и предметно-деятельностных компетенций.

Формирование междисциплинарных модулей обусловлено наличием достаточного количества профессионально-ориентированных учебных пособий, которые в свою очередь не учитывают перспективность развития компьютерной обучающей среды. Адаптация таких учебных пособий происходит в основном за счет наличия в них когнитивной составляющей, однако, по мнению автора, необходимо учитывать и инновационно-познавательный потенциал обучающегося курсанта (слушателя), который хорошо владеет ИТ-технологиями и навыками компьютерной обучающей среды.

В контексте исследования междисциплинарных связей в образовательном процессе дополнительную актуальность приобретает создание научно-методологического базиса, ориентированного на интеграцию Болонского процесса в российской системе образования, а также внедрение междисциплинарного подхода, позволяющего сформировать интегративные компетенции, которые помогут курсантам (слушателям) стать полноправными участниками международных и всероссийских научных симпозиумов, форумов (конференций), круглых столов.

Таким образом, концептуальной основой предлагаемой методики изучения гуманитарных дисциплин в рамках актуализации междисциплинарной парадигмы в образовательном процессе, является модернизированный на данном этапе развития системы высшего профессионального образования, компетентностный подход.[1] Сущностная характеристика данного подхода предполагает описать, классифицировать и оценить сформированность развиваемых междисциплинарных интегративных компетенций курсантов (слушателей), которые помогут дополнить и углубить профилирующую для дисциплины профессиональную компетентностную составляющую в сфере личностной, социальной, познавательной и предметно-деятельностной функций.

Целью научной статьи является разработка, научное обоснование и апробация в учебном процессе междисциплинарных модулей как средства формирования интегративных компетенций курсантов (слушателей) при изучении гуманитарных дисциплин.

Гипотеза исследования. Процесс обучения курсантами (слушателями) изучаемых гуманитарных дисциплин будет более эффективным, если:[2]

- делается акцент на компетентностном подходе исследования, учитывающем инновационно-познавательный потенциал обучающегося курсанта (слушателя), усовершенствованный в рамках его интегративных компетенций;

- используются возможности апробации в учебном процессе междисциплинарных модулей с целью создания интегративной основы обучения;

- формирование интегративных компетенций ориентировано на содержательные и процессуальные ресурсы изучаемых дисциплин с учетом элементов компьютерной обучающей среды.

Непременным условием улучшения качества образования является согласованность или корреляция компьютеризации учебного процесса и междисциплинарной парадигмы исследования в системе высшего профессионального образования. Многочисленные научные исследователи отмечают приоритетность использования дидактического статуса компьютерной обучающей среды, а информатизация и развитие научно-технического прогресса в сфере информационных технологий (ИТ) расширяет границы ее использования педагогами (профессорско-преподавательским составом) в системе образования наряду с традиционной методикой преподавания гуманитарных дисциплин. Также следует отметить, что усиленная позиция применения элементов компьютерной обучающей среды сопряжена не только с формированием интегративных компетенций обучающегося, но и соответствует требованиям Болонской декларации, согласно которой обучающийся обязан владеть компьютерными навыками самостоятельной работы и свободно пользоваться Интернет-ре-

сурсами. Существующая многовариантность электронных ресурсов создает проблему выбора, а не проблему наличия информативных электронных источников.

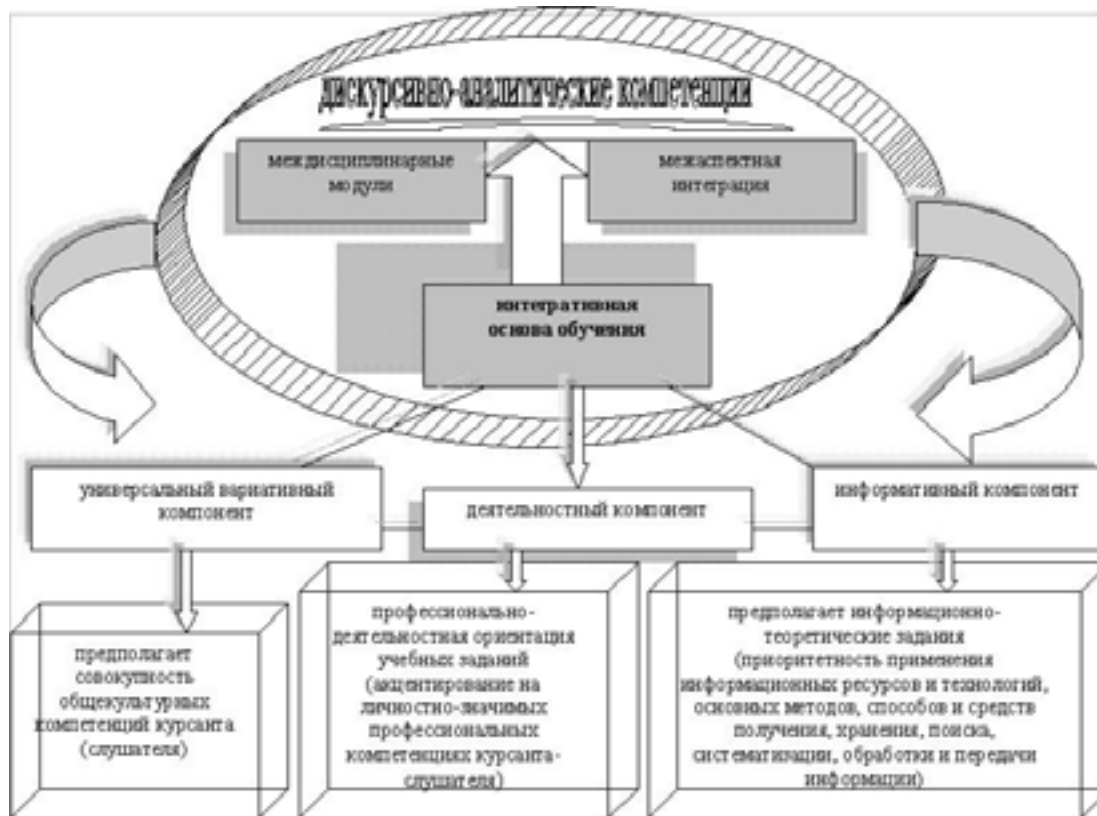
Как было отмечено ранее, признание интегративного характера междисциплинарной парадигмы является базовой идеей уже существующего компетентного подхода в педагогике. Затрагивая практические аспекты исследования данной проблемы, в частности, проведенный автором анализ УМК гуманитарных дисциплин, позволяет сделать вывод о том, что исходя из

учебно-тематических планов дисциплин, существующие компетенции формируются не одной, а несколькими дисциплинами рабочей учебной программы, что в свою очередь, предполагает высокую степень совместимости усовершенствованного компетентного подхода и предлагаемой междисциплинарной парадигмы исследования.

Далее представлена схема формирования интегративной основы обучения курсантов на базе различных видов интеграции междисциплинарных модулей.

Рисунок 1.

Структура интегративной основы обучения курсантов в аспекте базисных междисциплинарных модулей исследования

Как видно из рисунка 1, деятельностный компонент интегративной основы обучения предусматривает личностно-значимые приоритеты обучающегося, которые актуальны для его профессиональных компетенций и являются обязательным условием современного образовательного процесса. Присутствие дискурсивно-аналитических компетенций предполагает классификационные признаки личностных, социальных, познавательных и предметно-деятельностных компетенций обучающегося.

Таким образом, именно корреляция компе-

тентного подхода с усилением личностно-ориентированного аспекта и междисциплинарной парадигмы с информационными технологиями для курсантов (слушателей) при изучении гуманитарных дисциплин способна оптимизировать, актуализировать и систематизировать полученные знания, умения и навыки обучающихся, а также развить их профессиональные компетенции.

Интегративная основа обучения в системе высшего профессионального образования по своей сути представляет собой результат междисциплинарной проекции образовательно-

го процесса и обобщенность дидактических методов актуализации междисциплинарного синтеза. Формирование междисциплинарных связей может быть усилено внутридисциплинарным межаспектным взаимодействием и взаимодополняемостью. Наиболее важными дидактическими формами создания современной интегративной основы обучения курсантов (слушателей) являются предлагаемые междисциплинарные модули, предусматривающие горизонтальную и вертикальную взаимосвязь. При этом, как отмечается многими научными исследователями, [1, 2] модульное обучение является инвариантностью процесса модернизации традиционных методов обучения в системе высшего профессионального образования. Трактовка междисциплинарного модуля при этом подразумевает логически завершенный блок учебного материала, который резюмируется контрольной акцией, рубежным контролем (тестами, упражнениями, контрольной работой обучающегося). Модульное обучение предполагает, что обучающийся курсант (слушатель) владеет самоорганизацией, самоконтролем и самооценкой в достаточной степени, а лектор (преподаватель) лишь задает вектор исследования и организует процесс обучения на должном высоком уровне. Дидактическая форма проявления интегративного содержания междисциплинарного модуля при этом отражается в базовой учебной программе исследуемой гуманитарной дисциплины. Немаловажными и убедительными являются также следующие доводы. Если содержание разделов профессионально-ориентированного модуля должно проходить несколько этапов согласования с учебно-методическими отделами соответствующих вузов, то содержание разделов междисциплинарного модуля определяется и разрабатывается профессорско-преподавательским составом кафедры и может иметь авторский научно-методический характер.

Преимуществами междисциплинарной модульной презентации является, по мнению автора, содержание конкретных практических заданий и упражнений как удобной фор-

мы внедрения идеи междисциплинарности, а также сопряженность междисциплинарных связей с другими параллельными или последующими гуманитарными дисциплинами, что позволяет выделить компактность и самостоятельность его дидактической единицы. Сущностным дидактическим качеством при этом является категория емкости междисциплинарных модулей. Возможность применения в учебном процессе междисциплинарных модулей базируется, как отмечалось ранее, на создании интегративной основы обучения курсантов (слушателей), которая, в свою очередь, подразумевает формирование интегративных компетенций и преломление в содержательных и процессуальных ресурсах изучаемой гуманитарной дисциплины с учетом элементов компьютерной обучающей среды. В реестр интегративных компетенций курсантов, формируемых за счет разработки междисциплинарных модулей изучения гуманитарных дисциплин предлагается включить дискурсивно-аналитические компетенции, позволяющие курсантам (слушателям) применить навыки полученных знаний в профессиональной деятельности.

Таким образом, в результате формируемых интегративных компетенций курсантов (слушателей) наблюдается приоритетность использования междисциплинарной парадигмы исследования в аспекте дополняемого компетентностного подхода за счет дискурсивно-аналитических компетенций обучающегося, усилением личностно-ориентированного аспекта и корреляцией компьютерной обучающей среды. По мнению автора, формирование интегративных компетенций обучающихся в аспекте междисциплинарной парадигмы исследования гуманитарных дисциплин, возможно, не является панацеей для решения всех многочисленных проблем улучшения качества образовательного процесса, однако существенно приближает к оптимизационной модели современного учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Попова Н.В. Изучение многовариантности дискурсивного анализа // Вестник Государственного университета управления. М., 2008. С.55-57.
2. Якиманская И.С. Лекции по социальной педагогике. Часть 1. М., 1997. 304 с.

А.Ю. Филькова,
кандидат филологических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ РФ

Статья посвящена характерным особенностям топонимов, образованных от географических терминов. Географические термины в составе топонимов обуславливают их лексические и географические особенности. Большая часть топонимов образована от гидрографических терминов.

Ключевые слова: топоним, географический термин, имя, фактор.

The article is devoted to the features of toponyms formed from geographical terms. Geographical terms as components of toponyms provide their lexical and geographical peculiarities. Most of toponyms are formed of geographical terms.

Key words: toponyms, geographical term, name, factor.

Объектом ономастических исследований являются имена собственные всех видов, которые присутствуют в словарном запасе любого языка. Как правило, имена собственные могут быть заимствованы из другого языка или же изначально принадлежать ему.

Состав собственных имен в любом языке нельзя считать постоянным. Одни имена исчезают, а другие создаются заново. Состав собственных имен не одинаков по объему, что обусловлено историческим развитием как самого языка, так и его народа. Вторжение в ономастику экстралингвистических факторов приводит к тому, что нельзя говорить об ономастическом пространстве какого-либо языка, а лишь об ономастическом пространстве человека определенной культуры. Вследствие значительной историко-культурной насыщенности имена собственные, а также географические названия имеют огромный ареал распространения, т.е. можно говорить об именах личных, принятых у русского народа, или же о географических названиях на территории южной или восточной Англии или Америки. Например, известен такой исторический факт, когда русские переселенцы, приехавшие на территорию Америки, привезли с собой и названия своих родных городов. Так, на территории Америки появилось несколько населенных пунктов с названием Москва. Таким образом, перенос названий с одного объекта на другой происходит в тех случа-

ях, когда люди, переселяясь на новые места, несут с собой привычную для них тоponимию. Очевидно, этим объясняется наличие реки Темзы в Австралии и Канаде. При таких переносах существенными оказываются влияния некоторых аналогий вновь именуемых объектов. Однако такой перенос названий не является процессом трансонимизации, которая осуществляется при условии перехода имени из одного ономастического класса в другой. Как справедливо отмечает А.В. Суперанская, ономастическое пространство, т.е. мир окружающих человека собственных имен, размещенных вместе с именуемыми предметами в реальном земном и околоземном пространстве, представляют собой ряд непрерывно сменяющихся типов. Имена смежных ономастических полей очень тесно связаны друг с другом и зависят друг от друга, а взятые отдельно оказываются непонятными, немотивированными. Например, топоним Москва, образованный от гидронима Москва, лингвистически связан с названиями других рек, а не городов и может иметь объяснение лишь при сопоставлении с другими гидронимами. Имена, присутствующие в каждом поле, представляют собой систему, каждый член которой увязан с другими по ряду параметров: разновидность объекта, время, тема, территория. Например, в названии города Казань лежит гидроним Казанка. Существует несколько точек зрения на про-

исхождение данного названия. Но объясняя этимологию происхождения названия города Казань, ученые как раз и принимали во внимание вышеперечисленные факторы: место расположения города, время его возникновения, а также мотивированность объекта, т.е. переход гидронима в разряд полисонимов посредством процесса онимизации. Помимо этого, ряд ученых считают, что топоним Казань образован от этнонима каз-названия древнетюркского племени, проживающего на территории населенного пункта. Мы же придерживаемся точки зрения известного татарского ономаста Г.Ф. Саттарова, который считает, что в основе названия города лежит гидроним, образованный от географического термина казан, т.е. котел.[1] В этом значении термин заимствован в русский и украинский языки. В топонимии он также имеет значение «впадина, межгорная котловина». Сам термин образован от глагола каз-копать и аффикса ан, – то, что выкопано. Кроме того, историк А.Х. Халиков видит в основе топонима каз+ан – «начало границы». Лингвист И.Г. Добродомов отмечает национальные формы (татар. Казан, чуваш. Хусан, марийск. Хазан, Азан) и считает топоним восходящим к тюркскому личному имени Хасан.[2]

Самая древняя версия о происхождении названия «Казань» гласит: при выборе места для города обратились к колдуну. И он ответил: постройте город там, где сам собой закипит врытый в землю котел с водой. Искали такое место очень долго. Наконец, в том месте, где в Казанку впадал Булак, котел закипел сам собой. Здесь и основали город. Отсюда и произошло название города («казан» по-татарски «котел»).

Эта легенда может иметь вполне реальное основание при всей кажущейся своей фантастичности. В окрестностях Казани было большое количество болот. Известно, что в засушливые годы залежи торфа легко воспламеняются и очаги тлеют месяцами, причем на поверхности ничего не заметно.

По второй легенде, после разорения Великого Булгара войсками грозного завоевателя Аксак Тимура и убийства болгарского хана Абдуллаха два его сына, Алтынбек и Галимбек, бежали с небольшой дружиной

в северные леса за Каму. Здесь они вышли на берега красной реки, текущей среди зеленых лугов и лесов, и решили разбить стоянку. Алтынбек послал слугу за водой с золотым котлом. Однако нерасторопный слуга утопил котел в реке. С тех самых пор, гласит легенда, река зовется Казанкой, а от нее название перешло к основанному на ее берегах городу.

Эта легенда имеет широкое распространение и множество вариантов. Из нее следует, что город был основан примерно в сорока километрах от нынешней Казани, выше по течению Казанки. Здесь город просуществовал 104 года. Затем, как утверждают историки, его перенесли ближе к Волге, на нынешнее место. Все это в общих чертах согласуется с данными археологических изысканий.

Третья легенда рассказывает о том, что первоначально город располагался в «котле» – округлой низменности между Кремлевским холмом, Федоровским бугром и высоким коренным берегом Казанки.

Существует также версия, по которой река Казанка изобилует омутами – своеобразными «котлами». Эта особенность, по народной этимологии, и обусловила название реки, а в последствии – возникшего на ее берегах города.

Апеллятив «казан» в смысле «котел» существовал в тюркских языках, в частности, в языке предков болгар и кыпчаков в течение целого тысячелетия.

Из истории известно, что древние тюрки плавил железо и из него изготавливали ножи, топора, удила, мечи, сабли, наконечники копий и стрел, а также котлы двух типов: круглые подвесные и стоячие на канонической ножке.

Эта традиция продолжалась и в Булгарском государстве, где одними из первых в Европе освоили выплавку чугуна и изделий из него, в том числе и котлов «казанов».

Слово «казан» в смысле столь необходимого предмета быта издавна вошло в фольклор тюркских народов и стало довольно распространенным именем собственным.

Изучение надгробий показывает, что у древних болгар бытовали имена Казан, Казанбек, Казанбай, Казанча, Казанкай, Казантирэк и т.д. Обилие этих имен свидетельствует, что слово прочно вошло в лексикон и воспринималось строго однозначно.

Изыскания историков показывают, что у древних кочевых племен, в том числе и у кыпчаков, котел, помимо своего прямого назначения, был своего рода символом власти. Для этой цели служили специальные ритуальные котлы, изготовленные из бронзы, довольно дорогие и тщательно выполненные. Несколько таких ритуальных котлов были найдены на берегах Волги и Камы. Такой котел постоянно находился в шатре предводителя. Попадание ритуального «золотого» котла в ту или иную местность означало этнографическое проникновение данного народа в этот регион. Таким образом, назвав реку «Казан», первые тюркские кочевники обозначили границы своих владений, т.е. гидроним Казанка может быть истолкован как «Пограничная река».

Ареал распространения географического термина «казан» довольно широкий.

Очевидно, что апеллятив «казан» подвергся процессу трансонимизации.

В основе большей части топонимов лежат географические термины различных языков и эпох, от древнейших до самых новых, при этом выделяются ключевые слова, или индикаторы, т.е. этнически дифференцирующие топоформанты, т.е. топонимические апеллятивы или географические термины.

Слово «термин» подразумевает строгость выделения обозначаемого им понятия. То, что в топонимии называют местным географическим термином, не бывает, как правило, связано с единым и четким понятием и выходит за пределы определенной территории.[3] При этом небезынтересно заметить, что ареал собственного имени, как правило, шире нарицательного. Такое несовпадение объясняется двумя причинами: 1) термин уже не используется в языке местного населения, которое хорошо знает топонимы своего района; многие диалектные слова постепенно исчезают из живой речи под напором общелитературного языка; 2) переносом имени собственного в результате миграции населения в новые районы. Например, некоторые арабские термины в составе географических названий перенесены испанскими колонистами из своей родины в страны Латинской Америки или на Филиппины,

где современное население употребляет такие топонимы, не подозревая об их арабском происхождении. Русские слова до сих пор входят в состав топонимов на Аляске.

Топонимические апеллятивы составляют компактную группу слов, поддающихся учету и классификации. Они подобно названиям профессий, чинов, званий, входящих в состав антропонимов, часто сопровождают топонимы и входят в их состав, при этом один и тот же апеллятив может формировать названия объектов различных категорий. Например, географический термин «яр» входит в состав как названий населенных пунктов, названий рек, так и обрывов. Географический термин «яр» имеет значение «высокий крутой берег, подмываемый рекой; обрыв у моря, озера, сложенный, как правило, рыхлыми отложениями». Термин имеет очень широкий ареал распространения: от Центральной Европы до Камчатки.

Географические термины образуют категорию слов, которые довольно легко онимизируются. В данном случае они теряют свое лексическое значение и становятся онимическими основами, которые уравниваются внутри топонимов с основами иных типов. Топонимы, в основе которых лежат географические термины, могут подвергаться процессу онимизации, который является древнейшим способом образования собственных имен. Порывая с классом апеллятивов, такие названия в дальнейшем подвергались своим собственным, онимическим перестройкам (деривация). Возникая для обозначения одного объекта, имя часто переходило на другой объект (трансонимизация). Например, географический термин «казан» перешел в разряд ономастической лексики в виде гидронима Казанка, который подвергся процессу трансонимизации, образовал полисоним Казань. Таким образом, трансонимизация – один из очень распространенных путей образования новых собственных имен всех разрядов посредством перехода определенного имени из одного ономастического разряда в другой. Процесс онимизации происходит постоянно и не всегда очевиден для людей, говорящих на данном языке.

Наиболее характерна трансонимизация для имен разных классов. Например, антич-

ные топонимы на рубеже старой и новой эры стали переходить в разряд антропонимов: Аполлон, Арис, Диана.

Как справедливо считает А.В. Суперанская: процесс трансонимизации не может иметь место, когда люди получают имя из списка (Иван, Наталия, Мария). Это случаи употребления одного и того же имени применительно к разным людям. Возможны также случаи одинаковых названий у разных географических объектов, относящихся к одному их виду: река Ока в Восточной Европе и Сибири, озеро Ильмень у Нижнего Новгорода и на Южном Урале, многочисленные Алексеевки, Петровки, Ивановки. В большинстве случаев это самостоятельное развитие одинаковых названий в сходных условиях. Название реки Лена не является переносом женского имени Лена в топонимический ряд, а есть факт омимии, получившейся в результате преобразования якутского Олене. Можно отметить некоторое сходство трансонимизации с метафорой и метонимией, поскольку во всех этих случаях речь идет о переносе названия. Однако и метафора, и метонимия подразумевают прямую понятийную соотнесенность слов, которая у онимов отсутствует. Например, при метонимии происходит перенос значения по смежности. При трансонимизации по смежности происходит перенос имени, а не его значения. При метафорическом же переносе меняется вещь, понятие полностью не меняется. При метонимическом переносе меняется не только вещь, но и понятие.[3]

Целенаправленная и искусственная номинация имеет место при выборе названия для вновь создаваемого объекта, и в этом случае обращаются к названиям известных мест (городов, рек, гор). Например, происходит перенос названия греческой горы Афон на название горы на Кавказском побережье и на возникший возле поселок Новый Афон, или же перенос названий Москва, Варшава, Афины в США, аналогичным образом произошло создание поселений Париж, Вена вокруг Самарканда.

Известно, что часто происходят переходы имен собственных из одной категории в другую: озеро Ладога – населенный пункт Ладога. Но такая трансонимизация сопрово-

ждается процессами словообразования. Нередко переход названий с одних объектов на другие подвергается деривации: река Урал – город Уральск, река Енисей – город Енисейск.

По мнению А.В. Суперанской, трансонимизация, как и онимизация, – процессы, не связанные с деривацией. Они представляют собой «чистый» переход слова из одного класса имен в другой. Деривация происходит внутри каждого из этих классов, своя особая, связанная с системной организацией имен внутри классов. В результате различного рода переходов из одного ономастического поля в другое ономастические имена претерпевают множество чисто ономастических перестроек и отдаляются от первичных апеллятивов. При этом на них оказывают влияние различные факторы: и поиски аналогий в системе, и поиски объяснения происхождения, т.е. поиски понятного в непонятном, и сближение с созвучными именами. Так, например, современное название Гуляй – Борисовка не имеет непосредственной связи с глаголом гулять. Первый компонент его – усеченное название Гуляево из фамилии Гуляев, от дохристианского русского имени Гуляй.[3]

Процессу трансонимизации подвергают-ся географические термины. В большинстве случаев они точно и предметно информируют о содержании и нюансах географического объекта, природного процесса, явления.

Географические термины, как уже отмечалось, закономерно и активно участвуют в формировании имен собственных-топонимов. Во всем мире нельзя обнаружить топонимические системы, которые бы строились без географических терминов. Однако нужно отметить, что не все термины могут целиком или частично пройти путь от нарицательного к собственному имени. Например, метеорологическая лексика не обладает заметной топонимообразующей активностью. Наоборот, геоморфологическая широко применяется для номинации как положительных, так и отрицательных форм рельефа. Названия местных ветров: шелоник, сарма, баргузин, афганец – не стали топонимами, они сами возникли в процессе детопонимизации исходных собственных имен: реки Шелонь бассейна

Ильмень. Напротив, камень или гора породили множество географических названий в формах исходного апеллятива (гора Камень, населенный пункт Гора), с суффиксами (Каменка, Каменск, Горск), с префиксами (Подкамень, Пригорки), в словосложениях (Каменогорск), в словосочетаниях (Красный Камень, Зеленая Гора).

В местной терминологии сохранились архаичные слова, присущие только отдельным диалектам, позволяющие судить об истории языка, языковых контактах, ареалах термина, о смысловых сдвигах, что важно не только для лингвистов, но и для географов.

Лексической особенностью большинства названий населенных пунктов является тот факт, что они, главным образом, образованы от географических терминов, подвергнувшихся процессу трансонимизации. Например, в основе названий таких крупных городов, как Саратов, Казань, Царицын, Ялуторовск, Тура, Бийск – Яштура, Томск – Том – Тура лежат географические термины. Довольно большой ареал распространения имеют географические названия с термином су – «вода, речка, озерко, ручей» (тюрк.), например, Карасу, Кылылсу, Сарысу.

В тюркских языках географический термин су образует ряд производных терминов: суат – «место водопоя скота у колодца, на берегу реки, озера», что соответствует турецкому suvat – «водопой», откуда и булг. суват – «летнее горное пастбище, водопой».

Топонимические данные свидетельствуют, что в тюркской ойконимии номенклатурные термины играют весьма значительную роль, большую, чем, например, в русской и индоевропейской, выступая как самостоятельно, так и в качестве элементов сложных наименований. Например, Карабш, Кумертау.

Как уже отмечалось, названия населенных пунктов так же подвергаются большому влиянию со стороны географических терминов, как и другие категории географических названий: гидронимы, оронимы, имеющие

прямое отношение к семантике естественных объектов. Это объясняется, во-первых, появлением эллиптических названий, в результате чего номенклатурный термин отсекается или теряет свое собственное значение. Во-вторых, только в ойконимах могут преломляться во всей совокупности и типы ландшафтов, и различных элементов рельефа, и гидрографии, и почвенно-растительного покрова местности, что продиктовано самим процессом зарождения населенных пунктов.

Таким образом, географические термины, являющиеся важным строительным материалом для большинства полисонимов, обладают разнообразным семантическим спектром, придающим им дополнительные эргогеографические, гидрогеографические, орографические оттенки.

Единое семантическое поле может быть также представлено топонимами, образованными от геоботанических терминов.

Присутствие геоботанических терминов в составе тюркских полисонимов, имеющих как обобщенное, так и строго конкретное значение, можно проиллюстрировать следующими примерами: Камышеватский, Карагай, Чагда.

Из всего сказанного можно прийти к заключению, что в основе большинства топонимов лежат географические термины, обуславливающие их главную лексическую особенность. Таким образом, в свою очередь, основными характерными особенностями географических терминов являются то, что: 1) один и тот же термин может распространяться на обширных территориях; 2) каждый термин имеет языковые параллели; 3) этимология термина в большей степени – прозрачна; 4) географический термин не имеет строго лимитированного значения даже на небольшой и относительно ограниченной территории и может его резко менять, распространяясь на более отдаленные территории; 5) географические термины подвергаются учету и классификации и лежат в основе ойконимов, оронимов и гидронимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саттаров Г.Ф. Топонимика Поволжья. Казань, 1986. С.110.
2. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. С.59.
3. Супранская А.В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. С.62, 77, 84.

А.Н. Бабенко,
кандидат юридических наук
(Донецкий юридический институт МВД Украины)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ ИНТЕНСИВНОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (УКРАИНСКИЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Статья посвящена территориальным различиям преступности несовершеннолетних. Проведена криминологическая классификация регионов Украины по уровню интенсивности преступности несовершеннолетних.

На статистических данных Украины представлена модель криминогенного пространства о зараженности территорий преступностью несовершеннолетних.

Ключевые слова: криминологическая классификация регионов, преступность несовершеннолетних, интенсивность преступности, криминогенное пространство.

The article is devoted to territorial differences of juvenile delinquency. Criminological classification of Ukraine's regions according to the level of juvenile delinquency has been done.

The model of criminal area about contaminated territories by criminal activity has been presented according to the statistics data of Ukraine.

Key words: criminological classification of regions, juvenile delinquency, intensiveness of criminal activity in regions, criminal area.

Как известно, преступность несовершеннолетних является значительной частью общей преступности. Она занимает особое место в криминологии и потому является важным объектом криминологических исследований. В силу того, что молодежь является естественным резервом общественного развития, а совершение ею преступлений есть индикатор недостатков социального развития, изучение преступности несовершеннолетних и поиск путей усовершенствования правоохранительной деятельности по борьбе с этим асоциальным явлением является крайне актуальным.

Поэтому не случайно преступность несовершеннолетних на протяжении долгих лет вызывает повышенное внимание со стороны ученых. Вопросам противодействия данному виду преступности уделялось большое внимание в учебниках, монографических исследованиях и научных публикациях В.В. Витвицкой, Т.А. Денисовой, А.И. Долговой, Е. Демидовой, В.И. Желунтия, Г.И. Забрянского, А.П. Закалюка, К.Т. Ростова, А.Г. Кальмана, С.А. Коряги-

ной, Н.С. Юзиковой и других ученых. В основном работы указанных криминалистов посвящены криминологической характеристике преступности несовершеннолетних, выявлению ее причин и условий, разработке мер по предупреждению. К сожалению, вопросы географии преступности несовершеннолетних, ее региональные особенности долгие годы остаются мало изученными. Не разрешенным также остается вопрос криминологической классификации регионов по уровню интенсивности данного вида преступности. Именно исследование данных вопросов мы и рассматриваем в качестве главной цели нашей статьи.

Отсутствие в украинской криминологии подобного рода исследований объясняется высказыванием академика А.П. Закалюка, который обращал внимание на сложность, многоаспектность и долгосрочность работы такого рода, вместе с тем подчеркивал ее важность.[1. С.72-73]

В свое время известный немецкий классик К. Маркс, исследуя преступность на статистических данных Англии, Уэльса,

Ирландии и Шотландии, верно заметил, что как бы ни выглядели сухо выстроенные тесными колонками в официально напечатанном документе цифры, они в действительности дают больше ценного материала для истории развития нации, нежели тома, полные риторической чепухи и политической болтовни.[2. С.513] Поэтому большая часть нашего исследования будет связана с расчетами и анализом данных официальной статистики.

При изучении интенсивности лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте в регионах, и классификации территорий по уровню криминальной зараженности одной из важных научных проблем, требующих первоочередного решения, является выбор методологии исследования, а также системы обобщающих показателей в качестве основания для группирования территорий. Это и рассматривается нами в качестве инструментария для реализации задач нашего исследования. Методика нашего анализа состояла в том, что путем многоэтапной процедуры был осуществлен отбор исходных показателей, которые возможно было бы использовать в качестве модели криминологической классификации регионов по уровню преступности несовершеннолетних. В качестве индикаторов криминологических различий были использованы коэффициенты интен-

сивности лиц (синоним преступной активности) данного вида преступности, рассчитанные по всем 27 регионам Украины (24 области, АР Крым, г. Киев и г. Севастополь) в соотношении с динамикой населения во временном диапазоне с 2001 по 2011 года.

Реализация цели и задач исследования осуществлялась нами в несколько этапов. Первый блок исследования состоял из изучения интенсивности лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, по каждому региону Украины. С этой целью из официальных статистических сборников нами отобраны данные о количестве лиц, проживающих в регионах, и количестве совершенных преступлений лицами от 14 до 18 лет в период с 2001 по 2011 год. После этого нами были построены статистические ряды динамики таким образом, что отобранным показателям о численности населения возраста уголовной ответственности в регионе за определенный год соответствовали данные о количестве совершенных преступлений несовершеннолетними в этом же году. После этого последовательно, по каждому году и региону нами произведен расчет коэффициентов интенсивности преступности несовершеннолетних на 100 тыс. населения с последующим расчетом их средних показателей за 11 лет (Диаграмма 1).

Диаграмма 1.

Полученные данные средних величин интенсивности лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, мы проранжировали и путем рейтинговой оценки и кластерного анализа по специальной методике разделили на пять групп – с низким, умеренным, средним, высоким и очень высоким уровнем криминальной зараженности территорий.

Следует отметить, что в этом вопросе мы не являемся первопроходцами. Ранее данному вопросу уделяли значительное внимание российские криминологи К.Т. Ростов [3. С.419] и Г.И. Забрянский, которые рассчитывали коэффициенты активности и интенсивности преступности несовершеннолетних в регионах Российской Федерации. Регионы РФ ученые сгруппировали в шесть классов – с относительно низкими показателями преступности несовершеннолетних, низко-средними, средне-низкими, средне-высокими, высоко-средними и высокими уровнями.[4] Вышеуказанная классификация, безусловно, имеет важное теоретическое и практическое значение, однако, с учетом размера и особенностей административно-территориального деления Украины, она представляется несколько усложненной, поэтому мы взяли за основу 5 вышеописанных групп.

После осуществления группировки регионов по уровню криминальной зараженности преступностью несовершеннолетних, с целью выяснения вопроса о стабильности полученных групп, нами за каждый год с 2001 по 2011 проведен рейтинговый анализ коэффициентов интенсивности несовершеннолетних лиц, совершивших преступления во всех 27 регионах Украины. Далее были построены обобщенные статистические ряды, в которых отображалась информация о коэффициентах интенсивности преступности в регионах за каждый исследуемый год, которому соответствовал ранг уровня криминогенности. Проведенным анализом нами была выявлена закономерность об относительной стабильности групп криминогенности регионов. Данные рейтингового числа средних показателей интенсивности преступности с небольшо-

ми отклонениями совпадали с рейтингами этих показателей в динамике исследуемого ряда в период 2001-2011 гг. Это дало нам основание утверждать о стабильности групп и использовать в качестве обобщающих единиц средние показатели интенсивности преступности по регионам. На их основе мы сконструировали обобщающую модель криминогенного пространства о зараженности территории Украины преступностью несовершеннолетних. Эти данные при помощи метода картографирования мы занесли и представили на Карте 1.

С учетом того, что на протяжении 2001-2011 гг. в Украине интенсивность преступности несовершеннолетних в среднем составляла 42 преступления на 100 тысяч населения, в группу с низким уровнем зараженности территорий преступностью несовершеннолетних вошли 4 региона со средней интенсивностью преступности от 20 до 26 преступлений на 100 тыс. населения – Тернопольская (20) и Ивано-Франковская (23) области, г. Киев (24) а также Львовская (26) область. Эта группа составила 14,81% всей территории Украины.

Группа с умеренным уровнем зараженности территорий объединила территории со средней интенсивностью преступности несовершеннолетних – от 29 до 33 преступлений на 100 тысяч населения: Ровенская – 29, Черновецкая – 30, Черкасская – 31, Хмельницкая – 32, Закарпатская – 33, Полтавская – 33 области. В эту группу вошли 7 областей Украины, или 25,92% территории страны. Всего в условно «позитивную» зону криминальной зараженности преступностью несовершеннолетних вошли 40,73% территории Украины.

Средний уровень зараженности характеризовался интенсивностью преступности несовершеннолетних от 37 до 43 преступлений на 100 тысяч населения. Эта группа объединила 5 областей: Киевскую (37), Винницкую (38), Волынскую (38), Житомирскую (43), г. Севастополь (43), или 18,51% территории.

Для высокого уровня криминальной зараженности были характерны показатели от 44 до 47 преступлений на 100 тыс. на-

Карта 1.

**Средние коэффициенты интенсивности преступности несовершеннолетних,
которые фиксировались в Украине с 2001 по 2011 годы**

селения. Эти показатели зафиксированы в 6 областях Украины, что составляет 22,22% ее территории. В Одесской области этот показатель составил 44 преступления на 100 тыс. населения; соответственно – в Сумской – 44, Днепропетровской, Харьковской, Херсонской по 46 и Донецкой – 47 преступлений на 100 тыс. населения.

Очень высокий уровень криминальной зараженности (48-68 преступлений на 100 тыс. населения) был зафиксирован в 5 регионах Украины, что составило 18,51% ее территории. В АР Крым этот показатель фиксировался на уровне 48 преступлений на 100 тыс. населения, в Николаевской – 49, Кировоградской – 56, в Запорожской – 65, и самый высокий – 68 на 100 тыс. населения – был зафиксирован в Луганской области. Элементарные математические расчеты свидетельствуют о том, что 40,73% областей Украины находятся в негативной зоне криминальной зараженности преступностью несовершеннолетних. Как правило, это восточные, южные и частично центральные регионы Украины, которые характеризуются высокой концентрацией промышленного производства; значительным уровнем урбанизации; отличительными особенностями культуры и менталитета местного населе-

ния; особенностями, связанными с воспитанием детей; специфическими условиями социальной и экологической среды и т.д. Высокий уровень преступности несовершеннолетних здесь является своего рода следствием просчетов государственной и региональной политики в отношении детей и молодежи. Она есть отображение прошлого, настоящего и будущего криминогенной ситуации на данной территории. Как верно заметил по этому поводу Г.И. Забрянский, преступность несовершеннолетних – это отображение прошлого, поскольку этот вид преступности есть продолжение массового девиантного поведения подростков, не достигших возраста уголовной ответственности. Настоящего – так как несовершеннолетними совершается каждое десятое преступление: каждое 14-е умышленное убийство, каждое 12-е умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждая 5-я кража, каждый 4-й грабёж, каждый 5-й разбой, каждое 3-4-е вымогательство, каждое 3-е неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством. Будущего – потому что, как показывает перепись осужденных в местах лишения свободы, чем больше у осужденных судимостей, тем чаще они

начинали преступную карьеру в несовершеннолетнем возрасте.[4] Результаты исследования преступности несовершеннолетних в Украине подтверждают данные Г.И. Забрянского о том, что среди осужденных, которые имеют несколько судимостей, свыше 60% свое преступление совершили в несовершеннолетнем возрасте.[4] Об этих данных также свидетельствует и практика привлечения к уголовной ответственности. Из этого следует, что состояние преступности несовершеннолетних в прошлом во многом предопределяет нынешнее состояние преступности лиц, достигших совершеннолетнего возраста. В свою очередь, настоящее состояние преступности несовершеннолетних позволяет прогнозировать состояние общей преступности в будущем.

Таким образом, из изложенного следует, что преступность несовершеннолетних является важным объектом дальнейших криминологических исследований. Значительное место здесь отводится классификации регионов по уровню криминальной зараженности территорий преступностью

несовершеннолетних, прогнозированию, планированию и программированию мер борьбы с преступностью, с учетом ее региональных особенностей. Значение классификации регионов по уровню интенсивности преступности несовершеннолетних имеет не только важное научное, но и практическое значение, так как дает возможность получить правоохранным органам научнообоснованную обобщенную информацию о закономерностях территориального распределения преступности.[5, 6.] Это в свою очередь даст им возможность дифференцированно подойти к организации борьбы с преступностью, принять взвешенные, оптимальные решения во время организации предупреждения преступности в регионах; эффективно распределить силы и средства по противодействию преступности. Кроме того, указанная классификация имеет важное значение для подготовки кадров органов внутренних дел и прокуратуры; концентрации высших учебных заведений системы МВД на территории страны и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закалюк А. П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика: у 3-х кн. К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2008. Кн. 3: Практична кримінологія. 320 с.
2. Маркс К. Население, преступность и пауперизм// Сочинения/ К.Маркс, Ф.Энгельс. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т.13. 1959. 770 с.
3. Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России: дис. ... док. юрид. наук: спец. 12.00.08. «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.» СПб., 1998. 422 с.
4. Забрянский Г.И. Преступность несовершеннолетних: статистико-криминологические этюды. Место преступности несовершеннолетних в социологии преступности// Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба: Юбилейный выпуск, посвященный 55-летию д.ю.н., профессора С.Ф. Милюкова. СПб.: Изд-во «Русь», 2005. № 2(9). С.44-57.
5. Бабенко А.М. Кримінологічна класифікація регіонів України та її значення для протидії злочинності// Бюлетень Міністерства юстиції України. 2013. № 3(137). С.116-123.
6. Бабенко А.М. Регіональний підхід в кримінології як метод вивчення злочинності// Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності. 2013. № 1(52). С.151-159.

А.Н. Бокий,

кандидат юридических наук, доцент
(Одесский государственный университет
внутренних дел)

В.В. Микитенко

(Одесский государственный университет
внутренних дел)

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР ЗА СЛУЖЕБНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СИЛ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА В УКРАИНЕ

В статье рассматривается проблема обеспечения законности в сфере служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка в Украине путем осуществления государственного контроля и надзора. Определены особенности нормативного регулирования и разграничены понятия контроля и надзора за деятельностью данных военных формирований и правоохранительных органов.

Ключевые слова: служебно-боевая деятельность, силы охраны правопорядка, государственный контроль, прокурорский надзор.

The article deals with the problem of providing of legality in the sphere of service and combat activity of the forces of law and order in Ukraine through state control and supervision. The features of rulling and bodying the concept of control and supervision of these military units and law enforcement agencies are defermined.

Keywords: service and combat activity, forces of law and order, state control, prosecutorial supervision.

Формирование демократического, социального, правового государства обуславливает коренное изменение общественных отношений на современном этапе развития Украины. Постепенно обновляются система норм права и методы функционирования государственного аппарата в соответствии с главным принципом, провозглашенным Конституцией Украины – верховенством права, и закрепленной в Основном законе наивысшей ценностью – жизни и здоровья, чести и достоинства, неприкосновенности и безопасности человека.[1]

Указанные изменения невозможны без надлежащей организации и осуществления контроля и надзора в государственном управлении. Следует отметить, что контроль и надзор являются основными способами обеспечения законности, а кроме

того, важнейшими функциями государства и, соответственно, государственных органов. Без организации и осуществления контроля и надзора усложняется эффективная работа государственного аппарата, других государственных и негосударственных структур, поскольку любое решение в сфере государственного управления заканчивается контролем их выполнения. Контроль и надзор являются факторами, которые дисциплинируют поведение служащих государственных структур и простых граждан.[2. С.5]

Украина имеет достаточно разветвленную систему контроля. Надведомственный контроль осуществляют государственные органы общей компетенции, ведомственный контроль – вышестоящие органы ведомственной компетенции. В свою очередь существуют специализированные контро-

лирующие органы межведомственной компетенции, созданные для осуществления сугубо контрольных полномочий в определенной сфере (так называемый межведомственный контроль). Но, к сожалению, сегодня нельзя говорить о существовании совершенной системы государственного контроля и надзора в нашей стране. Усовершенствования требует как законодательство, определяющее правовой статус и полномочия контрольно-надзорных органов, так и их структура. Среди основных проблем отметим нечеткое определение заданий и функций органов контроля и надзора, неопределенность методов и способов их взаимодействия.

Указанные проблемы напрямую касаются и правоохранительной сферы, непосредственно связанной с обеспечением законных интересов государства, общества, прав и свобод граждан. Не является исключением и служебно-боевая деятельность сил охраны правопорядка, которая характеризуется деятельностью уполномоченных органов и их подразделений по предупреждению, пресечению особо опасных общественных явлений различного генезиса, а также ликвидации их последствий. Учитывая чрезвычайную важность данной сферы для обеспечения государственной безопасности в целом, актуальной является разработка новых подходов к проблемам совершенствования надзора за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка, основными критериями эффективности деятельности которых является уровень правовой защищенности граждан, состояние охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в государстве.[3. С.5]

Различные аспекты служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка были предметом научных исследований многих украинских ученых, среди них: А. Бандурка, С. Буткевич, А. Долженков, Ю. Дубко, А. Копан, В. Крутов, С. Кузниченко, В. Лаптий, Н. Саакян и др. Проблемы прокурорского надзора также исследовались А. Агеевым, Л. Давыденко, С. Зайковым, А. Иляшко, В. Клочковым,

Н. Косютой, В. Кулаковым, М. Маркиным, М. Муравьевым и др. Однако в современной украинской правовой науке не хватает исследований теоретических и методологических основ осуществления контроля и прокурорского надзора при возникновении чрезвычайных ситуаций социального, военного, техногенного и природного происхождения, то есть в особых условиях деятельности государственных органов.

Разрешение проблемы организации государственного контроля и прокурорского надзора за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка требует комплексного подхода. Необходимо совершенствовать формы и методы контрольно-надзорной деятельности, искать пути повышения их эффективности, а также требуется более четко определить полномочия контролирующих органов. Кроме того, назрела проблема частичного перераспределения их контрольных полномочий.

Сфера служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка непосредственно связана с охраной прав и свобод значительного количества людей, обеспечением законных интересов общества и государства. Исходя из тесной взаимосвязи служебно-боевой деятельности со сферой обеспечения национальных интересов, отдельные авторы справедливо отмечают взаимосвязь основных принципов служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка с общими принципами обеспечения национальной безопасности.[4. С.35]

Согласно существующей на сегодня в украинской юридической литературе доктрине, служебно-боевая деятельность в широком смысле заключается в профилактических, охранных, режимных, защитных, изоляционно-ограничительных мероприятиях и специальных действиях (операциях) правоохранительных органов специального назначения и их военных и других предусмотренных законом вооруженных формирований, которые ведутся под руководством центрального органа исполнительной власти (главного, центрального управления и т.п.) с целью обеспечения территориальной целостности государства, его конституцион-

ного строя, общественной безопасности, законности и правопорядка, обеспечения неприкосновенности государственной границы Украины, охраны и обороны особо важных объектов, борьбы с организованной преступностью и терроризмом в плановом, регулярном порядке и при проведении специальных мероприятий (операций) при чрезвычайных обстоятельствах, чрезвычайных ситуациях и в военное время с использованием правоохранительных, военных и других методов.[5. С.7]

В зависимости от специфики правоохранительного органа будет отличаться сущность и содержание его служебно-боевой деятельности. Так, по мнению отдельных авторов, содержанием боевой деятельности ОВД являются: непосредственное обеспечение вооруженных нарядов милиции, участие в операциях по розыску и задержанию вооруженных преступников, освобождение заложников и захваченных объектов, пресечение террористических актов, групповых и массовых нарушений общественного порядка при чрезвычайном (военном) положении и других чрезвычайных ситуациях с повышенным уровнем общественной опасности. [6. С.62] С позиции других исследователей, функции правоохранительного органа в комплексе составляют служебную и боевую деятельность. Под служебной деятельностью они понимают осуществление личным составом всех структурных подразделений функциональных обязанностей, а к боевой деятельности относят выполнение нарядами и подразделениями правоохранительных органов специальных задач по борьбе с вооруженными преступниками и созданными группами, а также осуществление других действий, связанных с применением оружия или специальных средств.[7. С.6]

Служебно-боевая деятельность осуществляется силами охраны правопорядка, то есть специальными правоохранительными органами или подразделениями, которые имеют в своем составе специальные вооруженные или военные формирования, способные выполнять задания особой важности и сложности. Достаточно точно в научной литературе дается определение

таким субъектам правоохранительной деятельности, как правоохранительные органы специального назначения. Они применяются как в плановом, регулярном порядке, так и при проведении специальных мероприятий, действий в чрезвычайных обстоятельствах с использованием правоохранительных, военных и других методов.[5. С.6-7]

Несмотря на различия в определении конкретного перечня сил охраны правопорядка, у исследователей не возникает сомнений, что к этой категории относятся органы и подразделения внутренних дел и внутренних войск МВД Украины, Службы безопасности Украины, Управления государственной охраны Украины, Государственной пограничной службы Украины и Военной службы правопорядка в Вооруженных Силах Украины.

Деятельность сил охраны правопорядка при усложнении оперативной обстановки (проведение специальных операций, введение чрезвычайных административно-правовых режимов) практически всегда связана с ограничением прав и свобод человека. Без таких ограничений деятельность специально уполномоченных государственных органов по нормализации обстановки значительно усложняется. Ограничение прав человека определяется как легитимная деятельность государства, направленная на выполнение ее охранной функции по введению некоторых ограничений в реализацию прав и свобод в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом согласимся с мнением о том, что чаще ограничиваются не права, а определяются границы их реализации.[8. С.110]

Базовым, исходным положением по применению ограничений в условиях действия чрезвычайных административно-правовых режимов является положение ст.64 Конституции Украины, согласно которому конституционные права и свободы человека и гражданина не могут быть ограничены, кроме случаев, предусмотренных Основным законом Украины.[1] В условиях военного или чрезвычайного положения могут

устанавливаться ограничения прав и свобод с указанием срока их действия. На конституционном уровне определены четкие параметры применения ограничений прав и свобод граждан в условиях действия военного или чрезвычайного положения, которые составляют правовую основу для дальнейшего законодательного регулирования этих вопросов. Не станем конкретизировать, какие именно права и свободы ограничиваются, однако отметим, что в данных условиях особую значимость приобретает механизм коррекции поведения субъектов служебно-боевой деятельности при нарушении ими установленных правовых норм и превышении дискреционных полномочий.

Таким образом, соблюдение законности при выполнении определенных служебно-боевых заданий имеет приоритетное значение. Оно обусловлено также и тем, что эти меры осуществляются преимущественно негласными средствами и методами, в связи с чем не могут находиться под непосредственным контролем общественности, имеют более ограниченный контроль со стороны государственных органов, чем гласная деятельность. Обеспечение законности в служебно-боевой деятельности направлено на эффективное противодействие скрытым преступлениям, защиту интересов государства, общества, прав и свобод граждан, недопущение нарушений законов самими сотрудниками соответствующих правоохранительных органов и военнослужащими военных формирований.

По оценкам сотрудников прокуратуры Украины, большинство нарушений законодательства в служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка не связаны с этой деятельностью как таковой. Чаще речь идет о фактах несвоевременного принятия соответствующих управленческих решений, нереагирования или ненадлежащего реагирования на информацию о возможности возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций, нарушения соответствующих нормативных предписаний, профессионально неграмотного или безответственного проведения служебно-боевых действий (мероприятий).[3. С.241] В связи с этим

разработка теоретико-прикладных проблем обеспечения законности в сфере служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка имеет дальнейшие перспективы.

Анализируя нарушения законодательства, допускаемые при выполнении определенных служебно-боевых заданий, отметим, что возникают они в случаях, когда сотрудники и военнослужащие сил охраны правопорядка при выполнении неотложных действий руководствуются лишь целью скорейшего выявления или пресечения правонарушений, задержания или доставки правонарушителей, возобновления нарушенных прав и свобод граждан, ликвидации (минимизации) последствий определенной чрезвычайной ситуации. Поэтому наибольшее количество нарушений законодательства допускается при выяснении обстоятельств совершения правонарушений, выявлении вещественных доказательств и других проявлений противоправного поведения. В большинстве случаев незаконные действия проявляются в необоснованном ограничении прав и свобод граждан, бесосновательных досмотрах, задержаниях и обысках, необъективном, несвоевременном или неполном информировании о результатах принятых мер, а иногда – и составлении документов с искаженными данными и фальсификации доказательной базы.

Таким образом, необходимы определение направлений совершенствования данной сферы деятельности, усиление ведомственного контроля, разработка новых научно обоснованных и практически отработанных подходов по усилению эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры в сфере служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка, повышению ее гарантирующего воздействия на обеспечение реализации и защиты прав и свобод граждан, их законных интересов. Решение этой задачи требует комплексного подхода к переосмыслению роли и места органов управления сил охраны правопорядка в системе гарантий обеспечения прав и свобод граждан, совершенствованию форм и методов прокурорской деятельности, определению путей повышения эф-

фективности осуществления последней. Система государственного контроля и прокурорского надзора может и должна стать одним из тех важных механизмов обеспечения гарантированных прав и свобод человека и интересов общества. Однако один из важных аспектов этой проблемы до сих пор остается вне поля зрения ученых и требует самостоятельного комплексного исследования – это проблема прокурорского надзора за выполнением служебно-боевых заданий сил охраны правопорядка.

Борьба с преступностью и охрана общественного порядка, в том числе с применением силовых мер, дальнейшее развитие тактических приемов и способов ведения специальных боевых действий, совершенствование методов управления силами и средствами являются одними из приоритетных заданий сил охраны правопорядка. Важно, чтобы при проведении указанных специальных, профилактических, охранных, режимных, защитных действий (мероприятий) не нарушались (незаконно ограничивались) права и свободы граждан, а субъекты служебно-боевой деятельности выполняли поставленные задачи строго в рамках правового поля. Усложнения общественно-политической обстановки в государстве требуют от сил охраны правопорядка осуществления деятельности, связанной с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности, строго соблюдая при этом принципы законности, верховенства права, уважения прав и свобод граждан и невмешательства в деятельность каких-либо политических партий и движений.

Контроль и надзор, как основные средства обеспечения законности в указанной сфере, далеко не идентичные понятия. Для достижения цели нашего исследования считаем необходимым определить их соотношение и различия, указать особенности нормативно-правового регулирования контроля и надзора за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка. Отметим, что соотношение понятий контроля и надзора является одним из проблемных вопросов в теоретических исследованиях.

Решение этой проблемы усложняется неоднозначным подходом различных ученых к пониманию их сущности и содержания.

В юридической науке проблема определения соотношения понятий контроля и надзора имеет два самостоятельных направления исследования: контрольная и надзорная деятельность органов управления, с одной стороны, и общий надзор прокуратуры – с другой. Если контролю в сфере управления и общему надзору отводится роль самостоятельных способов обеспечения законности в управлении, то надзорная деятельность органов управления определяется или как форма контроля, или она совсем не выделяется исследователями. Иногда между терминами «контроль» и «надзор» ставят знак равенства и используют их как синонимы. Вместе с тем существование обособленной группы функций надзора в структуре управления не оспаривается в научных работах. Ситуация усложняется еще и тем, что в нормативных правовых актах применяются оба термина, и различия между ними не принципиальны.

Достаточно часто термин «надзор» толкуется как контроль и наоборот, что способствует неоднозначности понимания их содержания. Отдельные ученые указывают на одновременное сосуществование в текстах нормативно-правовых актов понятий контроля и надзора и подчеркивают их синонимичность. Другие однозначно выделяют надзор как исключительно деятельность прокуратуры, а во всех других случаях, с их точки зрения, имеет место контроль.[9. С.80]

Следует согласиться с мнением авторов, что контроль следует отличать от близкого к нему вида государственной деятельности – надзора, хотя у них есть некоторые общие черты. Главное, что отличает контроль от надзора – это то, что контролирующий орган имеет право вмешиваться в оперативную деятельность подконтрольного объекта (иногда вплоть до подмены руководящего органа), а также то, что контролирующие органы имеют право самостоятельно привлекать виновных к юридической ответственности. Так, В. Колпаков и О. Кузьменко отмечают, что сущность контроля состоит

в том, что субъект контроля осуществляет учет и проверку того, как контролируемый объект выполняет возложенные на него задания и реализует свои функции. Надзор – это осуществление специально уполномоченными органами целевого наблюдения за состоянием законности, фиксации его нарушений и принятия мер по привлечению нарушителей к ответственности.[10. С.524]

По нашему мнению, наиболее удачные и четкие определения соотношения и различия понятий «контроль» и «надзор» можно найти в работах В. Аверьянова. В нашем исследовании будем опираться именно на его точку зрения, согласно которой понятие «надзор» является производным от понятия «контроль». Контроль следует считать более широким понятием, чем надзор. Последний следует рассматривать как элемент контроля, отдельный от контроля, как определенную его форму, применение которой в случае выявления нарушений сопровождается мерами воздействия государственно-властного характера.[11. С.349]

Выделяют следующие признаки надзора:

- осуществляется государственными органами в отношении субъектов, которые им организационно не подчинены;
- в процессе надзора применяются меры административного воздействия;
- осуществляется за соблюдением соответствующими субъектами специальных норм и правил.

В свою очередь, признаками контроля являются:

- осуществляется государственными органами в отношении организационно подчиненных субъектов, хотя в отдельных случаях он осуществляется и в отношении неподчиненных субъектов;
- по результатам контроля могут применяться меры дисциплинарного характера;
- осуществляется за деятельностью подконтрольных объектов в целом или отдельными ее аспектами.[11. С.350]

Применение указанного подхода в исследуемой нами сфере позволит четко определить полномочия и компетенцию органов, контролирующих служебно-боевую деятельность сил охраны правопорядка,

и органов, осуществляющих надзор за ней. При этом в первом случае функции контроля обычно выполняются в отношении субъектов, организационно подчиненных контролирующей организации, а во втором случае – специально уполномоченный орган надзора (прокуратура) обеспечивает законность выполнения служебно-боевых заданий организационно не подчиненными ему субъектами.

Учитывая важность контроля и надзора за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка для обеспечения государством прав и свобод человека, общественной безопасности, а также учитывая межведомственный характер надзора в этой сфере, нормативное определение полномочий контролирующих органов и органов надзора закрепляется на законодательном уровне.

Анализ законодательства Украины позволяет определить нормативно-правовые основы и особенности контроля и надзора за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка. Мы не будем останавливаться на детальной характеристике контролирующих и надзорных функций каждого из субъектов, но отметим, что:

1) контроль деятельности внутренних войск осуществляет Министр внутренних дел Украины, а надзор за соблюдением законности их деятельности – Генеральный прокурор Украины и подчиненные ему прокуроры (ст.14 Закона Украины «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Украины»);[12]

2) контроль деятельности милиции осуществляют Кабинет Министров Украины, министр внутренних дел Украины и в пределах своей компетенции советы. При этом местные советы, осуществляя контроль работы милиции, не вмешиваются в ее оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную и административную деятельность. В свою очередь, надзор за соблюдением законности в деятельности милиции осуществляют Генеральный прокурор Украины и подчиненные ему прокуроры (статьи 26 и 27 Закона Украины «О милиции»);[13]

3) контроль деятельности Военной службы правопорядка в Вооруженных Силах

Украины, соблюдения ею законодательства осуществляется министром обороны Украины. Вместе с тем парламентский контроль соблюдения Военной службой правопорядка конституционных прав и свобод человека осуществляется Верховной Радой Украины согласно Конституции Украины и законов Украины. Надзор за соблюдением законности в деятельности Военной службы правопорядка осуществляется органами прокуратуры Украины (статьи 16 и 17 Закона Украины «О Военной службе правопорядка в Вооруженных Силах Украины»);[14]

4) контроль за административно-хозяйственной и финансовой деятельностью Службы безопасности Украины осуществляется в порядке, определенном Президентом Украины, а высший надзор за соблюдением и применением законов Службой безопасности Украины осуществляют Генеральный прокурор Украины и уполномоченные им прокуроры (статьи 33 и 34 Закона Украины «О Службе безопасности Украины»).[15]

Вместе с тем положения законодательных актов, регулирующих деятельность других сил охраны правопорядка, имеют неконкретный, «расплывчатый» характер, что может вызвать проблемы при их применении или толковании.

Так, контроль за хозяйственной и финансовой деятельностью Государственной пограничной службы Украины осуществляется в порядке, определенном законами Украины. А надзор за соблюдением законности в деятельности этого правоохранительного органа специального назначения осуществляется в порядке, определенном Конституцией и законами Украины (статьи 31 и 32 Закона Украины «О Государственной пограничной службе Украины»).[16]

Соответственно, контроль финансовой и административно-хозяйственной деятельности Управления государственной охраны Украины осуществляется в порядке, определенном Президентом Украины, а надзор за соблюдением и применением законов этим Управлением – в порядке, определенном Конституцией и законами Украины (ч.2 ст.27 и ст.28 Закона Украины «О государ-

ственной охране органов государственной власти Украины и должностных лиц»).[17]

Обобщая изложенное, отметим, что соблюдение принципа законности при организации и проведении специальных операций (действий, мероприятий) силами охраны правопорядка имеет исключительное значение и актуальность. Оно обусловлено, прежде всего, тем, что указанные меры практически всегда связаны с ограничением прав и свобод человека, кроме того, они осуществляются преимущественно негласными средствами и методами, в связи с чем не могут находиться под непосредственным контролем общественности, имеют более ограниченный контроль со стороны соответствующих инстанций. Реализация принципа верховенства права в служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка заключается в эффективном противодействии наиболее общественно опасным явлениям, защите интересов государства, общества, прав и свобод граждан, недопущении злоупотреблений дискреционными полномочиями и других нарушений законодательства сотрудниками и военнослужащими соответствующих правоохранительных органов и военных формирований.

Разграничение контроля и надзора за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка позволит четко определить полномочия и компетенцию контролирующих и надзорных органов. Контроль за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка обычно выполняется в отношении субъектов, организационно подчиненных контролирующей организации. В свою очередь, надзор за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка осуществляется специально уполномоченными органами надзора, они обеспечивают законность выполнения служебно-боевых заданий субъектами, ему организационно не подчиненным.

Особенностью нормативного регулирования контроля и надзора за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка является законодательное закрепление функций и полномочий контролирующих органов и органов надзора. Обусловлено

это, прежде всего, исключительной важностью данной сферы для обеспечения государством прав и свобод человека, об-

щественной и национальной безопасности в целом, а также межведомственным характером осуществления надзора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Украины: принята на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня 1996 г.// Официальный вестник Украины. 2010. № 72/1 (спец. выпуск). Ст.2598.
2. Гаращук В.Н. Теоретико-правовые проблемы контроля и надзора в государственном управлении: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.07. Харьков, 2003. 413 с.
3. Шемчук В. Надзор органов прокуратуры за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка: постановка проблемы// Право Украины. 2010. № 12. С.237-243.
4. Талалай Д.В. Служебно-боевая деятельность подразделений мобилизационной и территориальной обороны Службы безопасности Украины: организационно-правовые и тактические основы: дис. ... канд. юрид. наук: 21.07.05. Симферополь, 2011. 228 с.
5. Пути совершенствования научного сопровождения служебно-боевой деятельности сил охраны правопорядка/ И.О. Кириченко и др.// Честь и закон. 2009. № 1. С.3-23.
6. Долженков А.Ф., Саакян Н.Б., Боевая деятельность ОВД в современных условиях// Вестник Одесского института внутренних дел. 2000. № 3. С.59-64.
7. Янчилик Р.Ю., Болотников В.Т. Организация и проведение оперативно-тактических учений в органах внутренних дел: учебное пособие Минск: МВШ МВД СССР, 1988. 96 с.
8. Утяшева М.М. К вопросу об ограничении прав человека// Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 1. С.105-114.
9. Шалумов М.С. Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение компетенции и ответственности// Государство и право. 1999. № 1. С.79-85.
10. Колпаков В.К., Кузьменко О.В. Административное право Украины: учебник. Киев: «Юридическая литература», 2003. 544 с.
11. Административное право Украины: учебник: в 2-х томах: Т. 1/ под ред. В.Б. Аверьянова. Киев: Изд-во «Юридическая мысль», 2004. 584 с.
12. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Украины: Закон Украины от 26 февраля 1992 г. № 2235-XII// Ведомости Верховной Рады Украины. 1992. № 29. Ст.397.
13. О милиции: Закон Украины от 20 декабря 1990 г. № 565-XII// Ведомости Верховной Рады УССР. 1991. № 4. Ст.20.
14. О Военной службе правопорядка в Вооруженных Силах Украины: Закон Украины от 7 февраля 2002 г. № 3099-III// Ведомости Верховной Рады Украины. 2002. № 32. Ст.225.
15. О Службе безопасности Украины: Закон Украины от 25 февраля 1992 г. № 2229-XII// Ведомости Верховной Рады Украины. 1992. № 27. Ст.382.
16. О Государственной пограничной службе Украины: Закон Украины от 3 апреля 2004 г. № 661-IV// Ведомости Верховной Рады Украины. 2004. № 27. Ст.208.
17. О государственной охране органов государственной власти Украины и должностных лиц: Закон Украины от 4 марта 1998 г. № 160/98-ВР// Ведомости Верховной Рады Украины. 1998. № 35. Ст.236.

С.А. Буткевич,

кандидат юридических наук

(Одесский государственный университет внутренних дел)

АНТИЛЕГАЛИЗАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены предпосылки становления и перспективы дальнейшего развития законодательства Украины в сфере предупреждения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Ключевые слова: законодательство, легализация преступных доходов, предупреждение, противодействие, развитие, финансовый мониторинг, финансирование терроризма.

The article considers the prerequisites of formation and prospects of further development of Ukrainian legislation in the field of prevention and counteraction to legalization (laundering) of the incomes received by criminal way and terrorism financing.

Keywords: legislation, money laundering, prevention, counteraction, development, financial monitoring, financing of terrorism.

Проблема борьбы с отмыванием «грязных» денег стала актуальной для большинства стран мира еще в начале XX в. Однако последующая глобализация социально-экономических процессов в конце этого же столетия привела и к глобализации преступности, превратив ее в организованную и транснациональную. Не секрет, что преступные элементы на порядок быстрее правоохранительных и других государственных органов реагируют на развитие инновационных технологий, смягчение пограничного контроля, недостатки финансовых и кредитно-банковских систем, пробелы в законодательстве и т.д., что, в свою очередь, отражается и на таком негативном явлении, как легализация преступных доходов.

Экономический элемент организованной преступности можно назвать системообразующим. Без него невозможно поддерживать внутреннюю дисциплину и порядок в группе, обеспечивать коррупционную составляющую, а главное – без него теряется основной стимул участия в организованных группах и преступных организациях – нажива, материальное обогащение. То есть сейчас легализация преступных доходов представляет завершающий этап трансфор-

мации криминалитета в высокодоходное, сверхрентабельное и эффективное производство, во время которого происходит опасная для общества концентрация экономической, а вслед за ней и политической власти в руках неконтролируемой группы лиц.[1. С.4]

Также отмывание крайне негативно влияет на общество, поскольку ущемляет интересы легального бизнеса, портит репутацию отдельных его сегментов и участников, подрывает доверие ко всей финансовой системе, представляет угрозу нормальному функционированию кредитно-финансовых учреждений страны, снижает инвестиционную привлекательность любого из них и т.п. Кроме причинения ущерба нормальному функционированию рыночных сил, отсутствия возможности у государственных органов управлять финансовой системой, вложения в легальную экономику значительной денежной массы, полученной преступным путем, и связанный с этим процесс их отмывания способствуют укрытию предикатных преступлений и затрудняют привлечение к ответственности лиц, виновных в их совершении, то есть препятствуют достижению целей правосудия.

Поиск решений отдельных вопросов предупреждения и противодействия легализации преступных доходов в Украине входил в предмет научных исследований Л.И. Аркуши, А.М. Бандурки, А.С. Беницкого, А.Ф. Волобуева, С.Г. Гуржия, М.В. Корниенка, А.Е. Корыстина, С.В. Симовьяна и др. Вместе с тем, учитывая несовершенство национального законодательства и его высокий динамизм в течение 2010-2013 гг., продолжающуюся оптимизацию системы центральных органов исполнительной власти и необходимость приведения системы финансового мониторинга в соответствие с международными стандартами, вопросы научного анализа становления и развития антилегализационного законодательства Украины требуют самостоятельного комплексного исследования. Указанные обстоятельства обусловили цель, а также актуальность и своевременность проведенной научной разведки.

Общеизвестно, что возникновение любого социального явления обусловлено историческим развитием конкретного общества. В начале 1990-х гг. в странах постсоветского пространства сформировались предпосылки для перехода экономики от тоталитарной, административно-командной к рыночной системе хозяйствования. Произошли изменения общественного строя, кардинально поменялись как экономические отношения, так и сам образ жизни населения. Результатом этих изменений стала трансформация одной системы в другую, в основе которой – существенные изменения отношений собственности, либерализация экономической деятельности и т.п. При этом указанный период характеризуется ослаблением роли государства в регулировании социально-экономических процессов, отставании законотворческой деятельности от потребностей государственного контроля с учетом национальных интересов и основной массы населения.[2. С.40]

По оценкам специалистов, борьба с отмыванием «грязных» денег – один из самых эффективных и действенных механизмов противодействия экономической преступности, которая наносит зна-

чительный ущерб легальной экономике и подрывает финансовую стабильность государства. Именно легализованный «теневой» капитал позволяет организованной преступности приобретать новые активы и устанавливать контроль над экономической, а затем и политической системами страны. Кроме того, предпосылками для проведения незаконных финансовых операций в Украине являются: высокий удельный вес неофициальных доходов населения; ограниченные возможности правоохранительных и других государственных органов Украины по обмену информацией с компетентными международными органами и организациями; просчеты в регулировании операций с наличностью, возможности для проведения финансовых операций через оффшорные зоны и др.

Вместе с тем в связи с активизацией международного терроризма появляются новые проблемы в сфере борьбы с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма, требующие принятия жестких мер для осуществления контроля функционирования «теневых» финансовых потоков. Поэтому одним из направлений антитеррористической стратегии государства должно стать выявление и эффективное блокирование каналов финансовой поддержки террористических организаций.[3]

Таким образом, предупреждение и противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма – неотъемлемые условия обеспечения целостности финансовой системы государства, но для успеха этой деятельности традиционные приемы и способы, формы и методы деятельности правоохранительных органов должны подкрепляться непосредственным участием финансовой системы. Прежде всего, это связано с тем, что финансовые учреждения владеют информацией об операциях, которые могут быть связаны с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма.

Как подчеркивает А.Е. Корыстин, отсутствие государственного контроля неизбежно приводит к росту преступности в сфере экономической деятельности, в том числе фактов отмывания доходов, незаконного

вывоза капитала, увеличению экономического потенциала преступных группировок и, как результат этого, – к нарушению равновесного состояния хозяйственной системы, подрыву системы социального баланса. Это становится толчком к резкому социальному расслоению и дифференциации населения по уровню доходов, благодаря чему увеличивается количество случаев асоциального поведения, активизируется борьба между социальными группами, происходящая за пределами правового поля, и т.д. При отсутствии последовательных социальных реформ происходит обнищание, люмпенизация и маргинализация значительной части населения. В условиях неправомерного обогащения последних это вызывает резкий социальный диспаритет с огромным криминальным потенциалом.[2. С.40-41]

В Украине с первых лет независимости вопросы борьбы с нелегальным оборотом денежных средств и имущества не оставались без внимания органов государственной власти, которыми проводились соответствующие организационные и практические мероприятия. Кроме того, был начат процесс присоединения к основным международным правовым актам, в том числе: Конвенции об отмывании, поиске, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путем, 1990 г. (декабрь 1997 г.); Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, 1997 г. (ноябрь 2001 г.); Европейской конвенции о борьбе с терроризмом, 1977 г. (январь 2002 г.); Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, 2000 г. (сентябрь 2002 г.); Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, 2005 г. (июль 2006 г.); Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, 2005 г. (март 2006 г.); Конвенции Совета Европы об отмывании, поиске, аресте и конфискации доходов, полученных преступным путем, и о финансировании терроризма, 2005 г. (ноябрь 2010 г.), и т.д.

В связи с ратификацией указанных международных нормативных актов Украина стала принимать меры по имплементации их норм. В частности, в Уголовном кодексе была предусмотрена ответственность за: ле-

гализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем (ст.209); умышленное нарушение требований законодательства о предупреждении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма (ст.209.1); террористический акт (ст.258); вовлечение в совершение террористического акта (ст.258.1); публичные призывы к совершению террористического акта (ст.258.2); создание террористической группы или террористической организации (ст.258.3); содействие совершению террористического акта (ст.258.4); финансирование терроризма (ст.258.5).[4] Кроме того, Кодекс Украины об административных правонарушениях предполагал ответственность за: нарушение законодательства о предупреждении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма (ст.166.9); невыполнение законных требований должностных лиц субъектов государственного финансового мониторинга (ст.188.34).[5]

Однако по отдельным вопросам законодательство Украины не в полной мере соответствовало рекомендациям компетентных международных организаций. Именно поэтому в сентябре 2001 г. на пленарном заседании FATF было признано, что принятые Украиной меры по борьбе с отмыванием криминальных доходов недостаточны. По оценкам специалистов этой организации, в то время Украина частично или полностью соответствовала основным критериям, по которым определяются страны, не сотрудничающие в сфере борьбы с отмыванием денежных средств («черный список»). Речь шла о необходимости оптимизации системы борьбы с легализацией преступных доходов. Из недостатков были названы: неэффективность системы доведения информации об операциях, подлежащих финансовому мониторингу, уполномоченному органу – подразделению финансовой разведки; неполная идентификация клиента и ненадлежащее финансирование борьбы с легализацией преступных доходов; отсутствие специального закона, направленного на борьбу с отмыванием доходов, и др.

С учетом изложенного, в декабре 2001 г. началось становление подразделения финансовой разведки как отдельной государственной структуры. Президент Украины своим Указом от 10.12.2001 № 1199 поручил Кабинету Министров Украины создать в составе Министерства финансов Украины Государственный департамент финансового мониторинга, утвердить соответствующее положение и решить вопросы, связанные с обеспечением его деятельности. Во исполнение этого Указа постановлением Кабинета Министров Украины от 10.01.2002 № 35 был образован Государственный департамент финансового мониторинга, а постановлением от 18.02.2002 № 194 – утверждено положение о нем.

То есть первоначально Департамент финансового мониторинга создавался как правительственный орган государственного управления в составе Министерства финансов Украины (январь 2002 г. – декабрь 2004 г.), позже Государственный комитет финансового мониторинга Украины стал центральным органом исполнительной власти со специальным статусом (январь 2005 г. – апрель 2010 г.) [6. С.283-285].

Сегодня Государственная служба финансового мониторинга Украины – центральный орган исполнительной власти, деятельность которого направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через министра финансов Украины. Она входит в систему органов исполнительной власти и создана для реализации государственной политики в сфере предупреждения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма. [7] В новом статусе подразделение финансовой разведки продолжает выполнять свои основные задачи, прежде всего, активно отслеживать возможные факты легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

Начиная с 2002 г., совместными решениями Кабинета Министров Украины и Национального банка Украины стали утверждаться ежегодные программы (планы) предупреждения и противодействия

легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В данных документах предусматривались такие мероприятия, как: предупреждение появления предпосылок для легализации преступных доходов и финансирования терроризма; минимизация рисков от данной противоправной деятельности; повышение эффективности деятельности правоохранительных и других государственных органов; обеспечение прозрачности деятельности государственных органов; повышение квалификации специалистов; участие в международном сотрудничестве.

В конце 2002 г. был принят Закон Украины «О предупреждении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем», который в целом соответствовал международным стандартам в сфере борьбы с криминальными доходами, в том числе Венской и Страсбургской конвенциям, директивам Европейского Союза о предупреждении использования финансовой системы с целью отмывания денег и Базельским принципам деятельности банков. Указанные выше меры обеспечили соответствие украинского законодательства Сорока рекомендациям FATF и позволили устранить недостатки, определенные критериями 1, 5-8, 10, 11, 13-16 и 25, наличие которых привело к включению Украины в «черный список» несотрудничающих стран.

Для обеспечения работы указанного Закона принят ряд нормативных актов, в том числе стратегического значения – Концепция развития системы предупреждения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма на 2005-2010 гг. (распоряжение Кабинета Министров Украины от 03.08.2005 № 315-р) и Стратегия развития системы предупреждения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма до 2015 г. (распоряжение Кабинета Министров Украины от 09.03.2011 № 190-р). Реализация этих нормативных документов должна

обеспечить: системную реализацию государственной антилегалитационной политики; гармонизацию национальной антилегалитационной системы с международными правовыми стандартами; действенное сотрудничество и постоянный информационный обмен с органами исполнительной власти, другими государственными органами – субъектами государственного финансового мониторинга, а также компетентными органами иностранных государств и международными организациями в этой сфере; соблюдение и неукоснительное соблюдение требований, установленных законодательством в отношении деятельности специально определенных субъектов первичного финансового мониторинга; повышение квалификации специалистов органов государственной власти по вопросам финансового мониторинга и сотрудников первичного финансового мониторинга; стимулирование притока иностранных инвестиций в национальную экономику; наполнение доходной части государственного бюджета.[8]

В мае 2010 г. антилегалитационный Закон был принят в новой редакции и определил: ключевые понятия в этой сфере; систему финансового мониторинга (первичный и государственный); перечень финансовых операций, подлежащих обязательному и внутреннему финансовому мониторингу; задания, функции и права специально уполномоченного органа (Государственной службы финансового мониторинга Украины); механизм международного сотрудничества в сфере предупреждения и противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма; ответственность за нарушение требований закона и восстановление прав и законных интересов; контроль и надзор за выполнением законов в сфере предупреждения и противодействия легализации преступных доходов или финансированию терроризма.

Однако отметим, что и теперь нет единого унифицированного понятия «отмывание денег» ни в международных нормативных актах, ни в законодательстве отдельных государств. Чаще всего различные способы отмывания денег используются в таких

случаях, как сбыт наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, торговля оружием и людьми, контрабандными товарами, мошенничество, террористическая (экстремистская) деятельность и т.п. Однако, по своей сути, отмывание денег сопровождает любое преступление, мотивом которого является получение прибыли.

Считаем, что под термином отмывание «грязных» денег следует понимать методы и процедуры, позволяющие полученные в результате незаконной деятельности средства переводить в другие активы для сокрытия их истинного происхождения, владельцев или других признаков, которые могли бы свидетельствовать о нарушении законодательства. По существу, легализация является преступной деятельностью по выводу денежных средств из сферы «теневое капитала» и введение их в сферу легального оборота, то есть предоставление денежным средствам или любому другому имуществу статуса законной собственности определенного юридического или физического лица. Вместе с тем отмывание всегда является производным, вторичным преступлением, а первичным – процесс, в результате которого деньги были получены (коррупция, наркобизнес, контрабанда, игровой бизнес, виды мошенничества – банковское, финансовое, налоговое, с помощью Internet-ресурсов и т.д.).

Вопросы противодействия легализации преступных доходов приобрели особую значимость в современных условиях как в Украине, так и в мире. Их актуальность обусловлена, с одной стороны, пристальным вниманием развитых стран мира к этой проблематике в контексте борьбы с международным терроризмом и активизацией процессов интеграции Украины в мировое сообщество, а с другой – рядом нерешенных проблем в этой сфере. Очевидно, что криминогенная ситуация в экономике требует комплексного подхода со стороны правоохранительных органов и финансовых учреждений государства.

Статья 4 Закона Украины «О предупреждении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию тер-

роризма» относит к легализации преступных доходов любые действия, связанные со средствами (собственностью), полученными (добытыми) в результате совершения преступления, направленные на сокрытие источников происхождения указанных средств (собственности) или содействие лицу, являющемуся соучастником совершения преступления, которое является источником происхождения указанных средств (собственности). При этом в пункте 1 ч. 1 ст. 1 данного Закона говорится, что доходы, полученные преступным путем, – это любая экономическая выгода, полученная вследствие совершения общественно опасного деяния, предшествующего легализации (отмыванию) доходов, которая может состоять из материальной собственности или собственности, выраженной в правах, а также включать движимое или недвижимое имущество и документы, подтверждающие право на такую собственность или долю в ней.[9]

Отметим, что легализация как действие по выводу денежных средств из «теневых» сектора экономики и предоставления им законного статуса может осуществляться путем совершения финансовых операций, то есть любых действий с активами, осуществленных с помощью субъекта первичного финансового мониторинга. Кроме того, легализация преступных доходов может осуществляться непосредственно лицами, обладающими такими средствами или с использованием услуг конвертационных центров – преступных группировок, направлением деятельности которых является разработка схем отмывания доходов, а также осуществление такой деятельности.

Таким образом, процессы интеграции и глобализации криминалитет использует эффективнее, чем международное сообщество, превращаясь во всемирную криминальную систему, которая представляет угрозу обществу со стороны мафий. При этом способы легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, непосредственно связаны с взяточничеством, злоупотреблением служебным положением, коррупцией, вымогательством, захватом заложников, финансовым мошенничеством,

террористической деятельностью и др. Поэтому они имеют разнообразный характер, присущий самостоятельным составам уголовных правонарушений. Так, в последние годы основными объектами внимания субъектов государственного и первичного финансового мониторинга являются операции, связанные с: деятельностью конвертационных центров; расчетами, проведенными физическими лицами-предпринимателями за наличные средства; использованием финансовой помощи/займа как финансового инструмента при проведении финансовых операций; бюджетными средствами и другими государственными активами; похищением средств с помощью электронного мошенничества; перечислением за границу денежных средств, в отношении которых имеются подозрения по их незаконному обороту; инвестиционной и страховой деятельностью; использованием имущественных и неимущественных прав и т.д.

Таким образом, легализация преступных доходов и финансирование терроризма являются преступлениями глобального характера. Лица, причастные к указанным преступлениям, выводят свою деятельность на международный уровень, имея различные цели, в том числе: избежание стран/территорий с надлежащей нормативной базой и эффективной правоохранительной системой; использование лазеек, связанных с недостаточным уровнем сотрудничества правоохранительных органов разных стран; использование пробелов в законодательстве, недостатков в работе правоохранительных и других государственных органов; создание дополнительных транзакций для того, чтобы усложнить отслеживание финансового следа.

Справедливо считается, что национальную систему предупреждения и противодействия легализации преступных доходов необходимо создавать, объединяя усилия правоохранительных и других государственных органов, финансовых организаций и научно-исследовательских учреждений. Борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма – весомый рычаг в механизме противодействия орга-

низованной преступности и ее проявлениям со стороны государства и общества. В Украине уже осуществлен ряд законодательных и организационных мер, направленных на оптимизацию системы финансового мониторинга, повышение эффективности деятельности других уполномоченных субъектов в этой сфере, но все эти мероприятия требуют систематизации и согласования.

На наш взгляд, эффективность механизма предупреждения и противодействия легализации преступных доходов в Украине тормозится по нескольким причинам. Основные из них – низкий уровень активности и профессионализма специализированных органов, служб и подразделений, несовершенство международного взаимодействия и координации действий, недостаточность материально-технического обеспечения и научного сопровождения этой деятельности. Постепенное включение Украины в процессы глобализации мировой экономики и ее становление как независимого субъекта международной экономической деятельности во все большей степени подвергаются влиянию внешнеэкономических факторов. Вследствие этого особую актуальность приобретают такие ключевые понятия, как экономическая безопасность государства, ее роль в обеспечении стабильного функционирования всей финансовой системы государства, а также ее взаимосвязь и взаимообусловленность с мировыми интеграционными процессами.

Первоначально создание антилегализационной системы Украины осуществлялось под воздействием мирового сообщества, что повлекло формальный подход к борьбе с легализацией преступных доходов, наличие большого количества противоречий и пробелов в антилегализационном законодательстве, дублирование определенных заданий и функций правоохранительных органов в этой сфере и др. Дальнейшее развитие национального законодательства в сфере предупреждения и противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма приобретает особую актуальность и исключительную значимость, поскольку позволяет ускорить инте-

грацию Украины в международную систему сотрудничества и взаимопомощи не только в этой сфере, но и борьбы с организованной преступностью в целом. А постоянный анализ и обобщение приемов и способов легализации «грязных» доходов (типологий) и их доведение до сведения субъектов финансового мониторинга, правоохранительных и других государственных органов является главным условием превенции совершения данных правонарушений.

Итак, усиление контроля финансовых операций в Украине в 2002 г. стало требованием времени. Как свидетельствует мировой опыт, преступные группировки и отдельные лица, финансирующие терроризм, используют для достижения своих целей любые недостатки финансовых систем, где нет надлежащего контроля финансовых потоков. Дальнейшее развитие национальной экономики, финансово-кредитной системы, закрепление правовых основ деятельности контролирующих и правоохранительных органов в значительной мере зависят от надлежащего организационно-правового обеспечения системы финансового мониторинга. В структуре этого механизма должны действовать взаимосвязанные и согласованные формы и методы финансового мониторинга, совершенствоваться правоприменительная и правоохранительная практика, а также обеспечиваться эффективный механизм привлечения виновных лиц к ответственности.

Считается, что принятие Закона Украины «О предупреждении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма» является значительным шагом к обеспечению экономической безопасности государства. Вместе с тем сегодня необходимо продолжать работу по внедрению положений этого Закона в жизнь, совершенствованию организационно-правовых основ системы финансового мониторинга, слаженности механизмов функционирования и взаимодействия субъектов финансового мониторинга как между собой, так и с правоохранительными органами и международными организациями.

Сегодня антилегализационное законо-

дательство Украины представляет систему законодательных и других нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность субъектов государственного и финансового мониторинга, правоохранительных органов в сфере предупреждения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также устанавливающих ответственность за совершение правонарушений в этой сфере. При

этом можно выделить такие уровни регулирования борьбы с отмыванием «грязных» денег, как международный (международные договоры, согласие на обязательность которых дана Верховной Радой Украины), законодательный (кодексы и законы Украины) и подзаконный (акты Президента Украины, Кабинета Министров Украины, Национального банка Украины, центральных органов исполнительной власти и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов В.С. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: правовое регулирование в России и за рубежом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб. юрид. ин-т Ген. прокуратуры РФ. СПб., 2006. 185 с.
2. Корыстин А.Е. Отмывание средств: теоретико-правовые основы противодействия и предупреждения в Украине: монография. Киев: ОАО «Полиграфкнига», 2007. 448 с.
3. Стратегия развития системы предупреждения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма на период до 2015 года: одобрена распоряжением Кабинета Министров Украины от 9 марта 2011 г. № 190-р// *Официальный вестник Украины*. 2011. № 19. Ст.803.
4. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III// *Ведомости Верховной Рады Украины*. 2001. № 25-26. Ст.131.
5. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 г. № 8073-X// *Ведомости Верховной Рады Украины*. 1984. Приложение к № 51. Ст.1122.
6. Буткевич С.А. Госфинмониторинг Украины как центральный орган исполнительной власти со специальным статусом// *Научный вестник Днепропетровского государственного университета внутренних дел*. 2012. № 1(58). С.276-286.
7. О Положении о Государственной службе финансового мониторинга Украины: Указ Президента Украины от 13 апреля 2011 г. № 466/2011// *Официальный вестник Украины*. 2011. № 29. Ст.1272.
8. Стратегия развития системы предупреждения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма на период до 2015 года: одобрено распоряжением Кабинета Министров Украины от 9 марта 2011 г. № 190-р// *Официальный вестник Украины*. 2011. № 19. Ст.803.
9. О предупреждении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма: Закон Украины от 28 ноября 2002 г. № 249-IV// *Ведомости Верховной Рады Украины*. 2003. № 1. Ст.2.

И.А. Кибак,

кандидат психологических наук, доцент
(Академия МВД Республики Беларусь)

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается методика изучения общественного мнения о законотворческой деятельности. Представлены три этапа изучения общественного мнения о законотворческой деятельности: подготовительный, проведение опроса и обработка собранной психолого-социологической информации. Обозначены типичные ошибки, допускаемые при проведении массовых опросов населения: на подготовительном этапе при расчете выборочной совокупности; непосредственно при проведении массовых опросов населения; на стадии обработки результатов на местах и передачи полученных информационных массивов по установленной форме и в установленные сроки в парламент (постоянные комиссии).

Ключевые слова: методика, общественное мнение, законотворческая деятельность, изучение, депутат.

Methods of public opinion studying of legislative activities are examined. There are three stages of public opinion studying of legislative activities: preparatory, survey and processing of psychological and sociological information. Typical mistakes made during public opinion polls are described: on the preparatory stage during the calculation of the total sample, during public opinion polls, while processing the on-site results and transferring the data according to the set form and to the Parliament within a prescribed period (standing committees).

Key words: methodology, public opinion, legislative activities, research, deputy.

Организация психолого-социологического мониторинга общественного мнения о парламентской деятельности содержит нормы, определяющие порядок, способы и методы изучения общественного мнения о парламентской (законотворческой) деятельности.

Ответственность за организацию проведения опросов, качество, достоверность собранной информации и своевременную передачу информационного массива должна возлагаться на старших групп независимого психолого-социологического центра (службы) Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (далее – Палата представителей).

Нами подготовлена методика изучения общественного мнения о парламентской (законотворческой) деятельности, основанная на рекомендациях по изучению общественного мнения и обработки полученных данных таких российских и белорусских ученых-социологов, как Е.А. Мельник,

А.Л. Антоньев, Б.Г. Камаев, Ю.Н. Мазаев, О.В. Яковлев [2], а также В.Н. Дубовицкий, А.Н. Елсуков, В.В. Лапаева, В.А. Ядов и др. [1; 3. С.431-466; 4]. Нижеуказанные методические рекомендации являются основополагающими для использования при проведении анкетирования во всех регионах страны.

Изучение общественного мнения о законотворческой деятельности включает три этапа: подготовительный; проведение опроса; обработку собранной психолого-социологической информации.

На подготовительном этапе, осуществляется подготовка опросника (анкеты), издание или изготовление по заказу психолого-социологического центра (службы) необходимого количества экземпляров анкеты изучения общественного мнения о законотворческой деятельности (например, по конкретной правовой и иной проблеме (правовая норма, законопроект), которые будут использованы для исследования общественного мнения.

Основой изучения общественного мнения является его методико-методологическая база, в частности составление опросника [3. С.417-428]. Институт Дж. Гэллапа еще в 40-е гг. XX в. на основании опыта прогнозирования хода избирательных кампаний разработал так называемый пятимерный план, имевший целью совершенствование методики изучения общественного мнения. Как известно, наиболее ответственным моментом в интервью является формулировка вопросов, задаваемых опрашиваемым. По словам Дж. Гэллапа, «ничто не является столь трудным и столь важным, как выбор и формулировка вопросов». Не случайно именно эта часть методики опросов подвергалась наибольшей разработке в этом плане. Прежде всего были выявлены те недостатки, связанные с постановкой вопросов, которые имели место в недостаточно квалифицированных опросах: вопросы задаются людям, которые не имеют ни малейшего представления о предмете обсуждения; не делается различия между теми, кто выносит суждения «на ходу», и теми, кто, высказывая свое мнение, взвесил все «за» и «против»; вопросы формулируются таким образом, что могут иметь различный смысл для различных людей; основной упор делается на категорические ответы «да» или «нет», в то время как на некоторые сложные вопросы нельзя дать однозначного ответа; игнорируется факт, почему опрашиваемый придерживается того или иного мнения; не учитывается интенсивность выраженного мнения.

Пятимерный план, разработанный Дж. Гэллапом и применяемый, в частности, для выяснения отношений к актуальным проблемам, должен был свести до минимума перечисленные недостатки. Предусматривалось исследование пяти различных аспектов мнения: представление, знание опрашиваемого о предмете; его общие взгляды; причины, почему он придерживается этих взглядов; его специфические взгляды по специфическим аспектам проблемы; интенсивность выраженного мнения. В пятимерном плане используется пять категорий вопросов: фильтрующие; открытые, или свободные; причинные; специфические; выявляющие интенсивность мнения.

Для определения структуры выборки населения старшему группы надо располагать

последними статистическими данными о социально-демографическом и социально-профессиональном составе населения, которые должны быть получены в районном (областном) статистическом управлении и должны содержать сведения о численности городского и сельского мужского и женского населения; каждой опрашиваемой социально-профессиональной группы (рабочие, труженики сельского хозяйства, госслужащие, предприниматели, студенты, безработные, иные категории населения). Также необходимо установить процентные соотношения между указанными выше группами населения; сопоставить полученные данные с общим числом опрашиваемых, установив окончательные показатели количества граждан, подлежащих опросу.

В результате обработки показателей статистической информации (приведенные цифры являются условными) выяснилось, что в Р-ской области (района) городское население составляет 70%, сельское – 30% от общего количества жителей старше 18 лет. На мужское население приходится 48%, на женское – 52%. Доля рабочих составляет 26%, крестьян – 20%, работников производственной сферы – 7%, работников непроизводственной сферы – 8%, работников аппарата управления – 2%, сотрудников правоохранительных органов – 1%, военнослужащих – 1%, предпринимателей – 1%, студентов вузов, учащихся техникумов, колледжей и т.п. – 4%, неработающих пенсионеров – 20%, безработных – 3%, иных категорий населения – 7%.

Необходимо опросить минимум 300 человек, распределив их в соответствии с этой структурой населения.

Поскольку городское население составляет 70%, то горожан среди опрашиваемых должно быть 210 человек. На селе необходимо опросить 90 человек (30%). В связи с тем, что доля мужского населения области равна 48%, а женского – 52%, то среди опрашиваемых должна соблюдаться соответствующая пропорция – 139 мужчин и 161 женщина. Аналогично определяется количество граждан по каждой социально-профессиональной группе согласно статистическим данным.

Полученные данные надо внести в таблицу определения численности опрашиваемых граждан (табл. 1).

Таблица 1.

Таблица для определения численности опрашиваемых граждан

Группы населения	Всего по региону, % / человек	Статистические данные		Выборка		
		город (в %)	деревня (в %)	город (чел.)	деревня (чел.)	Всего (чел.)
Всего	100/100000	70	30	210	90	300
Мужчины	48/48000	69	31	96	43	139
Женщины	52/52000	71	29	114	47	161
Рабочие	26/26000	90	10	70	8	78
Труженики сельского хозяйства	20/20000	—	100	—	60	60
Работники производственной сферы	7/7000	81	19	17	4	21
Работники непроизводственной сферы	8/8000	80	20	19	5	24
Работники местных, исполнительных и распорядительных органов	2/2000	82	18	5	1	6
Сотрудники правоохранительных органов	1/1000	90	10	3	0	3
Военнослужащие	1/1000	60	40	2	1	3
Предприниматели	1/1000	60	40	2	1	3
Студенты вузов, учащиеся техникумов и т.п.	4/4000	99	1	11	1	12
Неработающие пенсионеры	20/20000	93	7	56	4	60
Безработные	3/3000	80	20	7	2	9
Иные категории	70/70000	85	15	18	3	21

Определение мест проведения опроса по конкретным объектам исследований производится в два этапа.

На первом этапе выбираются населенные пункты городского и сельского типа, в которых будет проходить опрос. Типичность населенного пункта определяется как в соответствии с социально-демографическими особенностями региона, так и сложившейся социально-экономической обстановкой.

На втором этапе в каждом выбранном для опроса населенном пункте осуществляется распределение выборки по типичным организациям и учреждениям. Типичность организаций и учреждений определяется с учетом структуры занятости населения.

Если район отличается ярко выраженной промышленностью, то опрос рабочих и инженерно-технических работников нужно вести преимущественно среди работников этой отрасли. Вместе с тем чем разнообразнее

представлена социальная группа по типам, видам, формам собственности организаций и учреждений, тем качественнее выборка.

Размещение выборки по конкретным местам проведения опроса граждан производится пропорционально их численности в выбранных населенных пунктах и на предприятиях, при этом допускается совпадение мест проведения опросов, после определения которых (населенные пункты, предприятия и др.) и расчета численности опрашиваемых необходимо: руководителям психолого-социологических служб установить контакт с руководством определенных предприятий, организаций, учреждений, рассказать о целях изучения мониторинга и обсудить вопрос о времени и месте проведения опроса; на основе данных республиканских (областных, районных) служб социального обеспечения по численности, соответствующей выборке, подготовить списки неработающих пенсионеров;

в соответствии с учетами республиканских (областных, районных) управлений занятости сформировать списки безработных для определения круга респондентов данной социальной группы с целью изучения мнения населения о работе парламента; составить окончательный перечень организаций, предприятий, образовательных учреждений, сельских советов и т.д., где будет проводиться опрос.

Для проведения опроса назначаются лица из психолого-социологической службы Палаты представителей либо научных социологических учреждений, за которыми закрепляется проведение опроса в том или ином населенном пункте либо среди определенной социальной группы граждан.

Перед проведением опроса старшему группы следует проинструктировать работников группы; дать каждому работнику группы конкретное задание с указанием, в каком населенном пункте, на каком предприятии, каких граждан и в каком количестве надо опросить; объяснить порядок и особенности работы на каждом объекте.

В зависимости от особенностей производственной деятельности опрос должен проводиться в форме очного группового или индивидуального анкетирования. Групповой опрос (30-40 человек) целесообразно проводить в больших производственных коллективах, образовательных учреждениях.

Для улучшения контакта с опрашиваемыми, проверки качества заполнения документов, а также обеспечения их стопроцентного возврата рекомендуется опрос проводить в специально отведенном месте (учебная аудитория, актовЫй зал, библиотека и т.п.), куда приглашаются включенные в выборку лица.

При индивидуальном опросе следует встречаться с каждым опрашиваемым лично. Особенность процедуры такого вида опроса заключается в том, что опросные документы раздаются выбранным гражданам на рабочих местах или по месту жительства, где им индивидуально разъясняются цель опроса, правила заполнения анкеты. Такую форму опроса целесообразно использовать среди рассредоточенных или малочисленных социально-профессиональных групп (коллективы численностью ме-

нее 20 человек, пенсионеры, домохозяйки и т.п.). Опрос одного и того же лица должен проводиться без перерыва, так как его перенос может привести к неожиданному отказу от участия в опросе, некачественному заполнению документа.

Перед анкетированием социолог (психолог) либо депутат, проводящий опрос, должен представиться, рассказать о цели исследования, практических задачах, правилах заполнения документов, а также убедить аудиторию в анонимности опроса, отметить, что полученная информация будет использована только в обобщенном виде; обратить внимание опрашиваемых на то, что от искренности и точности ответов на все вопросы зависит правильность выводов по итогам опроса; объяснить, что во время опроса не следует консультироваться друг с другом, а обращаться за необходимыми разъяснениями только к лицу, проводящему опрос; разъяснить порядок заполнения анкеты на примере вопросов разных типов.

Альтернативные вопросы предполагают возможность выбора опрашиваемым только одного варианта ответа из нескольких предложенных. Например, при ответе на вопрос «Доверяете ли Вы депутатам Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь в принятии эффективных и качественных законов?» может быть выбран один из трех вариантов ответов: доверяю полностью; доверяю, но не в полной мере; нет, не доверяю.

Не альтернативные вопросы допускают выбор опрашиваемым нескольких вариантов ответов. Например, при ответе на вопрос «Какие из следующих факторов, на Ваш взгляд, могут оказать воздействие на принятие эффективных и качественных законов?» (допускается несколько ответов) из числа предложенных ответов: усиление ответственности (вплоть до уголовной) для депутатов за принятие некачественных и неэффективных законов; широкое привлечение общественности к обсуждению законопроектов; предоставление больших прав депутатам, в том числе контрольных функций; улучшение технической и иной оснащенности Палаты представителей Национального

собрания Республики Беларусь; увеличение зарплаты депутатам; избрание компетентных (профессионалов) депутатов, особенно в вопросах право- и законотворчества; повышение качества психолого-профессиональной подготовки депутатов; иное (напишите).

После завершения опроса необходимо осуществить обработку собранной информации, для чего в первую очередь следует проверить качество заполнения документов, выявить неправильно заполненные, частично заполненные, а также нарушающих структуру выборки документов. Данные опросные листы подлежат удалению из массива и не участвуют в обработке. Частично заполненными признаются документы, содержащие ответы менее чем на 75% вопросов, или документы, не содержащие ответа хотя бы на один из вопросов о месте жительства опрашиваемого, его поле, возрасте или социальном положении. Заполненными с нарушением структуры выборки считаются документы, которые в своей совокупности нарушают пропорциональность основных социально-демографических и социально-профессиональных групп населения, установленную для обследуемой территории.

Если в результате проверки анкет (опросных листов) признается некачественно заполненным некоторое количество документов, проводится дополнительный опрос, для того чтобы итоговое количество документов соответствовало установленной норме и структуре выборки.

В целом типичные ошибки, допускаемые при изучении общественного мнения, могут быть сведены к трем группам (не принимая во внимание так называемые случайные ошибки): описки респондентов, технические огрехи операторов, обрабатывающих анкеты (двойной набор одной и той же анкеты), – ошибки, допускаемые на подготовительном этапе при расчете выборочной совокупности; ошибки, допускаемые непосредственно при проведении массовых опросов населения; ошибки, допускаемые на стадии сбора и анализа исходных данных, обработки результатов на местах и передачи полученных информационных массивов по установленной форме и в уста-

новленные сроки в Палату представителей (постоянные комиссии).

Наиболее распространенной ошибкой на подготовительном этапе изучения общественного мнения является неправильный расчет выборочной совокупности. В большинстве регионов определение доли категорий респондентов изначально рассчитывается не от общего количества жителей региона старше 18 лет или общего числа подлежащих опросу, а от каких-то иных отдельных совокупностей.

Выборочная совокупность, на наш взгляд, определяется на основе полученных в статистических управлениях данных о социально-демографическом и социально-профессиональном составе населения исследуемого региона. Составляется расчетная таблица, где в соответствии с долями городского и сельского, мужского и женского населения, а также отдельных социально-профессиональных групп в общем числе жителей старше 18 лет данного региона рассчитываются окончательные показатели количества граждан, подлежащих опросу из указанных групп населения.

Например, доли городского и сельского населения (соответственно, численностью 170 000 человек и 80 000 человек; мужчин (110 000 человек), женщин (140 000 человек), рабочих (53 000 человек), тружеников сельского хозяйства (45 000 человек), иных категорий (152 000 человек) в регионе с населением 250 000 человек составят: городское население – 68% ($170\,000:250\,000 \times 100$); сельское население – 32% ($80\,000:250\,000 \times 100$); мужчин – 44% ($110\,000:250\,000 \times 100$); женщин – 56% ($140\,000:250\,000 \times 100$); рабочих – 21,2% ($53\,000:250\,000 \times 100$); тружеников сельского хозяйства – 8% ($45\,000:250\,000 \times 100$); иных категорий – 60,8% ($152\,000:250\,000 \times 100$).

Если предполагается опросить 300 человек, то в соответствии с полученными данными в определенных выше группах должны быть опрошены: городского населения – 204 человека ($68 \times 300:100$); сельского населения – 96 человек ($32 \times 300:100$); мужчин – 132 человека ($44 \times 300:100$); женщин – 168 человека ($56 \times 300:100$); рабочих – 64 человека ($21,2 \times 300:100$); тружеников сельского хозяйства – 54 человека ($8 \times 300:100$); иных

категорий – 182 человека (60,8х300:100).

Таким образом, получаем общие пропорции, т.е. сколько всего человек должно быть опрошено в той или иной группе населения во всем регионе.

Исчисление количества представителей определенных социальных групп населения, подлежащих опросу по месту проживания (город, населенный пункт), строится на основе статистических данных о доле представлении этих групп в городской и сельской местности.

Например, если из общего количества мужчин, проживающих в регионе, в городе проживает 69%, а на селе – 31%, то из общего количества мужчин, подлежащих опросу (132 человека), в городе должен быть опрошен 91 человек (69х132:100), а на селе – 41 (31х132:100). Если рабочих из общего количества рабочих в регионе в городе проживают 90%, а на селе – 10%, то из общего количества рабочих, подлежащих опросу (64 человек), опрошены должны быть в городе – 58 человек (90х64:100) и на селе – 6 человек (10х64:100).

Аналогично рассчитывается и численность остальных категорий населения. На основе окончательных расчетов разработанной таблицы составляется и утверждается структура выборки.

При проведении массовых опросов населения также нередко допускаются различные ошибки. Как правило, опросы проводятся представителями государственных учреждений (социологи, психологи), реже – депутатами. Но желательно их проведение независимыми организациями, тогда граждане видят в анкетере нейтрального собеседника, а не представителя государственной власти, что негативно сказывается на искренности ответов опрашиваемых. Именно поэтому очень важно учитывать данный нюанс.

Непроведение анкетерами инструктажа перед опросом – еще одна возможная ошибка. Несмотря на то, что в преамбуле анкеты кратко изложены цели опроса и правила заполнения анкеты, непременной обязанностью анкетера является еще раз указать на особенности ее заполнения, обратить внимание аудитории на наличие вопросов, подлежащих заполнению всеми участниками

опроса, и вопросов, которые заполняются лишь частью респондентов. В результате невыполнения требований нарушается внутренняя логическая непротиворечивость анкеты, что порождает ошибки при переводе информации на электронные носители и обсчете анкетного массива.

В связи с этим при принятии анкеты от респондента анкетер обязан проверить полноту заполнения анкеты. Нередки случаи, когда анкеты сдаются заполненными наполовину или даже меньше, но включаются в общий массив наравне с полноценными анкетами, что приводит в дальнейшем к ошибкам при обсчете.

Несоблюдение составленных квот выборочной совокупности проявляется в несоответствии намеченной выборочной совокупности полученным количественным показателям по той или иной группе опрошенного населения. При этом не производится так называемый ремонт выборки, т.е. приведение в соответствие с необходимыми пропорциями численности социальных групп путем удаления из массива анкет (при переборе) или дополнительного опроса (при недоборе).

Нарушение принципа «случайности» отбора респондентов выражается в опрашивании не тех категорий и конкретных лиц, которые намечены сформированной выборкой, а тех, которые наиболее «удобны» анкетеру в силу, например, географической близости (соседи) или контактной близости (родные и знакомые, а также наиболее коммуникабельные слои населения – женщины или лица с высшим образованием). В результате может происходить смещение выборки как по демографическим, так и по социально-экономическим показателям.

Нарушение правил постоянного личного контакта с аудиторией характерно как для аудиторного, так и для индивидуального опроса. Оно состоит в том, что социолог, проводящий анкетирование, в целях экономии личного времени оставляет респондентам анкеты и забирает их на следующий день. В результате нельзя исключить, что анкеты будут полностью или частично заполнены не теми лицами, которых необходимо опросить, а теми, у кого на момент проведе-

ния опроса было свободное время. В результате нарушается выборочная совокупность.

Во время опроса пенсионеров анкеты нередко не принимают во внимание то, что значительная часть первых, являясь гражданами пенсионного возраста, тем не менее продолжают трудовую деятельность. Как следствие, такой респондент, отвечая на вопрос анкеты «Социальное положение», указывает несколько позиций, например: пенсионер и рабочий, пенсионер и труженик сельского хозяйства и т.д. Это приводит как к нарушениям выборочной совокупности, так и к ошибкам при последующей компьютерной обработке анкет.

На стадии обработки и передачи информационных массивов допускаются в основном два вида ошибок. Несоблюдение установленной формы отчетности – первая из них. Анализ передаваемой (присылаемой) информации о результатах изучения общественного мнения позволяет судить о том, что некоторые старшие групп либо сотрудники при обработке и передаче данных путают или сознательно подменяют установленную форму структуры выборки, по сути являющейся планом проведения опросов.

Второй типичной ошибкой является нарушение установленного срока передачи данных. Иногда ответственные за передачу информации не соблюдают регламентные сроки и предоставляют ее с опозданием.

Итак, личный опыт социологических исследований, проведенные в период 2006-2012 гг., показали практическую необходимость и важность осуществления социологического мониторинга общественного мнения о парламентской (законотворческой) деятельности. Сложность социальных и иных процессов, в лоне которых рассматриваются проблемы

взаимоотношений парламента и населения, требуют от исследователей данного научного направления не только систематического, но и углубленного знания изучаемого предмета с целью перехода к решению задач прогностического характера, разработки алгоритмов социальных технологий учета общественного мнения в парламентской деятельности.

Формировать и наращивать положительную составляющую общественного мнения о парламентской деятельности в идеальном варианте представляется возможным по двум направлениям. Первое направление предполагает сохранение статус-кво и удержание социальной дистанции без стремления решать проблемы отношений парламента и населения. При реализации такой стратегии вполне вероятен следующий результат: чем меньше население будет непосредственно контактировать с парламентом, тем выше оно будет оценивать ее деятельность. Второе направление основано на достижении адекватного восприятия гражданами парламентской деятельности депутатов. С целью добиться реального роста положительной составляющей в оценках парламентской работы здесь берется за основу иная социальная стратегия, при которой предполагается, что контакты населения с парламентом станут катализатором конструктивных измерений в ее деятельности.

Считается, что парламент встретит более широкую поддержку и получит более высокую оценку со стороны избирателей именно тогда, когда в парламентской и внепарламентской деятельности депутатов она от создания декларативных, отсылочных, просветительских законов перейдет к принятию эффективных и качественных законов, норм прямого действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубовицкий В.Н. Социология права: предмет, методология и методы Минск : Право и экономика, 2010. 174 с.
2. Общественное мнение о милиции: 1995-2000 гг./ под ред. Е.А. Мельника. М.: ВНИИ МВД России, 2001. 132 с.
3. Социология: учеб. пособие для студентов вузов / А.Н. Елсуков и др.; под общ. ред. А.Н. Елсукова. 3-е изд. Минск: НТООО «ТетраСистемс», 2001. 544 с.
4. Ядов В.А. Социологические исследования: методология, программа, методы. 2-е изд. М.: Наука, 1987. Гл. 5. С.274-312.

Е.А. Сидоренко,

аспирант

(Международный юридический институт, г. Москва)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ.290 УК РФ

В статье рассматриваются вопросы относительно специального субъекта преступления, предусмотренного ст.290 УК РФ, анализируются общие подходы к понятию должностного лица, рассматриваются признаки должностного лица, определяющие место реализации лицом своих служебных полномочий в момент совершения преступления, на основе чего предлагается исключить из числа организаций, работники которых могут быть признаны должностными лицами, государственные и муниципальные учреждения, а также государственные корпорации.

Ключевые слова: субъект преступления, специальный субъект преступления, должностное лицо, организационно-распорядительные функции, государственный орган, орган местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, государственные корпорации.

The article considers questions concerning special subject of the crime provided by Art. 290 of the criminal code of the Russian Federation, the general approaches to a concept of the official are analyzed, the signs of the official defining a place of realization of the office powers by the person at the time of crime commission on the basis of what it is offered to eliminate as the organizations which workers can be recognized as officials, the public and municipal authorities, as the state corporations are considered.

Keywords: subject of the crime, special subject of a crime, official, organizational and administrative functions, government body, local government, public and municipal authorities, state corporations.

Для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности требуется соблюдение положений ст.8 УК РФ об обязательном наличии в совершенном деянии необходимых элементов состава преступления, среди которых субъект преступления занимает особое место.

Субъектом преступления по российскому уголовному праву признается лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние и способное нести за него уголовную ответственность. Из многочисленных свойств личности преступника закон выделяет такие, которые свидетельствуют о возможности воздействия на него мерами уголовно-правового характера с целью исправления и предупреждения совершения новых преступлений. В качестве признаков субъекта преступного

деяния в ст.19 УК РФ выделены следующие: 1) определение лица как физического; 2) возраст; 3) вменяемость. Именно эти признаки характеризуют субъекта преступления как лицо, способное нести ответственность за совершенное преступление.

Кроме общих признаков, характеризующих субъект и являющихся обязательными признаками данного элемента состава преступления, выделяются еще и дополнительные признаки. Такие признаки субъекта могут быть описаны в законе либо устанавливаться иным способом.

В соответствии с диспозицией ст.290 УК РФ субъектом данного преступления является должностное лицо, иностранное должностное лицо либо должностное лицо публичной международной организации.

Отсюда следует, что анализируемое нами

преступление совершается специальными субъектами.

Как верно указывает С.А. Семенов, специальным субъектом преступления следует считать вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее предусмотренными законом признаками, детерминированными качествами объекта преступления, которые позволяют данному лицу совершить общественно опасное деяние, описанное диспозицией статьи Особенной части Уголовного кодекса. В целом ряде случаев уголовно наказуемое деяние (действие или бездействие) может быть совершено лишь благодаря тому, что субъект располагает специальными признаками.[1]

Признаки специального субъекта преступления, предусмотренного ст.290 УК РФ, прямо предусмотрены законом путем раскрытия содержания таких понятий как должностное лицо, иностранное должностное лицо, должностное лицо публичной международной организации.

Не имея возможности в полной мере раскрыть все эти понятия, остановимся только на понятии должностного лица, которое является одним из наиболее дискуссионных в науке уголовного права. Как справедливо отметил К.П. Засов, анализируя общие подходы к понятию должностного лица, «несмотря на серьезное внимание в отечественной юриспруденции к понятию «должностное лицо», компромисс относительно этой дефиниции так и не достигнут».[2]

По мнению А.В. Грошева, «это объясняется, прежде всего, тем, что указанное понятие в уголовном и иных отраслях права (административном, трудовом и др.) определяется по-разному, что связано с особенностями предмета и метода правового регулирования указанных отраслей права».[3]

Ученые в области уголовного права при анализе данной категории в большинстве своем либо акцентируют внимание на признаках должностного лица, характеризующих его функциональную составляющую, либо предлагают расширить объем указанного понятия с позиций криминологической обоснованности.

Рассмотрим эту проблему через призму

требований к системности российского законодательства.

В силу примечания 1 к ст.285 УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Как справедливо отмечают А.И. Рарог, А.Н. Войтович указанное примечание представляет собой самостоятельный структурный элемент текста уголовного закона, уточняющий специальные признаки субъекта преступления, т.е. является примечанием-дефиницией.[4]

По правилам диалектической логики основной задачей механизма образования понятия является установление признаков, как общих для анализируемого множества, так и отличающих данное множество от других предметов, явлений. Вместе с тем, проведенный анализ свидетельствует, что предложенная законодателем дефиниция не в полной мере отвечает приведенному логическому требованию.

Регламентированные уголовным законом признаки должностного лица можно систематизировать по трем основаниям. И.Б. Малиновский предлагает их именовать следующим образом: 1) признаки, определяющие место реализации лицом своих служебных полномочий в момент совершения преступления; 2) признаки, характеризующие юридическое основание наделения лица служебными полномочиями; 3) характер выполняемых лицом функций.[5]

Не имея возможности в силу ограниченности объема статьи раскрыть все эти признаки, рассмотрим только признаки, характеризующие принадлежность лица к определенному коллективному образованию (в данном случае это государственные органы, органы местного самоуправления,

государственные и муниципальные учреждения, государственные корпорации, Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска и воинские формирования Российской Федерации). Именно данные обстоятельства являются первичным основанием для отграничения должностных преступлений от преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

В правовой литературе под государственным органом понимают юридически оформленную первичную структурную, организационно и хозяйственно относительно обособленную часть государственного механизма, состоящую из государственных служащих, имеющую соответствующую структуру и наделенную установленным законодательством объемом властных полномочий, необходимыми средствами для участия в осуществлении в пределах своей компетенции задач и функций государства, действующую от его имени и по его поручению, применяющую присущие ей формы и методы деятельности.[6]

Согласно ст.2 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы местного самоуправления – это избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

В силу ст.120 ГК РФ учреждением признается некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера.

На основании ст.7.1 Федерального закона от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций.

Изучив специфические признаки каждого из приведенных понятий, попытаемся

выделить общие для них признаки, а также позволяющие отличить их от организаций, представители которых относятся к субъектам преступлений, предусмотренных главой 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

Наименование главы 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» дает основание предположить, что общими признаками организаций, интересы которых охраняются статьями данной главы, должны быть либо принадлежность к системе государственной (муниципальной службы), либо выполнение функций государственной власти.

Очевидно, что работники государственных (муниципальных) учреждений и государственных корпораций не являются государственными (муниципальными) служащими. Отсюда следует, что указанные государственные организации должны реализовывать функции государственной власти, чтобы на законных основаниях входить в объект уголовно-правовой охраны анализируемой главы 30 УК РФ. Рассмотрим обоснованность такого тезиса.

Как справедливо отмечает О.В. Романцова, «особенностью государственной власти является то, что ее субъект и объект обычно не совпадают, властвующий и подвластные чаще всего отчетливо разделены... она проявляется в деятельности государственных органов и учреждений, образующих механизм (аппарат) этой власти».[7] Таким образом, автор делает вывод, что государственная власть представляет собой политическое руководство обществом при помощи государственного аппарата, выступает в качестве инструмента осуществления общеобязательной воли господствующей элиты или всего общества.[7]

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Значит, к основным функциям государственной власти относятся: правотворчество, правоисполнительная и правоохранительная деятельность.

Таким образом, сущность правовой категории «государственная власть» можно определить как один из механизмов реализации государством своего предназначения, разновидность государственного регулирования общественных отношений.

Функции государственной власти нельзя отождествлять с функциями государства. Последние представляют собой более широкое понятие. Традиционно функции государства подразделяют на несколько видов: государство-суверен, государство-контролер и государство-казна.

Е.В. Воробьева при этом поясняет, что функции государства-казны могут быть определены как деятельность уполномоченных органов, связанные с формированием и управлением публичными денежными фондами.[8]

В соответствии со ст.124-125 ГК РФ Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования выступают в гражданско-правовых отношениях на равных началах с иными их участниками. Таким образом, государство в частноправовых отношениях выступает не только как общественная организация, стоящая над гражданами и властвующая над ними, но и как субъект прав и обязанностей наравне со всеми гражданами, относясь к ним как к равным.[9] Очевидно, что последний случай сложно отнести к формам реализации государственной власти по причине самого отсутствия властеотношений.

Государство как суверен, основная цель которого - властвование, в сфере частного права властвовать не должно, т.е. утрачивает свой сущностный признак. Однако от этого оно не перестает быть государством, а лишь временно надевает другую маску - маску казны (фиска). Казна не властвует, а государство не участвует в частноправовых отношениях. В то же время казна и есть государство.[10]

Развитие данной теории находит свое выражение в законодательном поле. Частью 3 ст.15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» запрещается совмещение функций федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Россий-

ской Федерации, иных органов власти, органов местного самоуправления и функций хозяйствующих субъектов, за исключением случаев, установленных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, а также наделение хозяйствующих субъектов функциями и правами указанных органов, в том числе функциями и правами органов государственного контроля и надзора, если иное не установлено Федеральным законом от 01.12.2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Федеральным законом от 30.10.2007 г. № 238-ФЗ «О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта». Под хозяйствующим субъектом в данном законе понимается в том числе и некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход.

Таким образом, применительно к теме нашего исследования можно сделать вывод, что в Российской Федерации легально существуют государственные (муниципальные) учреждения и государственные корпорации как наделенные государственно-властными полномочиями, так и нет.

С учетом этого А.В. Минашкин классифицирует государственные учреждения следующим образом: «государственные учреждения, не осуществляющие управленческих функций; государственные учреждения, осуществляющие управленческие функции в соответствии с полномочиями, предоставленными законом, уставом (положением) или иным нормативным правовым актом; государственные учреждения, осуществляющие вспомогательные функции; экспертные государственные учреждения».[11]

В настоящее время к государственным учреждениям, наделенным государственно-властными полномочиями относятся, в частности, государственные внебюджетные фонды, которые наделены функциями нормотворчества и государственного контроля. Так, Пенсионный фонд РФ контролирует исчисление и уплату страховых взносов на обязательное пенсионное и обя-

зательное медицинское страхование, а Фонд социального страхования РФ - на обязательное социальное страхование. Одновременно указанные некоммерческие организации вправе привлекать ненадлежащих плательщиков взносов к установленной законом ответственности.

Вместе с тем, такое положение вещей скорее редкость. Большая часть государственных (муниципальных) учреждений каких-либо властных полномочий не реализует. Такая ситуация складывается при характеристике правового статуса государственных корпораций. Так, в соответствии с Федеральным законом от 01.12.2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» указанная государственная корпорация осуществляет полномочия и функции в области государственного управления использованием атомной энергии, по нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности. Корпорация имеет право издавать нормативные правовые акты по целому ряду вопросов государственного учета и контроля ядерных материалов, выдачи сертификатов и пр. Она готовит и вносит Президенту РФ и в Правительство РФ проекты федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также других документов по вопросам, относящимся к установленной сфере деятельности. Нормотворческие полномочия Росатома ничем не отличаются от полномочий федеральных органов исполнительной власти. Нормативные правовые акты корпорации в установленной сфере деятельности издаются в форме приказов, положений и инструкций, обязательных для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований, юридических и физических лиц. Эти акты подлежат регистрации и опубликованию в порядке, установленном для государственной регистрации и опубликования нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Нормативные правовые акты корпорации

могут быть обжалованы в суд в порядке, установленном для оспаривания нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

При этом нельзя сказать, что наличие публичных властных функций – это специфическая черта всех государственных корпораций. В частности, ими не наделены Агентство по страхованию вкладов, Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства и др.

Таким образом, в настоящее время сложилась ситуация, что под уголовно-правовую охрану преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления подпадают государственные (муниципальные) учреждения, государственные корпорации, которые не имеют никакого отношения ни к государственной (муниципальной) службе, ни к реализации государственно-властных полномочий.

В свою очередь, главой 23 УК РФ охраняются от преступных посягательств интересы службы организаций, выполняющих определенные государственно-властные функции. Так, законом допускаются случаи передачи функций по выдаче разрешений (ордеров) при проведении работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, устранению аварийных ситуаций на надземных и подземных коммуникациях муниципальным предприятиям.[12]

Кроме того, как справедливо отмечает А.В. Шнитенков,[13] имеют место факты наделения работников ГУПов функциями представителей власти (т.е. распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости).

В частности, в соответствии со ст.1 Федерального закона от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране» она представляет собой совокупность создаваемых федеральными органами исполнительной власти органов управления, сил и средств, предназначенных для защиты охраняемых объектов от противоправных посягательств.

Постановлением Правительства РФ от 12.07.2000 г. № 514 «Об организации ведомственной охраны» утвержден перечень феде-

ральных органов исполнительной власти, имеющих право создавать ведомственную охрану.

На основании вышеуказанного закона работники ведомственной охраны наделяются, например, правом производить а) досмотр транспортных средств при въезде (выезде) на охраняемые объекты и с охраняемых объектов; б) административное задержание и доставление в служебное помещение ведомственной охраны или орган внутренних дел лиц, совершивших преступления или административные правонарушения на охраняемых объектах, а также в) личный досмотр, досмотр вещей, изъятие вещей и документов, являющихся орудием или непосредственным объектом правонарушения. Кроме того, законом подчеркивается, что законные требования работников ведомственной охраны при исполнении ими должностных функций обязательны для исполнения гражданами и должностными лицами.[14] Изложенное, безусловно, свидетельствует о наличии властных полномочий у данной разновидности государственных унитарных предприятий.

Отнесение лиц к числу должностных (т.е. субъектов преступлений, предусмотренных гл.30 УК РФ) влечет более жесткий комплекс мер уголовно-правового характера по сравнению с тем, который установлен для лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях.

Таким образом, складывается ситуация, когда за одни и те же действия, связанные с занимаемой должностью, одни лица, наделенные государственно-властными полномочиями (учреждение, государственная корпорация), несут более строгую уголовную ответственность по сравнению с другими (унитарное предприятие, государственная компания) исключительно по причине организационно-правовой формы юридического лица, в штате которого они работают. Изложенное грубо нарушает принцип справедливости.

Ярким примером в этом отношении является дело Э., осужденного Самарским областным судом по п.«в» ч.4 ст.290 УК РФ, который был признан виновным за то, что, работая директором Парка культуры

и отдыха г. Самары, получил от К. взятку в сумме 1 550 долларов США путем вымогательства за подписание договора о предоставлении в аренду участка для торговой точки. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационным жалобам осужденного и его адвоката, приговор изменила и переквалифицировала действия осужденного на п.«в» ч.4 ст.204 УК РФ, указав следующее. Виновность Э. в совершении действий, за которые он осужден, доказана исследованными в судебном заседании материалами дела: показаниями свидетелей, протоколом осмотра места происшествия, фактом выдачи осужденным полученных денег, договором о предоставлении К. в аренду участка для торговой точки, протоколом осмотра и прослушивания аудиокассеты с разговором Э. и К., копией контракта о назначении Э. директором муниципального предприятия. Однако, правильно установив фактические обстоятельства, суд первой инстанции ошибочно квалифицировал действия Э. по п.«в» ч.4 ст. 290 УК РФ, признав его должностным лицом, исходя из того, что парку культуры и отдыха, директором которого он работал, является в соответствии со ст.120 ГК РФ учреждением. Между тем согласно Уставу, утвержденному решением комитета по управлению имуществом г. Самары, парк культуры и отдыха является предприятием. Из трудового договора видно, что Э. назначен на должность директора муниципального предприятия «Парк культуры и отдыха им. А.М. Горького» на три года. Таким образом, являясь директором муниципального унитарного предприятия, осуществляя в нем управленческие функции, Э. не являлся должностным лицом. Получая деньги за подписание договора, Э. осознавал, что он - директор коммерческой организации. Поэтому у суда не было оснований считать его должностным лицом, указанным в примечании к ст.285 УК РФ.[15]

С целью соблюдения требований справедливости и обеспечения системности уголовного закона полагаем необходимым исключить из числа организаций, работники которых могут быть признаны должност-

ными лицами, государственные и муниципальные учреждения, а также государственные корпорации.

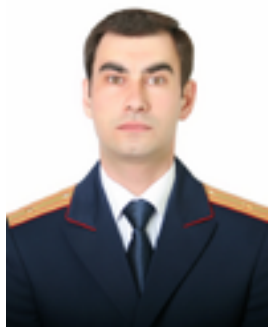
Комментируя такое предложение, Р.А. Гребенюк указывает, в этом случае в законе будет четко выстроена система специальных субъектов - служащих, состоящих из двух больших групп: государственных и муниципальных служащих, в том числе должностных лиц и служащих коммерческих

и иных организаций, включая лиц, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в них. Отчасти необходимость такого решения признается и Президентом РФ, который в Послании Федеральному Собранию на 2004 год отметил обязанность Правительства изъять из компетенции государственных учреждений (не являющихся органами управления) властные полномочия.[16]

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Семенов С.А. Специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1999. С.80.
2. Засов К.П. Понятие должностного лица в законодательстве и юридической практике // Современное право. 2003. № 8. С.33.
3. Грошев А.В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики). Краснодар: КубГАУ, 2008. С.131.
4. См.: Войтович А., Рарог А. Примечания в уголовном законе // Законность. 2008. № 2. С.17.
5. См.: Малиновский И.Б. Коррупция и уголовный закон // Российский следователь. 2009. № 15. С.12.
6. См.: Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Административное право России: учебник для вузов. М.: ТК Велби, 2006. С. 98; Кешикова Н.В. Порядок формирования государственных органов: к теории вопроса // История государства и права. 2008. № 11. С.4; Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. М.: Юстицинформ, 2004. С.45; Черкасов К.В. «Государственный орган»: некоторые проблемы правовой неопределенности категории // Российская юстиция. 2009. № 12. С.68.
7. Романцова О.В. Понятие и признаки государственной власти // Юридический мир. 2006. № 1. С.14.
8. См.: Воробьева Е.В. К вопросу о функциях государства-казны // Исполнительное право. 2008. № 4.
9. См.: Шершеневич Г.Ф. Курс русского гражданского права. Введение. Казань, 1901. Т. 1. Вып. 1. С.68.
10. См.: Финансовое право: учебник / под ред. Н.И. Химичевой. М., 1996. С.42-44.
11. Минашкин А.В. Основы административно-правового статуса государственных учреждений // Право и экономика. № 1. 2003. С.23.
12. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19 мая 2009 г. № А33-7245/07-Ф02-2157/09 по делу № А33-7245/07 // СПС «Консультант Плюс».
13. См.: Шнитенков А. В. Ответственность за преступления против интересов службы: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С.14.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.11.2009 г. № 947 «Об утверждении Положения о ведомственной охране Федерального космического агентства» // СПС «Консультант Плюс».
15. БВС РФ. 2002. № 7. С.12-13.
16. См.: Гребенюк Р.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика взяточничества: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С.58.

П.В. Толстов,
соискатель (УлГУ)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОБРАЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОПАСНЫХ ВЕЩЕСТВ И ОТХОДОВ (СТ.247 УК) В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу сущности и содержания норм уголовного закона об ответственности за нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов в некоторых странах дальнего зарубежья. В ней рассматриваются особенности построения механизма уголовно-правового обеспечения экологической безопасности в данной сфере общественных отношений в таких странах как США, Германия, Польша, Швейцария и др., анализируется порядок конструирования уголовно-правовых запретов, специфика наказуемости преступных нарушений правил обращения вредных веществ и опасных отходов и т.д. В ходе исследования автор выявляет положительные и отрицательные стороны уголовного законодательства названных государств и делает вывод о возможности применения соответствующего опыта в отечественном уголовном праве.

Ключевые слова: экологически опасное вещество; экологически опасные отходы; экологическая безопасность; поражающий фактор; вред жизни и здоровью человека; вред окружающей природной среде, уголовная ответственность; механизм уголовно-правового обеспечения обращения экологически опасных веществ и отходов, уголовное законодательство зарубежных стран.

The article is devoted to the comparative legal essence and contents of norms of criminal law about the responsibilities for violation of ecologically harmful substances and wastes in legislation of foreign countries. The author considers the peculiarities of construction of mechanism of criminal law providing of mechanism of ecological safety in the given sphere of public relations in such countries as the USA, Germany, Poland, Switzerland and ofhes.

Key words: ecologically dangerous substance; ecologically dangerous wastes; ecological safety; striking factor; criminal liability; mechanism of criminal legal support of the turn of ecologically dangerous substances and waste, criminal legislation of foreign countries.

В большинстве развитых европейских стран законодательство об ответственности на нарушение правил обращения экологически опасных отходов носит комплексный характер. При этом нормы уголовно-правового характера в нем часто переплетаются с административно-правовыми запретами и предписаниями. Наряду с национальными законами и подзаконными актами, источниками права в них являются также правила, решения и директивы Европейского союза, что во многом сближает эти страны и обуславливает наличие множества схожих положений в природоохранном законодательстве, в том числе и регулирующим порядок обращения с экологически опасными веще-

ствами и отходами.

В то же время между законодательством указанных выше стран имеется и различия. В них часто разнятся подходы к определению перечня деяний, связанных с нарушением порядка обращения экологически опасных веществ и отходов, по-разному описываются их крименообразующие признаки, устанавливаются разные меры ответственности и т.п. Это определяется различием традиций как в уголовном праве разных государств в целом, так и специфическими проявлениями этих традиций при выработке конкретных уголовно-правовых норм, направленных на защиту отношений в сфере охраны окружающей среды (отли-

чиями в механизмах привлечения к уголовной ответственности в разных странах, не одинаковым уровнем развития национальной экономики, и как следствие, неодинаковым развитием законодательства, стоящего на защите окружающей среды).[1]

Характерной особенностью большинства государств дальнего зарубежья является наличие в них комплексных законов, устанавливающих правила обращения с токсичными веществами и отходами. Эти нормативные акты (Закон об удалении отходов в Японии от 1971 г., Закон о хранении ядовитых отходов в Великобритании от 1972 г., Закон об избежании и удалении отходов в ФРГ от 1972 г., Закон о сохранении и переработке сырьевых ресурсов в США от 1976 г., Закон о сбросах в океан в США от 1972 г. закрепляют общие требования к испытаниям токсических веществ и отходов, их производству, переработке, хранению, транспортированию, использованию и утилизации, а также общие положения об ответственности за совершение правонарушений в данной сфере.

Наряду с этим почти в каждой стране действуют специальные законы об экологических преступлениях, которые предусматривают довольно суровые санкции за их совершение, причем в отношении не только физических, но и юридических лиц. Санкции варьируются от тюремного заключения до штрафов, временного закрытия предприятий или введения временного контроля администратора – для юридических лиц. Кроме того, законы многих стран предусматривают возможность применения мер по устранению нанесенного окружающей среде ущерба, а также конфискации доходов, полученных в результате уголовно наказуемого деяния.

Наиболее детально вопрос о регламентации ответственности за нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами проработан в США. В этой стране вопросам обеспечения экологической безопасности в обозначенной выше сфере деятельности человека, в том числе и средствами уголовного права, посвящено несколько федеральных законов

и кроме того, целый ряд местных законов в каждом из штатов. Наиболее значимый среди них Закон о консервации и восстановлении ресурсов был принят в 1976 г., (известен как закон «РКРА»: обеспечивает то, что часто называют регулированием от «рождения до смерти») касается экологически вредных отходов. Он регламентирует деятельность производителей таких отходов, перевозчиков, собственников и тех, кто ответственен за хранение, должное обращение и захоронение.[2] Указанные субъекты обязаны придерживаться установленных в нем стандартов при обращении с вредными отходами и заполнять специальные формы (паспорт или «манифест» отхода и т.д.), которые позволяют проследить за движением отходов от места их выработки до места переработки, хранения и уничтожения.

Другой, похожий по смыслу нормативный акт – Закон США о контроле над токсическими веществами (ТСКА), регулирует порядок обращения экологически опасных веществ. Он запрещает производство или импорт новых химических веществ, которые могут нанести вред окружающей природной среде. Контроль за соблюдением норм экологического законодательства на специальное федеральное Агентство по охране окружающей среды, которое следит за неукоснительным соблюдением законов. Именно это Агентство ежегодно возбуждает и передает в суд несколько сот уголовных дел.

Ответственность за нарушение требований экологического законодательства дифференцирована в зависимости от вида правонарушения, вида субъекта преступного посягательства и характера причиненного ущерба. Так, нарушение условий разрешения на сброс или складирование отходов в большем количестве, чем это официально разрешено, совершенные лицами, имеющими разрешение на данный вид деятельности, считаются нарушениями первой категории.

Для перевозки опасных отходов законодательство предписывает иметь декларацию, в которой фиксируются все названия перевозимых отходов. Если осуществляется перевозка опасных отходов и водитель не имеет декларации, то это – нарушение вто-

рой категории. Кроме того, если компания, которой был нанят на работу шофер для перевозки таких грузов, не позаботилась о том, чтобы у него была декларация на отходы, также является нарушителем и, согласно законодательству графства, несет ответственность за экологическое преступление. К третьей категории относятся действия по сбрасыванию опасных отходов в неположенном месте, например, посреди шоссе или в реку и другие запрещенные законом места, а также недозволенное время и т.д.[3]

Особенностью уголовной политики США в сфере охраны окружающей природной среды состоит в том, что меры ответственности в нем предусмотрены в основном для юридических лиц. Поэтому, несмотря на довольно высокую степень общественной опасности преступлений, связанных с нарушением правил обращения с экологически опасными веществами и отходами, основным видом наказания за них является штраф.

Несколько отличается подход к уголовно-правовому обеспечению экологической безопасности в рассматриваемой сфере в странах ЕС. Среди них наибольшей степенью проработанности нормативного материала отличается Германия. В этой стране, как самой развитой в промышленном плане, уделяется особое внимание к проблемам охраны окружающей природной среды от загрязнения отходами и вредными веществами.[4]

Законодательство Германии об уголовной ответственности за нарушение экологических норм и стандартов в сфере их обращения включает целый ряд норм, которые предусмотрены не только в УК, но и содержатся в других нормативных актах, так называемого уголовно-экологического и уголовно-хозяйственного законодательства.[5]. В самом УК в главе «Преступные деяния против окружающей среды», в которой объединены все экологические преступления, немецкий законодатель выделяет два состава преступления: неразрешенное обращение с опасными отходами (§326 УК ФРГ) и незаконное обращение с радиоактивными отходами и другими опасными веществами и отходами.[6]

В качестве положительного момента указанных норм хочется отметить определен-

ность предмета преступных посягательств и сферы общественных отношений, в которой могут быть совершены названные преступления. Все нормы сконструированы по типу бланкетных и содержат ссылки на соответствующие нормативные акты в области природоохранного законодательства, например (Закон о химических веществах), нарушение положений которых выступает основанием наступления уголовной ответственности.

Обращает на себя внимание также проработанность обозначенных уголовно-правовых запретов в части отображения последствий преступления в виде экологического ущерба, загрязнения окружающей природной среды и вреда здоровью человека. Кроме того, хочется отметить то, как законодатель дифференцирует ответственность за умышленные и неосторожные нарушения правил обращения с экологически опасными отходами и веществами и определяет условия освобождения от уголовной ответственности в случае невиновного причинения вреда.

Несмотря на ряд положительных сторон, нельзя не отметить слишком либеральный подход к наказуемости рассматриваемых экологических преступлений. Максимальное наказание за их совершение всего пять лет лишения свободы. Это при том, что самая суровая санкция за экологические преступления установлена в §330а УК ФРГ, который содержит состав создания серьезной опасности из-за выбросов ядов – от одного года до десяти лет лишения свободы.

Определенный интерес в плане изучения опыта уголовно-правового обеспечения обращения экологически опасных веществ и отходов представляет законодательство Польши. В уголовном законодательстве Республики Польша, которое также носит кодифицированный характер, экологические преступления обособлены в разделе 22 «Преступления против окружающей среды».[7] Раздел содержит одну общую норму об ответственности за причинение загрязнения окружающей среде (ст.181 УК Польши) и три специальных состава среди которых выделяется противоправное обращение с отходами (ст.183 УК Польши). В целом же уголовная ответственность по ст.181-184

УК Польши наступает за загрязнение воды, воздуха или земли веществом или ионизирующим излучением в таком количестве либо в такой форме, что это может угрожать жизни или здоровью многих лиц или повлечь уничтожение растительного либо животного мира в значительных размерах.

Состав противоправного обращения с отходами, содержащийся в УК Польши, по смыслу довольно близок с составом нарушения порядка обращения экологически опасных веществ и отходов, предусмотренном УК России. Только польский законодатель более скрупулезно подошел к описанию объективной стороны данного деяния. Оно охватывает своим содержанием практически все действия, которые составляют порядок обращения с отходами, совершаемые в нарушение норм экологического законодательства, если это создает опасность для человека, флоры и фауны. Особенно сильно данного запрета выступает то, что он распространяется не только на хранение, переработку, перевозку и утилизацию вредных веществ и отходов (§1 ст.183), но и перемещение их через границу (§2 ст.183). Основным криминообразующим признаком выступает наличие в деянии опасности (угрозы) причинения экологического ущерба. Причем законодатель указывает на его множественность, подразумевая угрозу причинения вреда жизни и здоровью многих людей, или уничтожения животного либо растительного мира в значительном размере.

На наш взгляд, такой вариант изложения нормы делает ее перегруженной оценочными признаками, что может негативно сказаться на право-применительной практике при квалификации конкретных преступлений. В плане наказания, польский законодатель также лоялен, как и немецкий. Максимальное наказание за совершение данного преступления составляет пять лет лишения свободы. Значительно мягче, от штрафных санкций до лишения свободы максимум два года наказываются перечисленные выше деяния, если они совершены неумышленно. Что интересно, в тексте §4 не говорится о конкретной форме вины или виде неосторожности, что позволяет толковать содер-

жание данной нормы расширительно.

Уголовно-правовой механизм обеспечения экологической безопасности в сфере обращения с вредными веществами и отходами Испании образует довольно большое количество нормативных актов, которые довольно трудно уложить в единую систему. Ключевым источником, здесь, как и в других странах, является Уголовный кодекс. Но в испанском УК нормы об ответственности за нарушение правил обращения вредных веществ и отходов представлены, пожалуй, наиболее широко. По сравнению с УК других стран, УК Испании помимо общих норм об ответственности за загрязнение окружающей природной среды, содержит целых четыре вида преступных посягательств, имеющих еще и собственные разновидности. [8] Это 1) противоправное обращение с экологически опасными веществами и отходами, которое составляют: незаконное образование хранилищ или свалок отходов или отбросов твердых или жидких тел, являющихся токсичными или опасными и способны нанести тяжкий вред равновесию в естественных системах или здоровью людей (ст.328 УК Испании); 2) нарушение установленных норм безопасности при обращении с опасными веществами (ст.348 УК Испании); 3) незаконное изготовление и оборот вредных веществ и продуктов (ст.ст.359-360) и 4) незаконное обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами (ст.ст.341-345).

Несмотря на такое большое количество запретов, они, как видно отличаются разрозненностью. Особенно это проявляется в определении предмета рассматриваемых экологических преступлений. В одном случае законодатель говорит об отходах, в другом об отбросах, в третьем, – о вредных веществах, в четвертом, – о продуктах и т.д. и при этом выделяет конкретных виды опасных веществ: токсичны и радиоактивные вещества, источники ионизирующего излучения и т.п.

Надо отметить также, что испанский законодатель вообще не оперирует в УК категорией «экологические преступления». Большинство посягательств на экологическую безопасность сконцентрированы в Книге II

Разделе XVI, но находятся довольно далеко друг от друга, вперемешку с преступлениями, посягающими на порядок управления территориями. Значительная часть норм находится в других разделах, объединяющих преступления против общественного порядка и коллективной безопасности, что создает некоторую путаницу в понимании единства социальной сущности и правовой природы рассматриваемых деяний.

Похожая ситуация наблюдается в уголовном законодательстве Швейцарии. Здесь посягательства на окружающую природную среду также не имеют обособленного места в системе Особенной части УК. Они разбросаны по двум разделам (Раздел 7 «Общепасные преступления и проступки» и Раздел 8 «Преступления и проступки против общественного здоровья» и, несмотря на пристальное внимание к проблемам экологии в этой стране со стороны государства представлены, на наш взгляд, довольно скудно.[9] По сути УК Швейцарии предусматривает наказание лишь за нарушение правил обращения взрывчатых и ядовитых веществ, и то, лишь некоторые из деяний, которые по смыслу должны составлять феномен незаконного оборота экологически опасных веществ и отходов и нарушения правил обращения с ними. Это ст. 224. «Создание опасности в связи с использованием взрывчатых веществ и ядовитых газов с преступной целью» и ст. 226 «Производство, укрывательство, переработка взрывчатых веществ и ядовитых газов». В разделе 8 содержится несколько преступлений общего характера, например, состав загрязнения питьевой воды (ст. 234 УК Швейцарии) и др.

В швейцарской концепции уголовно-правового обеспечения экологической безопасности, и в частности в обеспечении надлежащего порядка обращения с экологически опасными веществами и отходами наблюдается ряд серьезных недостатков. Во-первых, обращает на себя внимание слишком узкий взгляд законодателя на предмет рассматриваемых преступлений, содержанием которого охватываются только взрывчатые вещества и ядовитые газы. Из этого следует, что разработчики УК видят угрозу лишь в нарушении

порядка обращения с двумя категориями веществ. Во-вторых, ни в одном из указанных составов преступлений не фигурируют последствия, которые бы можно было воспринимать как экологический ущерб. В основном в них речь идет об имущественном ущербе, и лишь в отдельных случаях законодатель упоминает об ущербе здоровью людей. Такой вариант интерпретации экологической угрозы (через оценку экономического ущерба от экологических преступлений), на наш взгляд, не только не коррелирует их социально-правовой природе, но и неверно отображает характер и степень их общественной опасности, масштабу последствий, которые могут повлечь такого рода посягательства. В плане наказания упомянутые нормы соответствуют общеевропейской тенденции к установлению ответственности за посягательства на окружающую природную среду. Максимальное наказание за них ограничено пределом в шесть лет каторжного тюремного заключения.

Однако нельзя забывать, что система источников уголовного законодательства Швейцарии не исчерпывается обозначенным выше Уголовным кодексом. Помимо прочего его составляют отдельные уголовные законы Федерации и кантональное уголовное законодательство. Причем законы Кантонов, порой, существенно различаются. Кроме того, как и в других европейских странах на территории Швейцарии действуют отдельные нормативные акты природоохранного законодательства, которые содержат норму уголовно-правового характера, в том числе и об ответственности за нарушение правил обращения с экологически опасными отходами.

Оценивая уголовное законодательство зарубежных стран в целом, позволительно заключить, что в сравнении с ними УК Российской Федерации отличается довольно высоким уровнем проработанности механизма уголовно-правового обеспечения безопасного обращения экологически опасных веществ и отходов. В этом плане, думается, мы не уступаем другим странам, а в некоторых вопросах даже выглядим и в более выгодном свете. Тем не менее, как показывает опыт изучения зарубежного уголовного за-

конодательства, нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащиеся в ст.247 УК пока далеки от совершенства и разработчикам отечественного уголовного законодательства есть куда двигаться в плане развития, особенно с учетом того,

что эти нормы крайне редко применяются на практике, а дела о таких преступлениях, как правило, не доводятся до конца.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Давыдова Т.А. Уголовно-правовая характеристика нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С.47.
2. К опасным отходам, производство которых в США растет наиболее быстрыми темпами, относят соли, кислоты, токсические металлы (ртуть, мышьяк), самовоспламеняющиеся вещества (растворители и др.), синтетические химикаты (ядохимикаты, фенолы и др.), взрывчатые вещества (метан и др.), инфекционные вещества (отходы медицинских учреждений и др.), а также радиоактивные отходы. См.: Томас У. Хойа. Экологическое законодательство США: во что обходится его нарушение // Закон.1993. № 3. С.71.
3. См.: Краснова И.О. Экологическое право США: исследование теории и практики развития. М., 1996. С.94.
4. См.: Гертруда Люббе-Вольф. Основные характеристики права окружающей природной среды Германии (перевод О.Л. Радчик) // Государство и право. 2000. № 11. 2009.
5. См.: Жалинский А.Э. Уголовное право ФРГ / Уголовное право России. Общая часть. М., 1998. С.584.
6. Помимо названных выше запретов, УК ФРГ, как и Уголовный кодекс Российской Федерации, содержит ряд общих норм о загрязнении окружающей природной среды. В частности это нормы: об ответственности за загрязнение водоема §324 УК ФРГ, об ответственности за загрязнение почв §324а УК ФРГ и др. // Уголовный кодекс ФРГ. М. 2000. С.171.
7. Уголовный кодекс Польши. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С.181.
8. Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл.: Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М., пер.: Зырянова В.П., Шнайдер Л.Г. М.: Зерцало, 1998. С.109-113.
9. Уголовный кодекс Швейцарии. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С.219-220.

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Агапова Павла Валерьевича на тему «Основы противодействия организованной преступной деятельности», представленной в диссертационный совет Д 170.001.02 при Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Диссертационная работа П.В. Агапова на тему «Основы противодействия организованной преступности» посвящена весьма актуальной проблеме отечественного уголовного права и криминологии.

Хотя исследованием этой проблемы уже более трех десятилетий занимаются отечественные криминологии, а также специалисты в области науки уголовного права, по ней подготовлены и защищены докторские и кандидатские диссертации, опубликованы в открытой печати и для служебного пользования монографии, учебные пособия и научно-методические разработки, научные статьи, в которых ставятся либо решаются (в основном либо попутно) различные аспекты противодействия организованной преступной деятельности, однако обозначенная в заголовке диссертации научно-прикладная проблема в целом продолжает оставаться нуждающейся в дальнейшем изучении.

Как социально-правовое явление, организованная преступность развивается вместе с актуализирующимися секторами экономики, приспосабливается к изменяющимся социальным условиям, выявляет слабые звенья экономических связей и использует их в качестве средства финансовой подпитки ее существования и функционирования.

Задача познания организованной преступной деятельности является неисчерпаемой, как и неисчерпаемо появление новых сфер и секторов экономики, слабых в них звеньев, к использованию которых организованная преступность способна приспосабливаться.

Рецензирование диссертации П.В. Агапова свидетельствует о том, что он подготовил весьма добротную научно-квалификационную работу, в которой осуществлено действительно комплексное научное исследование основ противодействия организованной преступной деятельности.

Комплексный характер диссертационно-

го исследования П.В. Агапова нашел отражение и в построении структуры этой работы, состоящей из введения, четырех ее разделов, каждый из которых посвящен относительно самостоятельному блоку вопросов противодействия организованной преступности и организованной преступной деятельности, заключения, трех приложений и библиографического списка из 608 источников, использованных при работе над ней.

Во введении диссертации подчеркивается, что сегодня криминальная экспансия в той или иной степени затронула большинство жизненно важных отраслей экономики страны, под контролем организованных групп и преступных сообществ находятся свыше 4 тыс. объектов экономики, в том числе ряд градо- и бюджетобразующих предприятий.

Многие вопросы учения об организованной преступности, причинах организованной преступной деятельности в науке уголовного права и криминологии решаются неоднозначно, что неблагоприятно сказывается на законотворческой и правоприменительной практике. Сказанное свидетельствует о несомненной актуальности проблематики научно-квалификационной работы П.В. Агапова.

Раздел I диссертации «Теоретико-методологические основы исследования организованной преступности» (С.22-92) состоит из двух глав, подразделенных на пять пара-графов. В данном разделе работы раскрывается сущность комплексного подхода как методологической основы исследования организованной преступности, дается характеристика понятий организованной преступности и организованной преступной деятельности как негативного социально-правового явления, показывается, что противодействие организованной преступной деятельности на комплексной основе заключается не только в использовании всего разнообразия средств

и методов правоохранительных органов в выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений, но и в осуществлении мероприятий по профилактическому воздействию на криминогенные факторы, постоянный анализ изменений организованной преступности и ее причин (как в целом по стране, так и в отдельных регионах), определение стратегии и тактики данного направления правоохранительной деятельности в стране и на международном уровне с учетом реальных социально-экономических и политических условий, а также состояние общественного сознания населения и правоохранительной системы государства.

Соискателем разработаны новые теоретические положения о социально-правовой сущности организованной преступной деятельности, сформулированы рекомендации по совершенствованию понятийного аппарата доктрины уголовного права и криминологии по этим вопросам; изучена и показана взаимообусловленность политических процессов, происходящих в государстве на определенном этапе его исторического развития, с состоянием и уровнем преступности, рассмотрены вопросы криминализации (декриминализации) отдельных форм общественно опасного поведения, ужесточения ответственности за организованную преступную деятельность, а также иные формы государственного реагирования на изменение криминогенной обстановки в стране.

Докторант указывает на необходимость принятия специального федерального закона, в котором бы определялся комплекс мер политического, социально-экономического, информационно-пропагандистского, организационного, правового и иного характера по противодействию организованной преступности (С.30-31), а также рассматривает некоторые вопросы противодействия организованной преступности в зарубежных странах, где борьба с ней также считается одной из важнейших государственных задач.

Организованная преступная деятельность рассматривается в диссертации в уголовно-правовом смысле как деятельность, включающая в себя систему преступных действий, которые предусмотрены в каче-

стве преступления Особенной частью УК РФ, являются соучастием в преступлении, представляют собой приготовление к нему или покушение, а также в широком (криминологическом) смысле — как деятельность, включающая, помимо совершения собственно уголовно-наказуемых деяний, и организационное, информационное, идеологическое и иное обеспечение существования и функционирования соответствующего преступного объединения.

Подобное понимание организованной преступной деятельности дает возможность отнести к ней и такие акты поведения, которые сами по себе преступными не являются (установление коррумпированных связей в правоохранительных и иных государственных органах, вовлечение в преступное объединение новых участников и их обучение, идеологическое обеспечение преступной деятельности и формирование соответствующей субкультуры, материальная поддержка лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и др.) (С.45-46).

Соискателем обращается внимание на то, что в УК РФ 1996 г. используются понятия «преступная группа» (ч.4 ст.150) и «групповое преступление» (ст.64), поэтому им выясняется смысловое содержание этих понятий, а также то, в каком соотношении они находятся с предусмотренными в ст.35 УК РФ формами соучастия. В итоге соискатель приходит к обоснованному выводу, что соучастие в преступлении предполагает участие в этом двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, т.е. оно предполагает необходимость для каждого соучастника наличия вменяемости и достижения возраста уголовной ответственности (С.49).

В обоснование такого решения вопроса, соискатель ссылается на п.9 утратившего силу постановления № 7 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних».

В постановлении № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» этот вопрос не решается, по-

этому соискателю следовало бы дать этому факту соответствующую научную оценку.

Под формой соучастия в диссертации понимается совокупность объективно-субъективных признаков, сущностно отражающих определенный уровень организованности участников криминальной группы (С.50). Такая трактовка форм соучастия в принципе приемлема, однако она неприменима к случаям совершения преступления группой лиц без предварительного сговора (ч.1 ст.35 УК). Хотелось бы при защите диссертации услышать от соискателя, можно ли такую группу соисполнителей преступления считать «криминальной группой».

В работе исследуются и решаются дискуссионные вопросы о том, как квалифицировать действия лица женского пола, участвовавшего в подавлении сопротивления жертвы изнасилования (как пособника или соисполнителя?); требуется ли для квалификации получения взятки группой лиц по предварительному сговору наличие при этом не менее двух должностных лиц, предварительно о том договорившихся; предполагает ли получение взятки организованной группой участие в этом двух и более должностных лиц?

В целях преодоления трудностей с квалификацией содеянного при соучастии в изнасиловании лица женского пола соискатель рекомендует отказаться от состава изнасилования, предусмотреть в УК одну (общую) норму об ответственности за насильственные действия сексуального характера, в которой не будет никаких ограничений, касающихся субъекта данного преступления (С.55). Эта идея мне представляется неприемлемой. В российском законодательстве многие столетия традиционно изнасилованием признается насильственное половое сношение мужчины с женщиной. Поэтому женщину в таких криминальных ситуациях, по моему мнению, следует привлекать к ответственности за пособничество. Сложившуюся по этому вопросу судебную практику целесообразно привести в соответствие с законом о соучастии.

Организованную преступную группу соискатель рассматривает как форму соучастия, для которой характерны наличие организато-

ра и повышенная общественная опасность.

Исходя из формулировки п.12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», соискатель приходит к выводу, что совершение преступления организованной группой предполагает совместное участие в этом двух или более исполнителей, которые в силу статьи 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное. Одновременно с этим он рекомендует привести понимание совершения преступления организованной группой в соответствие со ст.2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, согласно которой организованная преступная группа определяется как «структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду» (С.62).

В трактовке Конвенции организованная преступная группа рассматривается как действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений. А в соответствии с п.«b» ст.2 этой Конвенции «серьезное преступление» означает преступление, наказуемое лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания.

При подписании Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней Россией не было сделано соответствующих оговорок по этим вопросам, она вступила в силу, а согласно ч.4 ст.15 Конституции РФ международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Поэтому при решении вопросов уголов-

ной ответственности за совершение преступления организованной группой следовало бы исходить из правил, установленных Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности.

В диссертации подчеркивается, что понятие «организованной группы» в российском уголовном законодательстве используется в нескольких значениях, в том числе в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака некоторых составов преступлений. Поэтому соискатель обоснованно указывает на недопустимость нивелирования общественной опасности совершения преступления организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией), на нецелесообразность использования этих форм групповых деяний в качестве квалифицирующего либо особо квалифицирующего признака в одной и той же части статьи, либо в одном и том же пункте статьи УК (С.69-73). Эта рекомендация представляется весьма важной, и законодателю к ней следовало бы прислушаться.

В случаях совершения преступления организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией) всех лиц, входящих в состав соответствующих криминальных структур, соискатель рекомендует признавать соисполнителями преступления, независимо от выполняемой ими при этом роли. На основе этой идеи в диссертации рекомендуется дополнить ст.33 УК РФ частью 2.1, согласно которой: «Лица, входящие в состав организованной группы или преступного сообщества, вне зависимости от выполняемой в них роли, признаются соисполнителями преступления, совершенного этой организованной группой или преступным сообществом».

Эту рекомендацию соискателя, по моему мнению, нельзя поддержать, поскольку ее реализация таит в себе возможность случаев объективного вменения. В обоснование своей научной позиции по этому вопросу соискатель ссылается на п.10 постановления № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)». Однако позиция Пленума по этому вопросу по делам

об убийстве не может быть распространена и на другие категории дел о преступлениях, совершенных организованной группой.

Раскрывая понятие преступного сообщества как формы соучастия, соискатель обращает внимание на то, что закон выделяет две разновидности преступного сообщества (преступной организации): структурированную организованную группу и объединение организованных групп, действующих под единым руководством.

В УК не указывается на какие-либо иные различия между этими понятиями. П.В. Агатовым предпринята попытка уяснения общего и особенного в рассматриваемых понятиях.

Федеральными законами № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» и № 112-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием закона „О противодействии экстремистской деятельности“» уголовная ответственность установлена не только за организацию деятельности экстремистского сообщества (ст.282.2 УК), но и за организацию самого экстремистского сообщества (ст.282.1 УК РФ). При этом описание признаков состава, предусмотренного ст.282.1 УК, осуществлено с использованием уголовно-правового понятия «организованная группа». В диссертации выясняется, является ли экстремистское сообщество разновидностью организованной преступной группы (ч.3 ст.35 УК) или видом преступного сообщества (ч.4 ст.35 УК РФ), показываются отличия организованной группы от преступного сообщества (преступной организации), при этом используются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем».

Соискатель приходит к обоснованному выводу, что сложный организационно-структурный уровень – важнейший и обязательный признак преступного сообщества (преступной организации), что преступным сообществом (преступной организацией) можно признать лишь такое формирование,

которое изначально, с момента своего создания, преследовало цель совершения не любых умышленных посягательств, а лишь тяжких либо особо тяжких. Конечной же целью деятельности преступного сообщества (преступной организации) выступает получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (С.85-88).

Во второй главе диссертации этого раздела исследуются формы соучастия по российскому законодательству, дается научная оценка по этому вопросу, его положениям, показывается роль института соучастия, как инструментальной основы конструирования норм, регламентирующих ответственность за сложные формы группового преступного взаимодействия – создание, руководство и участие в таком криминальном объединении.

Диссертантом разработаны научные рекомендации по оптимизации правовой регламентации ответственности за совершение преступления организованной группой и преступным сообществом. Среди них есть и такие, для положительной оценки которых нет оснований. Нельзя, например, поддерживать рекомендацию об изложении в новой редакции ч.4 ст.35 УК РФ: «Преступление признается совершенным преступным сообществом, если оно совершено структурированным, состоящим из двух или более организованных групп иерархическим объединением, созданным для систематического совершения преступлений, для получения прямо или косвенно финансовой или материальной выгоды». Исключение из ч.4 ст.35 УК указания на признак совершения тяжких и особо тяжких преступлений может повлечь за собой «искусственный» рост в стране числа преступных сообществ (преступных организаций) за счет групповых преступлений средней и даже небольшой тяжести. Эта идея не согласуется также с положениями Палермской Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности.

В разделе II диссертации «Ответственность за организованную преступную деятельность в истории российского уголовного законодательства, международно-правовых актах и зарубежном уголовном законодательстве» (С.93-155), структурно состоя-

щем из двух глав и четырех параграфов, исследуются вопросы истории отечественного законодательства о соучастии и видах соучастников, об ответственности за совершение некоторых групповых преступлений и форм групповой преступной деятельности в царское, советское и постсоветское время, рассматриваются проблемы становления международно-правового реагирования на организованную, в том числе транснациональную преступность, а также раскрывают вопросы уголовно-правового регулирования ответственности за различные формы организованной преступной деятельности в странах ближнего и дальнего зарубежья.

В главе «Генезис российского уголовного законодательства об ответственности за организованную преступную деятельность» рассматриваются вопросы истории законодательства о понимании соучастия, видов соучастников, ответственности за групповые формы преступной деятельности; исследуются положения Соборного уложения 1649 г., нормы об ответственности за некоторые виды и формы групповых преступлений по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (в редакциях 1845, 1866, 1885 гг.), по Уголовному уложению 1903 г., подчеркивается, что в тот исторический период уголовно-правовые нормы устанавливались и применялись главным образом для защиты существующего политического режима и экономической системы государства.

В данной главе диссертации исследуются первые законодательные акты Советского государства, положения о соучастии и групповых преступлениях по УК РСФСР 1922 и 1926 гг., дается их научная оценка, акцентируется внимание на том, что, по законодательным актам того времени, в качестве форм организованной преступности рассматривались в основном антисоветская организация и банда.

В работе рассматриваются причины появления кризисных явлений в социально-экономической и политической сферах российского общества 1980-1990 гг. и связанные с ними рост преступности, появление организованной преступности, освещаются некоторые вопросы развития российской науки криминологии, проти-

воборство научных взглядов по вопросам организованной преступности и ее причин, о введении этого понятия в российское законодательство (Я.И. Гилинский, А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, Д.А. Шестаков, В.Ф. Цепелев, В.Е. Эминов и др.).

В диссертации изучены и описаны некоторые международно-правовые документы по вопросам противодействия организованной преступности (С.133-142), а также уголовное законодательство некоторых зарубежных государств об ответственности за организованную преступную деятельность (С.143-155). Познавательный интерес представляет информация о правовом регулировании уголовной ответственности за организованные формы преступности по законодательству Италии, Японии, Франции, Испании, ФРГ, Швейцарии, КНР и других государств, а также о стремлении стран ближнего зарубежья подробно обозначить признаки организованных преступных групп (организаций).

Диссертант пришел к выводу, что большинством стран накоплен богатый законодательный опыт регламентации ответственности за организованную преступную деятельность и существуют тенденции к унификации законодательства по этому вопросу.

В рецензируемой работе четко определяется авторская научная позиция по вопросу понимания имплементации как заимствования положений международного права в качестве их обязательной реализации в соответствии с ратифицированным законом, осуществляемым посредством трансформации национального законодательства. Соискатель обращает внимание руководства страны и общества на запаздывание с имплементацией норм международного права, на имеющиеся по этому вопросу расхождения в правовой науке и сложности с ее использованием (С.135).

Осознание руководителями многих государств лидерами политических сил того факта, что противодействие транснациональной организованной преступности невозможно без объединения усилий мирового сообщества, представляется позитивным явлением.

В разделе III диссертации «Уголовно-правовая политика противодействия ор-

ганизованной преступной деятельности» (С.156-236), подразделенном на две главы и пять параграфов, исследуются основания, принципы и пределы криминализации и пенализации преступности и организованной преступной деятельности в частности, а также основные направления и способы совершенствования уголовно-правового регулирования в сфере противодействия организованной преступности.

Соискатель обращает внимание на необоснованную перенасыщенность Особенной части УК специальными нормами об ответственности за сложные формы соучастия, что, по его мнению, нельзя связать с естественными, закономерными процессами в законодотворчестве, которые не всегда отвечают требованиям системности, социальной обусловленности и научной обоснованности, а зачастую являются результатом политической конъюнктуры и популистских решений (С.156).

В этом разделе диссертации несомненную познавательную и прикладную ценность имеют суждения диссертанта о содержании понятия уголовно-правовой политики, методами которой им рассматриваются криминализация и пенализация преступности и ее организованных форм. Для доктрины уголовного права и криминологии имеет значение также и то, как соискатель и некоторые другие авторы связывают понятие «организованная преступность» с исследованием ее в рамках уголовно-правовой проблематики, а «организованная преступная деятельность» – с изучением ее в криминологическом плане.

В работе П.В. Агапова подвергнуты разносторонней проработке основания и принципы криминализации преступности и организованной преступности (С.160-183), по этим вопросам выявлены существенные понятийно-криминологические дефекты законодательства и доктрины, что дестабилизирует судебно-следственную практику, порождает ошибки при квалификации преступлений, связанных с созданием, руководством и участием в преступных объединениях, ведет к необоснованному усилению уголовной репрессии.

Существенной информативностью характеризуется §2 главы первой диссертации рассматриваемого раздела, посвященный пенализации преступности как важному направлению уголовно-правового воздействия на преступность в целом и, в частности, на организованную преступность (С.183-199). Поскольку уголовно-правовое воздействие охватывает как законодательную, так и правоприменительную деятельность, вопросы пенализации рассматриваются соискателем на этих уровнях (С.186). Наказание как инструмент правового воздействия показывается им и в качестве формы реализации уголовной ответственности, и средства сдерживания потенциально склонных к совершению преступлений лиц, и средства исправления тех, кто уже совершил преступление.

В диссертации подчеркивается, что основания уголовной ответственности за участие в организованном преступном объединении, ставящем перед собой цель совершения преступлений, имеются лишь тогда, когда оно выражалось в совершении предусмотренных в УК РФ конкретных общественно опасных деяний в интересах этого объединения; когда такое участие было активным, деятельным и не выражалось в простом бездейственном членстве в преступном объединении; лицо может считаться членом преступного объединения, если оно существенно способствовало его функционированию, а участие в преступном объединении может признаваться оконченным преступлением, если лицо дало согласие не просто на вступление в него, а подкрепило это конкретной практической деятельностью, выполнило какие-либо действия, вытекающие из факта принадлежности к деятельности соответствующей криминальной структуры (С.215).

В работе поднимаются и исследуются вопросы использования в противодействии организованной преступной деятельности так называемого компромисса, показываются поощрительные примечания к соответствующим статьям Особенной части УК, обсуждаются вопросы возможности освобождения от уголовной ответственности руководителей организованных преступных

сообществ, целесообразности заключения с членом организованного криминального объединения соглашения о сотрудничестве со следствием и судом, правовые последствия такого соглашения.

Заслуживает поддержки предложение соискателя об установлении общего основания освобождения от уголовной ответственности участников групповых преступлений. Им рекомендуется ввести в главу 11 УК РФ новую статью 76.2 под заголовком «Освобождение от уголовной ответственности участников организованных преступных групп и преступных сообществ». Рекомендуемая статья изложена следующим образом: «Лицо, добровольно прекратившее участие в организованной группе или преступном сообществе и активно способствовавшее пресечению деятельности такой группы (сообщества), раскрытию преступлений, совершенных и (или) планируемых такой группой (сообществом), может быть освобождено от уголовной ответственности за все совершенные им преступления, за исключением особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь». Вместе с этим в диссертации уместно предлагается исключить из УК РФ поощрительные примечания к ст.208, 210, 282.1 УК.

Особо значимыми представляются соображения соискателя по вопросам обеспечения правовой защиты лиц, выполняющих специальное задание по пресечению или раскрытию деятельности организованной преступной группы или преступного сообщества, привлекаемых к этому в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (С.231-236).

Эту проблему диссертант решает путем обоснования предложения о дополнении УК РФ новым видом обстоятельств, исключающих преступность деяния: «Выполнение специального задания по пресечению либо раскрытию деятельности организованной группы или преступного сообщества». Соискателем разработана по этому вопросу продуманная редакция ст. 42.1 УК РФ.

В разделе IV диссертации «Основы криминологической теории противодействия организованной преступной деятельности»

(С.237-349), состоящем из двух глав и четырех параграфов, исследуется сущность организованной преступности как сложного социально-правового феномена. В качестве исходного пункта изучения этого феномена соискатель избирал комплексный подход как методологическую основу наиболее глубокого погружения в исследуемую проблему.

В диссертации подчеркивается, что феномен организованной преступности в стране стал заметен на фоне общего роста преступности, произошедшего в результате масштабного экономического кризиса в начале 1990 гг., ослабления управленческой и правоохранительной функции государства, утраты большинством граждан жизненных ориентиров и связанного с этим обострения чувства социальной неустроенности и незащищенности, ростом деформации общественной нравственности и правового нигилизма, а также возникших межнациональных конфликтов на территории бывшего СССР.

Соискатель присоединяется к мнению тех криминологов, которые полагают, что организованная преступность – это в первую очередь социально-экономическое явление, что она приобретает характер организованности только тогда, когда в ее структуре появляются признаки экономической составляющей (С.245). П.В. Агапов обращает внимание и на то, что возникновение и укрепление организованной преступности связано не только с экономическими детерминантами, но и с ослаблением профилактической и культурно-воспитательной работы с молодежью, непродуманной молодежной политикой, с нерегулируемой миграцией сельского населения в города и рабочие поселки. Как следствие кризисного состояния экономики, произошло расслоение российского общества на узкий круг богатых и сверхбогатых людей и на преобладающее число малообеспеченного населения, увеличение удельного веса граждан, живущих за чертой бедности.

Диссертантом подчеркивается, что для большинства низших социальных слоев населения (подростков из неблагополучных и малообеспеченных семей, безработных и т.д.), криминальная альтернатива стала возможностью повышения своего социального статуса.

На основе изучения различных научных взглядов российских и зарубежных криминологов, а также специалистов науки уголовного права по вопросам понимания организованной преступности соискатель рассматривает ее как негативное социальное явление, характеризующееся сплочением криминальной среды для систематического осуществления преступной деятельности в целях извлечения материальной выгоды, а в подавляющем большинстве случаев – сверхприбыли.

Следует согласиться с ним в том, что организованные преступные формирования можно рассматривать и как особую, новую форму социальной организации индивидов, имеющих определенные материальные цели и интересы и объединенных противоправным способом их достижения и удовлетворения.

В диссертации отмечается, что комплекс детерминантов организованной преступности весьма разнообразен. Поэтому при рассмотрении этого вопроса соискатель исходит из многофакторного ряда причин, показывает отдельные из них на примерах правоприменительной практики. В работе показывается, что на детерминацию организованной преступности и организованной преступной деятельности, помимо экономических факторов, оказывают влияние противоречия в социально-политической сфере, снижение (или падение) духовно-нравственного потенциала общества, ослабление системы государственного регулирования и контроля, сращивание части чиновников государственных органов с представителями организованной преступности, проникновение их представителей в различные властные структуры, несовершенство правовой базы, увеличение имущественной дифференциации населения, рост безработицы и др. (С.255)

В рецензируемой работе указывается, что об организованной преступности в нашей стране заговорили в конце 1980 гг., а в 1991 г. была создана Российская криминологическая ассоциация во главе с проф. А.И. Долговой, которой удалось объединить усилия криминологов разных ведомств и регионов по изучению преступности в целом и организованной преступности в частности.

В диссертации отмечается, что отечественные криминологи были инициаторами, организаторами либо участниками российских и международных семинаров, симпозиумов и конференций по вопросам предупреждения преступности и, в частности, организованной преступности, на которых постепенно было выработано понимание организованной преступности. Например, на конференции в Варшаве в 1998 г. было предложено под организованной преступностью понимать «групповую деятельность трех или более лиц, с иерархическими связями или личными отношениями, позволяющими их главарям извлекать доход или контролировать территории или рынки, внутренние или внешние, посредством насилия, запугивания или коррупции, как для продолжения преступной деятельности, так и для проникновения в легальную экономику».

В диссертации подчеркивается, что к началу XXI века произошло завершение стадии стихийного саморазвития организованной преступности. Если вначале преобладали криминальные группировки малой численности с узкой специализацией и локально-объектовой зоной влияния, то к началу XXI века началось формирование преступных сообществ со сложной иерархической структурой управления, с большой численностью участников, с гибкой специализацией, преимущественно в рамках региональной сферы деятельности, а затем и с более широким охватом сферы организованной преступной деятельности, с российскими и транснациональными связями.

В числе разработанных П.В. Агаповым вопросов следует назвать и отличия понятия «противодействия преступности» от понятия «борьба с преступностью». По обоснованному утверждению соискателя, борьба с преступностью является лишь одним из элементов более сложного системного образования противодействия преступности, включающего в себя комплекс мер политического, социально-экономического, информационно-пропагандистского, организационного, правового и иного характера, осуществляемых государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями и направленными на нейтрализацию криминальных процессов

в обществе, сдерживание преступности и сокращение темпов ее роста. Целью противодействия преступности является минимизация ее влияния на все сферы жизни общества до уровня, не угрожающего безопасному существованию личности, реализации приоритетных реформ, государственных программ, направленных на обеспечение устойчивого роста уровня жизни граждан и поддержание национальной безопасности (С.315-317).

В работе П.В. Агапова подчеркивается, что организованная преступность тесно взаимосвязана с коррупцией, а в качестве одного из действенных средств ее предупреждения рекомендуется использовать ротацию кадров, обращается внимание и на то, что одной из характерных ее черт является транснациональный характер, возрастание активности и влияния «этнических» преступных объединений. В диссертации указывается, что в обществе наблюдается социально-психологический процесс привыкания населения к преступности, к ее новым формам – организованной и коррупционной преступности.

В диссертации подчеркивается, что основной тенденцией развития современной российской организованной преступности является ее нацеленность на сферу экономики, ее стремление к влиянию на государственные и общественные институты, обладание политической властью. Наиболее уязвимыми отраслями экономики в диссертации называются кредитно-финансовая сфера, металлургический и топливно-энергетический комплексы, лесная промышленность, рынок ценных бумаг, производство и реализация алкогольной и табачной продукции (С.259-314).

В данном разделе диссертации дается также криминологическая и уголовно-правовая характеристика наиболее распространенных форм организованной преступной деятельности, их общественной опасности, показывается социально-психологический портрет личности лидера таких криминальных объединений, обозначаются недостатки в правовом регулировании ответственности за создание, руководство и участие в организованных криминальных объединениях, а также в работе правоохранительных органов по противодействию организованной преступной деятельности.

В диссертации определены наиболее важные векторы совершенствования уголовного права, мер криминологического и организационного характера, способных предопределить успех противодействия организованной преступной деятельности в стране. Это:

- совершенствование структуры правоохранительных органов;
- создание в Главном информационно-аналитическом центре МВД России для регистрации и учета сведений об организованной преступности межведомственного банка данных на региональные, межрегиональные и транснациональные преступные группы и сообщества;
- обеспечение надлежащей защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства;
- международное сотрудничество на основе реализации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протоколов;
- противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем;
- информационно-пропагандистское обеспечение предупреждения организованной преступности.

Мне представляется весьма важным и заслуживающим поддержки вывод соискателя о том, что предупреждение, пресечение и расследование тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, следует рассматривать как постоянную обособленную функцию государства, для обеспечения которой необходима самостоятельная федеральная служба по борьбе с наиболее опасными видами организованной преступности (С.340).

Соискатель рекомендует принять специальный федеральный закон (о чем говорилось и в разделе I диссертации), в котором стоит предусмотреть положения, содержащие понятийный аппарат, систему субъектов борьбы с организованной преступностью, комплекс специальных мер по предупреждению организованной преступности, механизмы возмещения убытков и устранения иных последствий деятельности организованных преступных объединений, международное сотрудничество

в борьбе с транснациональной организованной преступностью, гарантии законности и безопасности борьбы с организованной преступностью, финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности субъектов, осуществляющих борьбу с организованной преступностью.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, формулируются разработанные в ней теоретические положения и рекомендации прикладного характера, предлагается внести в УК РФ новые нормы по вопросам противодействия преступности и организованной преступной деятельности (С.350-363).

Диссертация П.В. Агапова подготовлена на достаточной эмпирической базе, с использованием материалов судебно-следственной практики по уголовным делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами и преступными сообществами, на разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Приложения к диссертации углубляют ее содержание. Библиографический список из 608 источников, использованных при написании диссертации, свидетельствует о достаточно глубокой теоретической подготовке соискателя. Разработанные в диссертации теоретические положения и рекомендации прикладного характера подкрепляются удачно имеющимися в доктрине взглядами известных специалистов в области науки уголовного права и криминологии, полученными соискателем эмпирическими данными, поэтому они представляются убедительными и заслуживающими доверия.

Разработанные П.В. Агаповым теоретические положения и рекомендации прикладного характера апробированы в его многочисленных публикациях, в том числе в 22 научных статьях в журналах и изданиях, рекомендованных ВАКом Минобрнауки РФ, в 10 монографиях, научно-практических и учебных пособиях, иных 46 публикациях.

Положения диссертации использовались соискателем в учебной и учебно-методической работе в Санкт-Петербургском университете МВД России, Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, а также в Ленинградском государственном университете им А.С. Пушкина, внедре-

ны в практическую деятельность правоохранительных органов г. Санкт-Петербурга, Ленинградской и Самарской областей, а отдельные из них нашли практическое воплощение в деятельности Управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Автореферат диссертации отражает ее основное содержание, кроме досадной опечатки на страницах 41 автореферата и 237 диссертации, на которых раздел IV работы «Основы криминологической теории противодействия организованной преступной деятельности» назван Разделом III.

Мои возражения либо иное мнение по некоторым теоретическим положениям диссертации и рекомендациям прикладного характера по отдельным разделам диссертации, не являются «истиной в последней инстанции», могут рассматриваться в качестве дискуссионных.

Весьма высоко, в целом, оценивая научно-квалификационную работу П.В. Агапова, считаю целесообразным указать на некоторые ее недостатки общего характера.

В ней имеются, например, утверждения, которые устарели, пока работа проходила необходимые этапы ее научной экспертизы и оформления к представлению к защите. Так, на с.190 диссертации утверждается, что во всех трех частях ст.209 УК РФ в качестве дополнительного наказания предусматривается штраф «в максимальном размере, который предусмотрен Общей частью УК РФ (ч.2 ст.46 УК РФ)». Редакция ч.2 ст.46 УК РФ неоднократно менялась. В редакции Федерального закона № 134-ФЗ от 28.06.2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» ч.2 ст.46 УК РФ штраф устанавливается в размере от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет либо исчисляется в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, взятки или сумме незаконно перемещенных денеж-

ных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Штраф в размере от пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период свыше трех лет может назначаться только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за исключением случаев исчисления размера штрафа исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов. Штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, устанавливается в размере до стократной суммы коммерческого подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, но не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пятисот миллионов рублей. Максимальный же размер штрафа в качестве дополнительного наказания в ч.1-3 ст.209 УК РФ установлен до одного миллиона рублей.

В работе имеются суждения, не согласующиеся с действующим уголовным законом. Указывая на усиление пенализации (ответственности) за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (С.193-194), соискатель утверждает, что это «исключает, в частности, возможность назначения виновным лицам условного осуждения в порядке, предусмотренном ст.73 УК РФ».

Для данного утверждения нет оснований. Условное осуждение ныне не назначается осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста; при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления либо в неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении; при опасном или особо опасном рецидиве.

Других ограничений для назначения условного осуждения законом не устанавливается.

Соискатель на с.229 диссертации обращает внимание на противоречивость положения, содержащегося в ч.2 ст.62 УК РФ и касающегося обязанности суда смягчить наказание в случае заключения (обвиняемым, подсудимым) досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» ч.1 ст.61 УК РФ, и при отсутствии отягчающих обстоятельств. Автор полагает, что для участников организованных групп и преступных сообществ применение правила п.«и» ч.1 ст.62 УК РФ блокируется положениями пункта «в» ч.1 ст.63 УК РФ. Это утверждение неосновательно, так как согласно ч.2 ст.63 УК «если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания».

По моему мнению, Павел Валерьевич заслуживает критики и за то, что в его столь богатом библиографическом списке источников, использованных при работе над диссертацией, не нашлось места работам ныне здравствующего, весьма известного и уважаемого в научном мире отечественного криминолога Я.И. Гилинского. Заслуги этого криминолога в изучении организованной преступности отмечаются и самим соискателем на страницах 237, 242-243, 255 диссертации.

В диссертации встречаются описки и ошибки «так называемой усталости». На с.36-37 работы говорится о необходимости включения в перечень организованных преступных объединений некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, со ссылкой при этом на ст.329 УК РФ. Ответственность же за организацию некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, предусмотрена не ст.329, а ст.239 УК РФ.

В работе встречаются повторения либо пропуски отдельных слов и букв, влияющие на смысл сказанного (С.11, 134, 268, 360), имеются нарушения правил согласования между членами предложения

(С.139, 193, 274, 336). Монография А.Э. Жалинского 1976 г. издания «Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории)» названа «Социальное предупреждение преступлений»; источник опубликования Указа Президента СССР от 4 февраля 1991 г. неверно назван «Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета СССР» (С.399).

Моя критика и возражения по отдельным положениям диссертации не умаляют ее общей положительной оценки.

Поэтому я прихожу к заключению, что диссертация Агапова Павла Валерьевича на тему «Основы противодействия организованной преступной деятельности» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения учения об организованной преступности и противодействии организованной преступной деятельности, а также научные рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное политическое, социально-экономическое, культурное и правовое значение, т.е. эта работа соответствует критериям абзаца первого пункта седьмого и пункта восьмого Положения о порядке присуждения ученых степеней от 30.01.2002 г. № 74 (в ред. постановления Правительства РФ от 20.06.2011 г. № 475), а автор диссертации, Агапов Павел Валерьевич, заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исправительное право.

В.П. Малков

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации и Татарской АССР*

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
3. К статье соискателя, адъюнкта должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
5. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
6. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, межстрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
7. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
8. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).